

Алексѣй Васильевичъ КОЛЬЦОВЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

СОСТАВИЛЪ

В. Покровскій.

Издание третье, дополненное.

МОСКВА.

Складъ въ книжномъ магазинѣ В. СПИРИДОНОВА и А. МИХАЙЛОВА.
Москва, Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Анц. О-во. Тел. 1-20-95.
1914.

Цена 40 коп.

Александр Васильевич

КОРПОРАЦИЯ

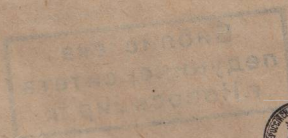
КОМПАНИЯ И СОУЩЕСТВО

Содержание

Содержание

Содержание

Содержание

Типография Г. Лиснера и Д. Совко.
Москва, Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. 9.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ *третьемъ* изданіи помѣщены слѣдующія новыя статьи: Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Кольцова, *Маркова*. — Личный элементъ въ поэзіи Кольцова, *Владимирова* и *Волынскаго*. — Думы Кольцова и ихъ органическая связь съ пѣснями, *Волынскаго*. — Отношеніе Кольцова къ предшественникамъ, *А. Соболевскаго*. — Кольцовъ и народная лирика, *А. Некрасова*. — Кольцовъ и Бэрнсъ, *Веселовскаго*. — Кольцовъ и Никитинъ, *Бунакова*. — Языкъ Кольцова, изъ «*Академической библіотеки русскихъ писателей*», в. I. — Педагогическое значеніе пѣсенъ Кольцова, *Бунакова*. — Кольцовъ, какъ чловѣкъ, *Каткова*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стран.</i>
Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ (біографическій очеркъ) <i>Бѣлинскаго</i>	1
Стихотвореніе Кольцова, <i>его же</i>	20
Жизненная правда въ поэзіи Кольцова, <i>Введенскаго</i>	33
Естественность, вѣрность и живость въ изображеніи людей и природы у Кольцова, изъ изд.-Кольцова 1877 г.	38
Поэзія крестьянскаго быта, <i>Майкова</i>	45
Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Кольцова, <i>Маркова</i>	52
Проявленіе религіознаго чувства у крестьянина въ различные моменты его жизни по стихотвореніямъ Кольцова, <i>Прядкина</i>	54
Крестьянскій трудъ съ его горемъ и радостями.	56
Сѣнокосъ. Причина неполноты описанія Кольцовымъ сѣнокоса	58
«Страда деревенская». Тяжесть труда въ это время. Осеннія работы, <i>Прядкина</i>	59
Идеализмъ Кольцова въ изображеніи крестьянской жизни и живнерадостное отношеніе къ природѣ, <i>Майкова</i>	62
народность пѣсенъ Кольцова, <i>Радонежскаго</i>	66
Личный элементъ въ поэзіи Кольцова, <i>Владимирова и Волынскаго</i>	72
Русская женщина въ поэзіи Кольцова. <i>Майкова</i>	76
Природа въ произведеніяхъ Кольцова, <i>Владимирова</i>	80
Отголоски мифологическихъ вѣрованій въ стихотвореніяхъ Кольцова, <i>Стефановскаго</i>	82
Думы Кольцова и ихъ органическая связь со стихотвореніями, <i>Волынскаго</i>	85
Отношеніе Кольцова къ предшественникамъ и современникамъ, <i>Соболевскаго и Владимирова</i>	87
Кольцовъ и народная лирика, <i>А. Некрасова</i>	91
Семейный бытъ въ пѣсняхъ Кольцова и народной лирикѣ, <i>Водовозова</i>	122
Кольцовъ и Бэрнсъ, <i>Веселовскаго</i>	134
Кольцовъ и Никитинъ, <i>Бунакова</i>	136
Языкъ Кольцова, <i>Изъ «Академической библиотеки русскихъ писателей»</i> , в. 1-го.	141
Особенности языка пѣсенъ Кольцова, <i>Прядкина</i>	147
Пѣсни Кольцова въ стилистическомъ отношеніи, <i>Крылова</i>	150
Языкъ пѣсенъ Кольцова въ грамматическомъ отношеніи, <i>Истомина</i>	152
Педагогическое значеніе пѣсенъ Кольцова, <i>Бунакова и Василькова</i>	157
Кольцовъ, какъ человѣкъ, <i>Каткова</i>	168

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ Воронежѣ въ 1809 году, октября 2-го. Отецъ его, ворокежскій мѣщанинъ, былъ чело- вѣкъ небогатый, но достаточный, промышлявшій стадами барановъ для доставки матеріала на салотопенные заводы. Одаренный самыми счастливыми способностями, молодой Кольцовъ не получилъ никакого образованія. Воспитаніе его предоставлено было природѣ, какъ это бываетъ у насъ и не въ одномъ этомъ сословіи. Само собою разу- мѣется, что съ раннихъ лѣтъ онъ не могъ набраться не только какихъ-нибудь нравственныхъ правилъ или усвоить себѣ хорошія привычки, но и не могъ обогатиться никакими хорошими впечатлѣ- ніями, которыя для юной души важнѣе всякихъ внушеній и толко- ваній. Онъ видѣлъ вокругъ себя домашнія хлопоты, мелочную тор- говлю съ ея продѣлками, слышалъ грубыя и не всегда пристойныя рѣчи даже отъ тѣхъ, изъ чьихъ устъ ему слѣдовало бы слышать одно хорошее. Всѣмъ извѣстно, какова вообще наша семейственная жизнь, и какова она въ особенности въ среднемъ классѣ, гдѣ му- жицкая грубость лишена добродушной простоты и соединена съ мѣ- щанскою спесью, ломаньемъ и кривляньемъ. По счастью, къ благо- датной натурѣ Кольцова не приставала грязь, среди которой онъ родился и на лонѣ который былъ воспитанъ. Съ дѣтства онъ жилъ въ своемъ особомъ мірѣ, — и ясное небо, лѣса, поля, степь, цвѣты производили на него гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели грубая и удушливая атмосфера его домашней жизни. Предоставленный са- мому себѣ безъ всякаго присмотра, Кольцовъ, подобно всѣмъ дѣтямъ любившій бродить босикомъ по травѣ и по лужамъ, чуть было не лишился на всю жизнь употребленія ногъ, и долго былъ боленъ, такъ что хотя его впослѣдствіи и вылѣчили, однако онъ все-таки чувствовалъ отзвывы этой болѣзни. Только необыкновенно крѣпкое сложеніе могло спасти его отъ калѣчества или и самой смерти, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ случаяхъ его жизни. Такъ, напри- мѣръ, будучи уже старше шестнадцати лѣтъ, онъ, на всемъ скаку, упалъ съ лошади черезъ ея голову и такъ сильно ударился тыломъ о землю, что на всю жизнь остался сутуловатымъ. Но, несмотря на все это, онъ былъ здоровъ и крѣпокъ.

На десятомъ году Кольцова начали учить грамотѣ, подѣ руководствомъ одного изъ воронежскихъ семинаристовъ. Такъ какъ грамота ребенку далась, и онъ скоро ей выучился, его отдали въ воронежское уѣздное училище, изъ котораго онъ былъ взятъ, пробывши около четырехъ мѣсяцевъ во второмъ классѣ. Такъ какъ онъ умѣлъ уже читать и писать, то отецъ его и заключилъ, что больше ему ничего не нужно знать, и что воспитаніе его кончено. Не знаемъ, какимъ образомъ былъ онъ переведенъ во второй классъ, и вообще чему онъ научился въ этомъ училищѣ, потому что какъ ни коротко мы знали Кольцова лично, но не замѣтили въ немъ никакихъ признаковъ первоначальнаго образованія. Мало того, изъ примѣра Кольцова мы больше всего убѣдились въ важности первоначальнаго образованія, которое можно получить въ уѣздномъ училищѣ. При всѣхъ его удивительныхъ способностяхъ, при всемъ его глубокомъ умѣ — подобно всѣмъ самоучкамъ, образовавшимся урывками, почти тайкомъ отъ родительской власти, Кольцовъ всегда чувствовалъ, что его умственному существованію недостаетъ твердой почвы, и что, вслѣдствіе этого, ему часто достается съ трудомъ то, что легко усваивается людьми очень недалекими, но воспользовавшимися благодѣяніями первоначальнаго обученія. Такъ, напримѣръ, онъ очень любилъ исторію, но многое въ ней было для него странно и дико, особенно все, что относилось до древнаго міра, съ которымъ необходимо сблизиться въ дѣтствѣ, чтобы понимать его. Для всякаго, кто въ уѣздномъ училищѣ прошелъ хоть Кайданова исторію, незамѣтно дѣлаются какъ будто родственными имена героев древности. Древняя жизнь и древній бытъ такъ не похожи на нашу жизнь и нашъ бытъ, что только чрезъ науку, въ лѣта дѣтства, можемъ мы освоиваться съ ними и привыкать находить ихъ возможными и естественными. Вслѣдствіе этого же недостатка въ первоначальномъ образованіи, Кольцовъ, при всей глубокости и гибкости своего эстетическаго вкуса, не могъ понимать «Иліады», хотя и не разъ принимался читать ее въ переводѣ Гнѣдича, — между тѣмъ какъ Шекспиръ восхищалъ его даже въ посредственныхъ и плохихъ переводахъ, и онъ съ жадностью собиралъ, читалъ и перечитывалъ ихъ. Что онъ не много вынесъ изъ уѣзднаго училища, хотя и пробылъ четыре мѣсяца даже во второмъ классѣ — это всего яснѣе видно изъ того, что онъ не имѣлъ почти никакого понятія о грамматикѣ и писалъ вовсе безъ орфографіи.

Несмотря на то, съ училища началось для Кольцова пробужденіе его умственной жизни: онъ началъ пристращаться къ чтенію. Получаемыя отъ отца деньги на игрушки онъ употреблялъ на покупку сказокъ, и «Бова Королевичъ» съ «Ерусланомъ Лазаревичемъ» составляли его любимѣйшее чтеніе. На Руси не одна одаренная богатою фантазіею натура, подобно Кольцову, начала съ этихъ сказокъ свое литературное образованіе. Охота къ сказкамъ всегда есть вѣрный признакъ въ ребенкѣ присутствія фантазіи и склонности къ поэзіи, — и переходъ отъ сказокъ къ романамъ и стихамъ очень естественъ:

тѣ и другіе даютъ пищу фантазіи и чувству, съ тою только разницею, что сказки удовлетворяютъ дѣтскую фантазію, а романы и стихи составляютъ потребность уже болѣе развившейся и болѣе подружившейся съ разумомъ фантазіи. Читая сказки, Кольцовъ почувствовалъ охоту составлять самому что-нибудь въ ихъ родѣ. Но такъ какъ тогда онъ еще не имѣлъ привычки повѣрять бумагѣ все, что ни приходило ему въ голову, то его неясныя самому ему авторскія порыванія и остались въ однѣхъ мечтахъ.

Десятилѣтній Кольцовъ взять былъ изъ училища отцомъ своимъ для того, чтобы помогать ему въ торговлѣ. Онъ бралъ его съ собою въ степи, гдѣ, въ продолженіе всего лѣта, бродилъ его скотъ, а зимою посылалъ его съ приказчиками на базары для закупки и продажи товара. Итакъ, съ десятилѣтняго возраста Кольцовъ окунулся въ омутъ довольно грязной дѣйствительности, но какъ будто и не замѣтилъ ея: его юной душѣ полюбилися широкое раздолье степи. Не будучи еще въ состояніи понять и оцѣнить торговой дѣятельности, кипѣвшей на этой степи, онъ тѣмъ лучше понялъ и оцѣнилъ степь и полюбилъ ее страстно и восторженно, полюбилъ ее какъ друга, какъ любовницу. Поэтому ремесло прасола не только не было ему неприятно, но еще познакомило его съ степью и давало ему возможность цѣлое лѣто не разставаться съ нею. Онъ любилъ вечерній огонь, на которомъ варилась степная каша; любилъ ночлеги подъ чистымъ небомъ, на зеленой травѣ; любилъ иногда цѣлые дни не слѣзать съ коня, перегоняя стадо съ одного мѣста на другое. Правда, эта поэтическая жизнь была не безъ неудобствъ и не безъ неудовольствій очень прозаическихъ. Случалось цѣлые дни и недѣли проводить въ грязи, слякоти, на холодномъ осеннемъ вѣтру, засыпать на голой землѣ, подъ шумъ дождя, подъ защитой войлока или овчиннаго тулупа. Но привольное раздолье степи въ ясные и жаркіе дни весны и лѣта вознаграждало его за всѣ лишенія и тягости осени и бурной погоды.

Разставаясь съ степью, Кольцовъ только мѣнялъ одно наслажденіе на другое: въ городѣ его ожидали сказки и товарищи. Симпатичная натура его рано открылась для любви и дружбы. Бывши еще въ училищѣ, онъ сблизился съ мальчикомъ, ровесникомъ ему по лѣтамъ, сыномъ богатаго купца. Сблизила его съ нимъ страсть къ чтенію, которая въ обоихъ ихъ была сильна. У отца пріятеля Кольцова было много книгъ, и друзья пользовались ими свободно, вмѣстѣ читая ихъ въ саду; Кольцовъ даже бралъ ихъ и на домъ. Правда, эти книги были не что-нибудь дѣльное, а романы Дюкре-дю-Мениля, Августа Лафонтена и подобныхъ имъ; но если для впечатлительной, одаренной сильною фантазіею, природы и сказки о Бовѣ и Ерусланѣ могли служить нравственнымъ будильникомъ, то естественно, что эти романы еще болѣе не могли не быть ей полезными. Больше всего полюбились Кольцову изъ этихъ книгъ «Тысяча и одна ночь» и «Кадмъ и Гармонія» Хераскова, особенно первая.

И немудрено: арабскія сказки созданы для того, чтобы плѣнять и очаровывать впечатлительное воображеніе дѣтей и младенчествуящихъ народовъ. Тогда русскія простонародныя сказки потеряли для Кольцова всю свою цѣну: это былъ съ его стороны первый шагъ впередъ на пути развитія. Ему уже не хотѣлось сочинять сказокъ; романы овладѣли всѣмъ существомъ его, и, разумѣется, у него родилось желаніе самому произвести что-нибудь въ этомъ родѣ; но это желаніе опять осталось при одной мечтѣ.

Такимъ образомъ, между степью съ баранами и чтеніемъ съ пріателемъ, провелъ Кольцовъ три года. Въ это время ему суждено было въ первый разъ узнать несчастье: онъ лишился своего друга, умершаго отъ болѣзни. Горестъ Кольцова была глубока и сильна; но онъ не могъ не утѣшиться скоро, потому что былъ еще слишкомъ молодъ, и въ немъ было слишкомъ много жизни, стремленія и отзыва на призывы бытія. Чтеніе сдѣлалось его прибѣжищемъ отъ горести и утѣшеніемъ въ ней. Послѣ его пріятеля ему осталось нѣсколько десятковъ книгъ, которыя онъ перечитывалъ на свободѣ и въ городѣ и въ степи. До сихъ поръ онъ не читалъ стиховъ и не имѣлъ о нихъ никакого понятія. Вдругъ печаянно покупаетъ онъ на рынкѣ за сходную цѣну сочиненія Дмитріева. Въ восторгѣ отъ своей покупки бѣжитъ онъ съ нею въ садъ и начинаетъ пѣть стихи Дмитріева. Ему казалось, что стихи нельзя читать, но должно ихъ пѣть: такъ заключалъ онъ по пѣснямъ, между которыми и стихами не могъ тотчасъ же не замѣтить близкаго сходства. Гармонія стиха и рѣзъ полюбилась Кольцову, хотя онъ и не понималъ, что такое стихъ и въ чемъ состоитъ его отличіе отъ прозы. Многія пьесы онъ заучилъ наизусть, и особенно понравился ему «Ермакъ». Тогда пробудилась въ немъ сильная охота самому слагать такія же звучныя строфы съ рѣзъ; но у него не было ни матеріала для содержанія ни умѣнья для формы. Однакожъ, матеріальъ вскорѣ ему представился, и онъ по-своему воспользовался имъ для перваго опыта въ стихахъ. Тогда ему было 16 лѣтъ. Одному изъ его пріятелей приснился странный сонъ, повторившійся три ночи сряду. Въ молодая лѣта всякій сколько-нибудь странный или необыкновенный сонъ имѣеть для насъ таинственное и пророческое значеніе. Пріятель Кольцова былъ сильно пораженъ своимъ сномъ и разсказалъ его Кольцову, чѣмъ и произвелъ на него такое глубокое впечатлѣніе, что тотъ сейчасъ же рѣшилъ описать его стихами. Оставшись одинъ, Кольцовъ засѣлъ за дѣло, не имѣя никакого понятія о размѣрѣ и версификаціи; выбралъ одну пьесу Дмитріева и началъ подражать ей стиху. Первые стиховъ десятокъ достались ему съ большимъ трудомъ, остальные пошли легче, и въ ночь готова была пречудовищная пьеса, подъ названіемъ «Три видѣнія», которую онъ потомъ истребилъ, какъ слишкомъ нелѣпный опытъ. Но какъ ни плохъ былъ этотъ опытъ, однакожъ онъ навсегда рѣшилъ поэтическое призваніе Кольцова: послѣ него онъ почувствовалъ рѣшительную страсть

въ стихотворству. Ему хотѣлось и читать чужіе стихи и писать свои, такъ что съ этихъ поръ онъ уже неохотно читаль прозу, и сталъ покупать только книги, писанныя стихами. Такъ какъ въ Воронежѣ и тогда существовала небольшая книжная лавка, то на деньги, которыя иногда давалъ ему отецъ, Кольцовъ скоро приобрѣлъ себѣ сочиненія Ломоносова, Державина, Богдановича. Онъ продолжалъ писать, стараясь подражать этимъ поэтамъ въ механизмѣ стиха; но вотъ горе: ему некому было показывать своихъ опытовъ, не съ кѣмъ было совѣтоваться на ихъ счетъ, а между тѣмъ совѣтникъ ему былъ необходимъ, — и онъ рѣшился обратиться за совѣтами въ воронежскому книгопродавцу, наивно предполагая, что кто торгуетъ книгами, тотъ знаетъ и толкъ въ книжномъ дѣлѣ, и принесъ ему «Три видѣнія» и другія свои пьесы. Книгопродавецъ былъ человѣкъ необразованный, но не глупый и добрый; онъ сказалъ Кольцову, что его стихи кажутся ему дурными, хоть онъ и не можетъ ему объяснить, почему именно; но что если онъ хочетъ научиться писать хорошо стихи, то вотъ поможетъ ему книжка: «Русская Просодія, изданная для воспитанниковъ благороднаго университетскаго пансіона». Видно какой-то инстинктъ сказалъ этому книгопродавцу, что онъ видитъ передъ собою человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, и видно, его тронуло страстное стремленіе Кольцова къ стихотворству; онъ подарилъ ему «Русскую Просодію» и предложилъ ему безденежно давать книги для прочтенія. Нечего говорить о радости Кольцова: онъ приобрѣлъ книгу, которая должна посвятить его въ таинства стихотворства и дать ему возможность самому сдѣлаться поэтомъ, и сверхъ того, у него очутилась подъ руками цѣлая бібліотека! Это было для него счастьемъ, блаженствомъ! Онъ избавился отъ необходимости перечитывать однѣ и тѣ же книги; цѣлый новый міръ открылся передъ нимъ, и онъ бросился въ него со всѣмъ жаромъ, со всею жадностью нестерпимаго голода, и безъ разбору пожираль чтеніемъ и хорошее и дурное. Книги, которыя ему особенно нравились, онъ, по прочтеніи, покупалъ, и его небольшая бібліотека скоро обогатилась сочиненіями Жуковскаго, Пушкина, Дельвига.

Такимъ образомъ въ раздольѣ этого чтенія и въ попыткахъ на стихотворство прошло пять лѣтъ. Кольцовъ достигъ семнадцатилѣтняго возраста, и тогда съ нимъ совершилось событіе, имѣвшее могущественное вліяніе на всю жизнь его. Мы уже говорили, что Кольцовъ принадлежалъ къ числу тѣхъ страстныхъ организацій, которыя рано открываются для всѣхъ симпатій сердца, для любви и дружбы въ особенности. До сихъ поръ были чувства и привязанности хоть жаркія, но дѣтскія: теперь настала пора чувствъ и привязанностей другого рода. Въ семейство Кольцова вошла молодая дѣвушка, въ качествѣ служанки. Несмотря на низкое званіе, она получила отъ природы все, чѣмъ можно было потрясти въ основаніи такую сильную и поэтическую натуру, какова была натура Кольцова. И его чувство не осталось безъ отвѣта.

Эта любовь, и въ ея счастливую пору и годину ея несчастія, сильно подѣйствовала на развитіе поэтическаго таланта Кольцова. Онъ какъ будто почувствовалъ себя уже не стихотворцемъ, одолѣваемымъ охотою слагать размѣренныя строчки съ приемами безъ всякаго содержанія, но поэтомъ, стихъ котораго сдѣлался отзвонкомъ на призывы жизни, грудь котораго носила въ себѣ богатое содержаніе для поэтическихъ изліяній. Въ своемъ поэтическомъ призваніи увидѣлъ онъ вознагражденіе за тяжкое горе своей жизни, и весь погрузился въ море поэзіи, читая и перечитывая любимыхъ поэтовъ, и по ихъ слѣдамъ пробуя самъ извлекать изъ своей души поэтическіе звуки, которыми она была переполнена. Къ тому же онъ не имѣлъ большой надобности носить свои стихотворенія на судъ къ книгопродавцу, потому что нашелъ себѣ совѣтника и руководителя, какаго давно желалъ и въ какомъ давно нуждался. И когда постигла его утрата любви, у него, какъ бы въ вознагражденіе за нее, остался другъ. Это былъ человѣкъ замѣчательный, одаренный отъ природы счастливыми способностями и прекраснымъ сердцемъ. Натура сильная и широкая, Серебрянскій, будучи семинаристомъ, рано почувствовалъ отвращеніе къ схоластикѣ, рано понялъ, что судьба назначила ему другую дорогу и другое призваніе, и, руководимый инстинктомъ, онъ самъ себѣ создалъ образованіе.

Кольцовъ былъ поэтъ по призванію, по натурѣ,—и препятствія могли не охладить, а только дать его поэтическому стремленію еще большую энергію. Прасоль, верхомъ на лошади гонящій скотъ съ одного поля на другое, по колѣни въ крови присутствующій при рѣзаніи, или, лучше сказать, при бойнѣ скота; приказчикъ, стоящій на базарѣ у возовъ съ саломъ,—и мечтающій о любви, о дружбѣ, о внутреннихъ поэтическихъ движеніяхъ души, о природѣ, о судьбѣ человѣка, о тайнахъ жизни и смерти, мучимый и скорбями растерзаннаго сердца и умственными сомнѣніями, и въ то же время, дѣятельный членъ дѣйствительности, среди которой поставленъ, смышленный и бойкій русскій торговецъ, который продаетъ, покупаетъ, бранится и дружится Богъ знаетъ съ кѣмъ, торгуется изъ-за копейки и пускаетъ въ ходъ всѣ пружины мелкаго торгашества, которыхъ внутренно отвращается, какъ мерзости: какая картина, какаго судьба, какаго человѣкъ!... Возвращаясь домой, онъ встрѣчаетъ не ласку, не привѣтъ, а грубое невѣжество, которое никакъ не можетъ простить ему того, что онъ хочетъ быть человѣкомъ и въ этомъ отношеніи уже рѣзко отличился отъ невѣжественныхъ животныхъ въ человѣческомъ образѣ. Но у него есть книги, и онъ закрываетъ глаза на грязную дѣйствительность,

Много думъ въ головѣ,

Много въ сердцѣ огня! —

не замѣчаетъ презрѣнія, не видитъ ненависти. Презрѣніе, ненависть!...

За что же?... Кому онъ сдѣлалъ зло, кого обидѣлъ? Не жертвуетъ ли

онъ лучшими своими чувствами, благороднѣйшими своими стремленіями этой грязной и сальной дѣйствительности, чтобы тяжкимъ трудомъ и скучными хлопотами въ чуждой ему сферѣ способствовалъ матеріальному благосостоянію своего семейства? Но, увы! удивляться этому презрѣнію и этой ненависти безъ причины — значитъ не знать людей. Сойдитесь съ пьяницей, сами оставаясь трезвымъ человѣкомъ: онъ не влюбитъ васъ. Неряха никогда не проститъ вамъ опрятности, низкопоклонникъ — благородной гордости, негодяй — честности. Но еще болѣе невѣжество не проститъ вамъ ума и стремленія къ образованности. И какъ простить! Не желая оскорблять его, будучи съ нимъ ласковы и обязательны, вы все-таки унижете его вашимъ достоинствомъ, вы — живой упрекъ ему! И если это невѣжество — пожилой, почтенный человѣкъ, ничего не умѣющій дѣлать, а вы юноша, который въ житейскихъ дѣлахъ превосходитъ его способностію и соображеніемъ: тогда онъ лютый, непримиримый врагъ вашъ. Онъ воспользуется вашими услугами, выжметъ васъ насухо, какъ апельсинъ, а потомъ растопчетъ ногами и выброситъ за окно, видя, что вы уже больше не нужны ему.

Слухъ о самородномъ талантѣ Кольцова дошелъ до одного молодого человѣка, одного изъ тѣхъ замѣчательныхъ людей, которые не всегда бываютъ извѣстны обществу, но благоговѣйные и таинственные слухи о которыхъ переходятъ иногда и въ общество изъ тѣснаго кружка близкихъ къ нимъ людей. Это былъ Станкевичъ, сынъ воронежскаго помѣщика, бывшій въ то время въ московскомъ университетѣ и пріѣзжавшій на каникулы въ свою деревню, а оттуда иногда и въ Воронежъ. Станкевичъ познакомился съ Кольцовымъ, прочелъ его опыты и одобрилъ ихъ. Въ 1831 году Кольцовъ, по дѣламъ отца своего, пріѣхалъ въ Москву, и черезъ Станкевича приобрѣлъ тамъ нѣсколько новыхъ знакомствъ, впоследствии довольно важныхъ для него. Въ это время двѣ или три пьески его были напечатаны съ его именемъ въ одномъ, впрочемъ, довольно плохомъ московскомъ журналѣ. Для Кольцова, еще не смѣвшаго вѣрить въ свой талантъ, это было лестно и пріятно. Впоследствии Станкевичъ предложилъ ему на свой счетъ издать его стихотворенія. Это намѣреніе было выполнено въ 1835 году. Изъ довольно увѣсистой и толстой тетради Станкевичъ выбралъ 18 пьесъ, показавшихся ему лучшими, и напечаталъ ихъ въ маленькой опрятной книжкѣ, которая доставила Кольцову большую извѣстность въ литературномъ мірѣ. Правда, тутъ больше всего дѣйствовало волшебное слово *поэтъ-самоучка, поэтъ-прасоль*, — и будь эти 18 стихотвореній изданы какъ произведенія человѣка хотя бы и крестьянскаго званія по рожденію, но кончившаго курсъ въ университетѣ и уже служившаго чиновникомъ въ департаментѣ — на нихъ не обратили бы такого вниманія. Но надо и то сказать, что въ этой книжкѣ видно было больше обѣщанія въ будущемъ сильнаго таланта, нежели сильный талантъ въ настоящемъ.

1836 годъ былъ эпохою въ жизни Кольцова. По дѣламъ отца своего, онъ долженъ былъ побывать въ Москвѣ и Петербургѣ и пробыть довольно долгое время въ обѣихъ столицахъ. Въ Москвѣ онъ коротко сблизился съ однимъ молодымъ литераторомъ, съ которымъ познакомился еще въ первый прїѣздъ свой въ Москву. Новый прїятель познакомилъ его со многими московскими литераторами. Эти знакомства обогатили его книгами, потому что почти каждый литераторъ спѣшилъ дарить его своими сочиненіями и изданіями. Такимъ образомъ библіотека его въ короткое время значительно умножилась. Что же касается до чести знакомства со всѣми литературными знаменитостями, большими и малыми, — то нельзя сказать, чтобы Кольцовъ добивался ея или слишкомъ дорожилъ ею. Съ одной стороны, онъ былъ скромнень и робокъ, а съ другой — въ немъ сильно было чувство своего достоинства, и потому онъ не любилъ быть на выставкѣ. По чувству деликатности и благодарности, онъ позволялъ принимавшимъ въ немъ участіе людямъ развозить его по литературнымъ знаменитостямъ, но игралъ тутъ болѣе пассивную, нежели дѣятельную роль. Онъ никакъ не могъ убѣдиться, чтобы онъ, по своимъ достоинствамъ, имѣлъ право на вниманіе чуждыхъ ему людей. Представляться кому бы то ни было въ качествѣ таланта, или литературной рѣдкости, ему было и неловко и больно. Притомъ же, Кольцовъ былъ очень проникателенъ и имѣлъ много такту: онъ очень хорошо понималъ и видѣлъ, что одни принимали его какъ диковинку, смотрѣли на него, какъ смотрять на заморскаго звѣря, на великана, на карлика; что другіе, снисходя до равенства въ обращеніи съ нимъ, были въ восторгѣ отъ своей просвѣщенной готовности уважать талантъ даже и въ мѣщанинѣ; и что только слишкомъ немногіе протягивали ему руку съ участіемъ и искренностію. Нѣкоторые смотрѣли на него съ чувствомъ своего достоинства и говорили съ нимъ тономъ покровительства; а нѣкоторые только изъ вѣжливости не оборачивались къ нему спиною. Все это онъ хорошо видѣлъ и понималъ. Одинъ знаменитый московскій литераторъ обошелся съ нимъ очень сухо, хотя и вѣжливо; потомъ, встрѣтившись съ молодымъ литераторомъ, который представилъ ему Кольцова, началъ надъ нимъ подшучивать: «Что-де вы нашли въ этихъ стишонкахъ, какой тутъ талантъ? Да это просто ваша мистификація: вы сами сочинили эту книжку ради шутки». Другой тоже очень извѣстный литераторъ не нашелъ ничего поэтическаго въ наружности, манерахъ и словахъ Кольцова, а, напротивъ, увидѣлъ въ немъ очень положительнаго человѣка, изъ чего и заключилъ, что у него не можетъ быть таланта... Это послѣднее заключеніе особенно замѣчательно: такъ судить толпа о поэтѣ! Не находя въ себѣ довольно способности, чтобъ изъ сочиненій поэта удостовѣриться въ его талантѣ, — она требуетъ отъ него, чтобъ онъ показывался передъ нею не иначе, какъ въ поэтическомъ мундирѣ, т.-е. съ кудрями до плечъ, съ вдохновеннымъ взоромъ, съ восторженною рѣчью, съ поэтиче-

скимъ опьяненіемъ или безуміемъ въ манерахъ и движеніяхъ. Тогда ей легко признать его поэтомъ. Но, увы! Кольцовъ нисколько не подходилъ подъ этотъ идеалъ поэта: онъ былъ слишкомъ уменъ, слишкомъ хорошо зналъ жизнь и людей, чтобъ играть глупенькую и пошленькую роль энтузіаста. Онъ не любилъ обращать на себя вниманіе и думалъ, что въ обществѣ особенно должно держать себя прилично, быть просто человѣкомъ, какъ все, а не гениемъ, не поэтомъ. Онъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ глупцовъ, которые думаютъ, что если имъ удалось скропать порядочную статейку, повѣстцу или десятокъ стихотвореній, то все должны почитать за счастье видѣть ихъ, и что кому они протянули свою руку, тотъ долженъ быть безъ ума отъ радости. Кольцовъ не былъ скоръ ни на знакомства ни на дружбу! Когда онъ видѣлъ съ чьей-нибудь стороны слишкомъ много ласки къ нему, это пугало его и заставляло быть осторожнымъ. Онъ никакъ не могъ думать, чтобы въ немъ было что-нибудь особенное, за что нельзя было не любить его. «Что я ему? Что такое во мнѣ?» говаривалъ онъ въ такихъ случаяхъ. Но когда онъ сходилъ съ человѣкомъ, когда увѣрялся, что тотъ не изъ прихоти, а дѣйствительно расположенъ къ нему, и что онъ самъ можетъ платить ему тѣмъ же, — тогда раскрывалъ онъ свою душу, и на его преданность можно было положиться, какъ на каменную гору. Онъ умѣлъ любить, глубоко чувствовалъ потребность дружбы и любви и, какъ немногіе, былъ способенъ къ нимъ; но не любилъ шутить ими...

Однакожь, знакомства съ литературными знаменитостями были для него не безъ пріятности. Когда онъ освобождался отъ замѣшательства перваго представленія и сколько-нибудь осваивался съ новымъ лицомъ, оно интересовало его. Говоря мало, глядя немножко исподлобья, онъ все замѣчалъ, и едва ли что ускользало отъ его пронизательности, — что было ему тѣмъ легче, что каждый готовъ былъ видѣть въ немъ скорѣе замѣшательство и нелюдимость, нежели пронизательность. Ему любопытно было видѣть себя въ кругу тѣхъ умныхъ людей, которые издалека казались ему существами высшаго рода; ему интересно было слышать ихъ умныя рѣчи. Много ли наслушался онъ ихъ, объ этомъ мы кое-что слышали отъ него впоследствии...

Въ Петербургѣ Кольцовъ познакомился съ княземъ Одоевскимъ, съ Пушкинымъ, Жуковскимъ и княземъ Вяземскимъ, былъ хорошо ими принятъ и обласканъ. Съ особеннымъ чувствомъ вспоминалъ онъ всегда о радушіемъ и тепломъ приѣмѣ, который оказалъ ему тотъ, кого онъ съ трепетомъ готовился увидѣть, какъ божество какое-нибудь — Пушкинъ. Почти со слезами на глазахъ рассказывалъ намъ Кольцовъ объ этой торжественной въ его жизни минутѣ. Кто познакомился въ Петербургѣ съ первыми литературными знаменитостями, тому ничего не стоитъ перезнакомиться съ второстепенными. Сперва онъ и здѣсь больше все молчалъ и наблюдалъ, но потомъ, смекнувъ

дѣломъ, давалъ волю своей ироніи... О, какъ бы удивились многіе изъ фелетонныхъ и стихотворныхъ рыцарей, если бы могли догадаться, что этотъ мужичокъ, котораго они думали импонировать своею литературною важностью, видитъ ихъ таланты, образованность и ученость...

Въ 1838 году Кольцовъ опять былъ по дѣламъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этотъ разъ онъ особенно долго жилъ въ Москвѣ и до отъѣзда въ Петербургъ, и по возвращеніи изъ него, и жизнь въ Москвѣ тогда особенно полюбилась ему. Постоянно-пріятное расположеніе духа было причиною, что онъ написалъ въ это время много хорошаго. Возвращеніе домой было для него довольно грустно. Онъ вдругъ почувствовалъ, что есть другой міръ, который ближе къ нему и сильнѣе манитъ его къ себѣ, нежели міръ воронежской и степной жизни. Имъ овладѣло чувство одиночества, которое преодолѣвалось въ немъ только любовью къ природѣ и чтеніемъ. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ къ одному изъ своихъ московскихъ пріятелей: «Въ Воронежѣ я пріѣхалъ хорошо; но въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже, скучно, грустно, бездомно въ немъ. И все какъ-то кажется то же, а не то. Дѣла коммерціи безъ меня разстроились порядочно, непріятностей куча; что день — то горе, что шагъ — то напасть. Но, слава Богу, какъ-то я всѣ ихъ переносу теперь терпѣливо, и они сдѣлались для меня будто предметами посторонними и до меня почти не касающимися. На душѣ тепло, покойно. Хорошее лѣто, славная погода, синее небо, свѣтлый день, вечерняя тишь — все прекрасно, чудесно, очаровательно, — и я жизнью живу и тону своею душою въ удовольствіяхъ нашего лѣта. Благодарю васъ, благодарю вмѣстѣ и всѣхъ нашихъ друзей. Вы и они много для меня сдѣлали, о, слишкомъ много, много! Эти послѣдніе два мѣсяца стоили для меня пяти лѣтъ воронежской жизни. Я теперь гляжу на себя, и не узнаю. Словесностью занимаюсь мало, читаю немного, — некогда, въ головѣ дрянъ такая набита, что хочется плюнуть; матеріализмъ дрянной, гадкій, и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ велятъ дѣла житейскія; ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять; гнись въ дугу и стой прямо въ одно время. И я все это дѣлаю теперь, даже и съ охотою. Новаго не написалъ ничего — некогда. Воронежъ принялъ меня противу прежняго въ десять разъ радушнѣе, я благодаренъ ему. До меня люди выдумали, будто я въ Москвѣ женился; будто въ Питерѣ уѣхалъ навсегда жить; будто меня оставили въ Питерѣ стихи писать. И всѣ встрѣчаются со мной, и такъ любопытно глядятъ, какъ на заморскую чучелу. Я сторяча немного посердился на нихъ за это; но подумалъ и вышло, что я былъ глупъ. На людей сердиться нельзя, и требовать строго отъ нихъ нельзя; кривое дерево не разогнешь прямо, а въ лѣсу больше кривого и суковатаго, чѣмъ ровнаго. Люди правы: они судятъ по своему. Спасибо и за это, и мнѣ они нравятся въ этихъ странно-

стяхъ. Старикъ-отець со мною хорошъ; любить меня болѣе за то, что дѣло хорошо кончилось: онъ всегда такія вещи очень любитъ. Степь опять очаровала меня, я, чортъ знаетъ, до какого самозабвенія любовался ею. Какъ она хороша показалась, и я съ восторгомъ пѣлъ: «Пора любви» — она къ ней идетъ. Только это чувство было другого совѣтъ рода; послѣ мнѣ стало на ней скучно. Она хороша на минуту, и то не одному, а самъ другъ, и то не надолго. Къ ней прѣхать погостить — и въ городъ, въ столицу, въ кипятокъ жизни, въ борьбу страстей! А то она сама по себѣ слишкомъ однообразна и молчалива. Серебрянскій доѣхалъ до двора, но очень боленъ; кажется, проживетъ не болѣе мѣсяцевъ двухъ, а можетъ я ошибаюсь. Съ моими знакомыми расхожусь помаленьку, наскучили мнѣ ихъ разговоры пошлые. Я хотѣлъ съ прѣзда увѣрить ихъ, что они криво смотрятъ на вещи, ошибочно понимаютъ; толковалъ такъ и такъ. Они надо мной смѣются, думаютъ, что я несу имъ вздоръ. Я повернулъ себя отъ нихъ на другую дорогу; хотѣлъ ихъ научить — да ба! — и вотъ какъ съ ними поладилъ: все ихъ слушаю, думая самъ про себя о другомъ; всѣхъ ихъ хвалю во всю мочь; всѣ они у меня люди умные, ученые, прекрасные поэты, философы, музыканты, живописцы, образцовые чиновники, образцовые купцы, образцовые книгопродавцы; и они стали мною довольны; и я самъ про себя смѣюсь надъ ними отъ души. Такимъ образомъ все идетъ ладно; а то, что въ самомъ дѣлѣ, изъ ничего наживать себѣ дураковъ-враговъ. Уже видно, какъ кого Господь умудрилъ, такъ онъ съ своею мудростью и умретъ».

Въ этомъ письмѣ весь Кольцовъ. Такъ писалъ онъ всегда, и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью, но зато поражалъ какою-то наивностью и оригинальностью. Тогдашнее состояніе души его выражено въ этомъ письмѣ вѣрнѣе, нежели, какъ, можетъ-быть, думалъ онъ самъ. Глазамъ его открылся другой мѣръ; воронежская жизнь сдѣлалась скучна; только прекрасная пора лѣта составляла его отраду; онъ любилъ еще степь, но ужъ не такъ, какъ прежде: въ первый разъ понялъ онъ, что она однообразна, что на ней весело быть на минуту, и то не одному... Итакъ, кончилась эпоха непосредственной жизни. Прошедшее спало съ цѣны, настоящее стало грустно, и взоры невольно начали обращаться на будущее. Пренія знакомства, до толѣ сносныя и, можетъ-быть, даже пріятныя, сдѣлались невыносимыми, и тѣ же люди явились въ другомъ свѣтѣ. Все родное Кольцова было уже не въ опустѣломъ для него Воронежѣ, а въ Москвѣ, и туда стремились всѣ думы его. Въ семействѣ своемъ онъ горячо любилъ младшую сестру, и между ними существовала самая тѣсная дружба. Кольцовъ видѣлъ въ сестрѣ много хорошаго, уважалъ ея вкусъ и часто совѣтовался съ нею насчетъ его стихотвореній, словомъ, дѣлился съ нею своею внутреннею жизнью. Вѣря въ ея къ нему задушевное расположеніе, онъ дѣлалъ для нея все, что

могъ. Настойчивостью, просьбами, лестью, всякими хитростями, онъ склонилъ своего отца купить ей фортепiano и нанять учителя музыки и французскаго языка. Новыя связи и отношенія, новый міръ, открывшійся ему, не ослабилъ этой дружбы, хотя одной ея ему было уже мало, и сердце его рвалось вдаль. Натура Кольцова была не только сильна, но и нѣжна; онъ не вдругъ привязывался къ людямъ, сходился съ ними недовѣрчиво, сближался медленно; но когда уже отдавался имъ, то отдавался весь. Это имѣло для него гибельныя слѣдствія въ отношеніи къ нѣкоторымъ привязанностямъ: предательство, вѣроломство, низкія интриги особы, которой онъ былъ преданъ безусловно и которая казалась ему также преданною, были для него страшнымъ ударомъ. Онъ все на свѣтѣ могъ перенести кромѣ этого, и кошачья лапка имѣла силу ранить его сильнѣе львиной лапы. Горячо любилъ онъ также своего маленькаго брата, но тотъ давно уже умеръ, къ его крайнему прискорбію. Съ отцомъ онъ былъ всегда на политическихъ отношеніяхъ, которыя и въ размовкѣ и въ мирѣ были борьбою. Тутъ старыя предразсудки и невѣжество явно и тайно боролись съ смѣлымъ умомъ и стремленіемъ къ свѣту. Счастливое окончаніе нѣкоторыхъ важныхъ для благосостоянія семейства дѣлъ и лестное вниманіе В. А. Жуковскаго къ Кольцову, — вниманіе, которому свидѣтелемъ былъ весь Воронежъ въ 1837 году, способствовали наружному миру и согласію между отцомъ и сыномъ. Къ тому же, сынъ былъ еще необходимъ для отца: на немъ лежали всѣ торговыя дѣла, всѣ векселя и обязательства; на его дѣятельности, его умѣни и ловкости вести дѣла лежала участь цѣлаго дома, который былъ въ такомъ положеніи, что еще нѣсколько счастливо преодолѣнныхъ препятствій — и его благосостояніе совершенно упрочилось; но, въ случаѣ неуспѣха, должно было слѣдовать конечное разореніе.

Если бы Кольцовъ принялся за дѣла, будучи лѣтъ 18-ти, не раньше, навѣрное можно сказать, что онъ съ ними никакъ бы не освоился, а его поэтическая натура съ ужасомъ и омерзениемъ отворотилась бы отъ этой грязной дѣятельности. Но онъ понемногу и незамѣтно для самого себя освоился съ ними съ дѣтства; эта дѣйствительность украдкою подошла къ нему и овладѣла имъ прежде, нежели онъ былъ въ состояніи увидѣть ея безобразіе. Самъ не зная какъ, втянулся онъ въ дѣла мелкаго торгашества, тѣмъ легче, что они не отнимали же у него вовсе возможности предаваться чтенію, мечтамъ, природѣ и поэзії. Онъ же такъ полюбилъ степь! На ней началось его изученіе дѣйствительности и людей и борьба съ ними; здѣсь была его школа жизни. Тутъ случались съ нимъ обстоятельства не только непріятныя, даже страшныя. Разъ въ степи одинъ изъ работниковъ за что-то такъ озлобился на него, что рѣшился его зарѣзать. Намекнули ли объ этомъ Кольцову со стороны, или онъ самъ догадался, но медлить было нельзя, а обыкновенными средствами защищаться невозможно. Надобно было рѣшиться на траги-

комедию, и Кольцова достало на нее. Будто ничего не подозрѣвая и не замѣчая, онъ сталъ съ мужикомъ необыкновенно любезенъ, досталъ вина, пилъ съ нимъ и братался. Этимъ опасность была отстранена, потому что русскаго мужика сивухою такъ же можно и отвести отъ убійства, какъ и навести на него. Только по возвращеніи въ Воронежъ, Кольцовъ снялъ съ себя маску передъ отчаяннымъ удалцомъ, требовавшимъ расчета. При этомъ расчетѣ, продолжавшемся очень долго, злодѣй имѣлъ причину и время раскаяться въ своемъ умыслѣ, а можетъ-быть и въ томъ, что не удалось ему его выполнить... Вотъ міръ, въ которомъ жилъ Кольцовъ, вотъ борьба, которую онъ велъ съ дѣйствительностью!... Не съ одними волками, которые стаями слѣдили за стадами барановъ, приходилось ему вести ожесточенную войну...

Около этого времени, т.-е. послѣдней поѣздки его въ Москву, къ прочимъ хлопотамъ Кольцова присоединилась еще постройка новаго дома, который, по величинѣ своей, долженъ былъ давать около семи тысячъ ассигнаціями ежегоднаго дохода. Къ несчастію не одинъ онъ былъ наслѣдникомъ этого дома — обстоятельство, которое впоследствии дорого ему стоило... Всѣ эти дѣла онъ велъ и ладилъ и черезъ два года довелъ на свою погибель до желаннаго конца... Но въ это время они начали тяготить его, и въ немъ все больше и больше усиливалось отвращеніе къ нимъ. Это не было слѣдствіемъ пошлаго идеальничанья, которое любить одни облака и не любить земли; нѣтъ, тутъ былъ другой, благороднѣйшій источникъ. Кольцовъ полагалъ большое различіе между купцомъ-капиталистомъ, которому не только необходимо, даже выгодно быть честнымъ, потому что честность даетъ кредитъ, а безъ кредита большая торговля невозможна, — и между мелкимъ торговцемъ, котораго положеніе всегда скользко, ненадежно, неопредѣленно, который всегда принужденъ вертѣться ужомъ и жабою, кланяться, подличать, божиться, натягивать всѣми правдами и неправдами... Кольцовъ не боялся дѣла, но не любилъ низости и грязи. Волею и неволею былъ онъ съ дѣтства завербованъ въ эту грязную дѣятельность; напряженный разъ, терпѣливо тащилъ свою ношу въ надеждѣ будущихъ благъ; но по временамъ эта ноша доводила его до отчаянія. Съ послѣдней поѣздки въ Москву эти минуты унынія, апатіи и тоски стали являться чаще. Одна надежда облегчала ихъ. По отстройкѣ дома, онъ думалъ сдать отцу приведенныя имъ въ порядокъ дѣла по степи, а самому заняться присмотромъ за домомъ и открыть въ немъ книжную лавку. Это значило бы для него примирить потребности своей природы съ внѣшнею дѣйствительностью. Но при всемъ своемъ знаніи жизни и людей, Кольцовъ жестоко обманывался въ своей надеждѣ... Но пока надо было жить, какъ судьба хотѣла. Слѣдующія строки изъ письма его къ одному изъ знакомыхъ ему петербургскихъ литераторовъ, писанныя еще въ 1836 году, представляютъ яркую картину его занятій: «Батенька два мѣсяца

въ Москвѣ, продаетъ быковъ; а дома я одинъ, дѣлъ много: покупаю свиней, становлю на винный заводъ на барду; въ роцѣ рублю дрова; осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу отъ зари до полуночи». Но тогда онъ не жаловался, а черезъ два года писалъ въ Москву къ пріятелю: «Писать къ вамъ хочется, а ничего нейдетъ изъ головы. Плоха что-то моя голова сдѣлалась въ Воронежѣ, одурѣла вовсе, и самъ не знаю отъ чего — не то отъ этихъ дѣлъ торговыхъ, не то отъ перемѣны жизни. Я было такъ привыкъ быть у васъ и съ вами, такъ забылся для всего другого; а тутъ вдругъ все надобно позабыть, дѣлать другое, думать о другомъ — вѣдь и дѣла торговыя тоже сами не дѣлаются, тоже кой о чемъ надобно подумать. Такъ одряхлѣлъ, такъ отяжелѣлъ: право, боюсь, чтобъ мнѣ не сдѣлаться вовсе человѣкомъ матеріальнымъ. Боже избави! ужъ это будетъ весьма рано; не хотѣлось бы это слышать отъ самого себя. Что-то скажетъ осень. Кажется, у ней будетъ для меня больше свободнаго времени — посмотримъ. Стройка дома безъ меня и дѣла торговыя у отца шли дурно. Теперь, слава Богу, плыветъ ровнѣе. Съ отцомъ живемъ хорошо, ладно — и лучше. Онъ ко мнѣ больше имѣетъ уваженія теперь, нежели прежде, а все виною хорошій конецъ дѣла. Онъ эти вещи очень любитъ, и хорошо дѣлаетъ: ему, старику, это идетъ». — Мѣсяца черезъ два онъ писалъ къ тому же лицу; «Хотѣлось бы писать къ вамъ совсѣмъ не такъ, какъ пишу теперь: но что жъ прикажете дѣлать, когда дѣла дьявольски работаютъ со мной. Бойка скота, стройка дома, туда, сюда — ажъ на душѣ тошнить, такъ хорошо мнѣ жить! — Серебрянскій умеръ. Да, лишился я человѣка, котораго любилъ столько лѣтъ душою и котораго потерю горько оплакиваю. Много желаній не сбылося, много надеждъ не исполнилось — проклятая болѣзнь! Прекрасный міръ прекрасной души, не высказавшись, сокрылся навсегда. Да, внѣшнія обстоятельства могутъ подавить и великую душу человѣка, если они непрерывно тяготятъ ее, и когда противу нихъ защиты нѣтъ. На плодотворной почвѣ земли хорошо удобритъ человѣкъ свою ниву, посѣетъ хлѣбъ, но не сберетъ плода, если лѣто выжжетъ корень; роса зари ему не помочъ — ей нуженъ въ пору дождь. А этой-то земной благодати и капли не сошло на его жизнь; нужда и горе сокрушили тѣло страдальца. Грустно думать: былъ нѣкогда, недавно даже, милый человѣкъ — и нѣтъ его, и не увидишь никогда, и все кругомъ тебя молчитъ, и самый зовъ свиданія мретъ безотвѣтно въ безчувственной дали». Интересны и слѣдующія строки изъ одного письма Кольцова, какъ живое свидѣтельство того, что значили для этой симпатической природы дружескія связи и отношенія: «Не было еще мучительнѣе въ жизни моей состоянія, какъ въ прошломъ годѣ. Плохое, мучительное дѣло, больной Серебрянскій — смерть его все совершила. Скажите: въ одну минуту разломить, что крѣпло нѣсколько лѣтъ — моя любовь къ нему, прекрасная душа его, желанія, мечты, стремленія, ожиданія, надежды на будущее — и все вдругъ!

Вмѣстѣ мы съ нимъ росли, вмѣстѣ читали Шекспира, думали, спорили. И я такъ много былъ ему обязанъ, онъ черезчуръ меня баловалъ. Вотъ почему я онѣмѣлъ было совсѣмъ и всему хотѣлъ сказать: *прощай!* и если бы не вы, я все бы потерялъ навсегда. Вѣдь меня не очень увлекала и увлекаетъ блестящая толпа; сходка, общество людей — конечно, хорошо, но если есть *человѣкъ*, то такъ; а безъ него толпа не много даетъ. Опять я такой *человѣкъ*, которому надобны сильныя потрясенія; иначе я — нуль. Никто меня не уничтожить съ другою душою, а собственно мою уничтожить всякій».

Такимъ образомъ прошелъ для Кольцова и еще годъ, а горизонтъ его жизни все гуще заволакивался тучами. Свѣтлыя минуты навѣщали его все рѣже и рѣже. «Пророчески угадали вы мое положеніе (писалъ онъ въ 1840 году, въ Петербургъ, къ пріятелю); у меня у самого давно уже лежитъ на душѣ грустное это сознаніе, что въ Воронежѣ долго мнѣ не сдобровать. Давно живу я въ немъ и гляжу вонъ, какъ звѣрь. Тѣсенъ мой кругъ, грязенъ мой міръ, горько жить мнѣ въ немъ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая-нибудь добрая сила невидимо поддерживаетъ меня отъ паденія. И если я не перемѣню себя, то скоро упаду: это неминуемо, какъ дважды два — четыре. Хоть я и отказалъ себѣ во многомъ и частью, живя въ этой грязи, отрѣшилъ себя отъ ней, но все-таки не совсѣмъ, но все-таки я не вышелъ изъ нея». Въ это время Кольцову было сдѣлано изъ Петербурга предложеніе принять управленіе книжною лавкою, основанною на акціяхъ. Другое предложеніе было сдѣлано ему А. А. Краевскимъ — принять на себя завѣдываніе конторою «Отечественныхъ Записокъ». Первое предложеніе было ему совершенно не по душѣ. Сумма акцій была незначительная, а онъ былъ убѣжденъ, что начинать какую бы то ни было торговлю можно только съ большимъ капиталомъ, и что иначе поневолѣ выйдетъ или разореніе, или не торговля, а торгашество со всеми его продѣлками, при одной мысли о которыхъ ему дѣлалось гадко. Кромѣ того, ему ни того ни другого предложенія нельзя было принять еще потому, что, по причинѣ долга въ 20.000, векселя котораго были сдѣланы на его имя, онъ не могъ выѣхать изъ Воронежа противъ воли отца. Разъ какъ-то Кольцовъ зажился въ Москвѣ, и только-что пріѣхалъ домой, какъ его зовутъ въ полицію, по векселю въ 3000 рублей. Опоздай онъ нѣсколькими днями, и вексель былъ бы посланъ въ Москву, гдѣ онъ не имѣлъ бы никакой возможности расплатиться по немъ. И это было бы дѣломъ отца его. «Онъ *человѣкъ* простой, купецъ, спекулянтъ, вышелъ изъ ничего, вѣкъ рождъ молотить на обухѣ. Такъ его грудь черства, что его на все достанетъ для своей пользы и для своей торговли. Настоящій купецъ устраиваетъ одни свои дѣла, а есть ли польза отъ нихъ другимъ — ему и дѣла нѣтъ, и онъ что только съ рукъ сойдетъ, все дѣлать во всякую пору готовъ. Мнѣ отъ него и такъ достается довольно. Чуть мало-мальски что не такъ, ворчитъ и сердится: вы, говоритъ,

все по-книжному да по-печатному, народъ грамотный — ума палата». — Далѣ: «Вы боитесь за меня, чтобъ я скоро не потерялся. Это правда, и такая правда, какая она лишь можетъ быть, — не только черезъ пять лѣтъ, даже и скорѣе, живя такъ и въ Воронежѣ. Но что жъ дѣлать? Буду жить, пока живется, работается. Сколько могу, столько и сдѣлаю; употреблю все силы, пожертвую, сколько могу; буду биться до конца края, приведу въ дѣйствіе все зависяція отъ меня средства. И когда послѣ этого упаду — мнѣ краснѣть будетъ не передъ кѣмъ, и передъ самимъ собою я буду правъ. Другого дѣлать нечего. А что въ 1838 году написалъ такъ много порядочнаго — это потому, во-первыхъ, что я былъ съ вами и людьми, которые меня каждый день настраивали, а во-вторыхъ, я почти ничего не дѣлалъ и былъ празденъ. Тяготило меня до смерти одно дѣло, но только одно дѣло, не больше. И я все еще писалъ такъ мало. А здѣсь кругомъ меня другой народъ — татаринъ на татаринѣ, жидъ на жидѣ, а дѣль — беремя: стройка дома (которая кончилась съ мѣсяцъ назадъ), судебныя дѣла, услуги, прислуги, угожденія, посѣщенія, счета, расчеты, брани, ссоры. И какъ еще я пишу? И для чего пишу? — для васъ, для васъ однихъ; а здѣсь я за писанія терплю одни оскорбленія. Всякій подлець такъ на меня и лѣзетъ, дескать, писаеъ-то и крылья ошибитъ... Это меня часто смѣшитъ, когда какой-нибудь чудакъ пѣтушится».

Осенью 1840 года снова представился Кольцову случай ѣхать въ Москву и Петербургъ. Хотя это было по двумъ тяжбымъ дѣламъ, однако онъ былъ радъ и имъ, какъ случаю вырваться изъ Воронежа и увидѣться съ людьми, родными ему по чувству и по мысли. Это была его послѣдняя поѣздка. Московскій другъ его давно уже жилъ въ Петербургѣ, и по пріѣздѣ сюда Кольцовъ остановился у него и прожилъ съ нимъ около трехъ мѣсяцевъ. Одно дѣло его было проиграно. Надо было спѣшить въ Москву поправить и спасти другое, самое важное. Такъ какъ изъ Москвы ему надо было ѣхать домой, то онъ отправлялся въ нее съ тоскою. Его мучили тяжкія предчувствія, которыя и не обманули его. Мысль о возвращеніи въ Воронежъ ужасала его. Онъ уже колебался, не остаться ли ему въ Петербургѣ навсегда, кончивши дѣло въ Москвѣ; но остаться безъ всего, съ одними своими средствами, начать снова поприще лавочнаго сидѣльца, приказчика, мелкаго торгаша — одна мысль объ этомъ приводила его въ бѣшенство. Онъ все надѣялся, что отецъ дастъ ему тысячь десять денегъ, на условіи отказаться отъ дома и всякаго другого наслѣдства, и что съ этимъ небольшимъ капиталомъ онъ найдетъ возможность пристроиться въ Петербургѣ и вести въ немъ тихую жизнь, зарывшись въ книги и учась всему, чему не могъ учиться въ свое время. Изъ Москвы онъ писалъ къ своему пріятелю: «Ахъ! если бы къ вамъ скорѣе! Если бы вы знали, какъ не хочется ѣхать домой — такъ холодомъ и обдаеть при мысли ѣхать туда; а надо ѣхать, — необходимость, желѣзныя

законъ». Дѣло его въ Москвѣ кончилось хорошо, чѣмъ, какъ и въ прежнихъ дѣлахъ, онъ особенно былъ обязанъ благородному участию князя П. А. Вяземскаго, снабжавшаго его рекомендательными нисьмами къ особамъ, доступъ къ которымъ иначе былъ бы для него невозможенъ. Новый годъ встрѣтилъ онъ шумно и весело, въ кругу своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ. Время шло, а онъ все жилъ въ Москвѣ. «Не хочется ѣхать (писалъ онъ), да и только. Вотъ пришло время — и домъ и родные не влюбились наконецъ. И если бъ была какая-нибудь возможность жить въ Питерѣ — я бы прямо маршъ, и остался бы въ немъ навсегда. Но безъ средствъ этого сдѣлать нельзя, — и я ѣду домой. И эта поѣздка много похожа на ловлю сурковъ; ихъ изъ земли выливаютъ водой, а меня нужда посылаетъ, голодъ. Я писалъ къ отцу по окончаніи дѣла, чтобы онъ прислалъ мнѣ денегъ. Старикъ мой говоритъ: денегъ нѣтъ тебѣ ни копейки, а что дѣло кончилось хорошо, мнѣ все равно, хотя бы кончилось и дурно. Мнѣ 68 лѣтъ, и жить осталось меньше, чѣмъ вамъ. Я даже слышалъ, что ты хочешь остаться въ Питерѣ — съ Богомъ, во святой часъ. Благословеніе дамъ, а больше ничего. — Я прочелъ сіи родительскія строки и сказалъ: вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день! Спросите, отчего это такъ сдѣлалось? А вотъ отчего: дѣло кончилось послѣднее и самое гадкое; слѣдственно, его кредитъ теперь очищенъ совершенно. Прежде онъ боялся полиціи и потому любилъ меня до излишества; а теперь она ему не страшна — и домъ его и все у него въ рукахъ: такъ я, выходить, сталъ ему не нуженъ... Эта новость, и особенно эта непризнательность срѣзали меня глубоко. Вотъ отчего я такъ долго живу въ Москвѣ и не ѣду домой, и ѣхать не хочется, и не пишу къ вамъ. Я думалъ сначала махнуть въ Питеръ; но какъ прохвятилъ меня голодъ, я и присѣлъ — и хорошо сдѣлалъ».

По возвращеніи домой Кольцовъ нашель, по обыкновенію, всѣ дѣла въ упадкѣ и разстройствѣ, благодаря старческой мудрости и опытности, и принялся ихъ устраивать. Отецъ принялъ его холодно, и едва согласился давать ему тысячу рублей въ годъ изъ семи тысячъ, которыя долженъ былъ приносить домъ, въ ожиданіи чего Кольцовъ долженъ былъ жить и трудиться безъ копейки въ карманѣ, — онъ, которому одному все семейство было обязано своимъ благосостояніемъ... Тогда имъ овладѣла одна мысль — устроивши дѣла, ѣхать въ Петербургъ, куда отецъ отпускалъ его охотно, уплативши всѣ долги по вексямъ на имя сына и рѣшившись прекратить торговлю скотомъ. Но въ это время Кольцовъ началъ себя дурно чувствовать и на Страстной недѣлѣ чуть не умеръ, но однакожь кое-какъ оправился. Къ счастью, докторъ его былъ человекъ благородный и симпатичный, который лѣчилъ его болѣе изъ личнаго расположенія къ нему, нежели изъ расчета; онъ зналъ впередъ, что получить бездѣлицу, а занимался своимъ пациентомъ съ дружескимъ участіемъ. Во время самыхъ сильныхъ припадковъ

болѣзни Кольцовъ говорилъ ему: «Докторъ, если моя болѣзнь неизлѣчима, если вы только протягиваете жизнь, то прошу васъ не тянуть ея. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, и вамъ меньше хлопотъ». Докторъ ручался за его излѣчение. «Когда такъ, будемъ лѣчиться». Что терпѣль Кольцовъ во время болѣзни отъ близкихъ и кровныхъ, за исключеніемъ матери, принимавшей въ немъ искреннее участіе, о томъ страшно и подумать... Это усилило разстройство его здоровья. Но тутъ, какъ нарочно, судьба-предательница послала ему жизнь и радость, можно сказать, блаженство, за которое онъ дорого долженъ былъ расплатиться. Страстную любовью озарился восходъ его жизни; пышнымъ, багрянымъ, но зловѣщимъ блескомъ страстной любви озарился и закатъ его жизни. Закрывъ глаза на все, полною чашею, съ безумною жадностью, пилъ нашъ страдалецъ отравительные восторги. На бѣду его, эта женщина была совершенно по немъ — красавица, умна, образована, и ея организація вполне соответствовала его кипучей, огненной натурѣ. Нужда заставила ее разстаться съ нимъ. Еще до этой разлуки онъ уже почувствовалъ ослабленіе во всемъ организмѣ своемъ; вскорѣ открылась болѣзнь. Знакомый ему докторъ снова помогъ ему; но вслѣдъ за тѣмъ открылась боль въ груди, слабость во всемъ тѣлѣ, по ночамъ сильная испарина, разстройство желудка и желудочный кашель. По совѣту доктора, Кольцовъ поѣхалъ на дачу къ одному изъ своихъ родственниковъ, чтобы тамъ купаться въ Дону. Это его немного поправило; но осень наступила прежде, нежели онъ успѣлъ кончить курсъ своего купанья, и надо было прекратить его. Вслѣдъ за тѣмъ сдѣлалось воспаленіе въ почкахъ; но даже и послѣ этого онъ все-таки сталъ оправляться. До сихъ поръ онъ ничего не читалъ, не писалъ, ни о чемъ не думалъ, кромѣ лѣкарства, лѣченья, обѣда и ужина; но тутъ опять принялся за свои занятія, воскресъ нравственно. Нельзя не дивиться силѣ духа этого человѣка. Правда, онъ надѣялся выздоровѣть, и не хотѣлось ему умереть; но возможность смерти онъ видѣлъ ясно и смотрѣлъ на все прямо, не мигая глазами. Вотъ слова, которыми онъ заключаетъ письмо свое къ двоимъ изъ друзей своихъ въ Петербургѣ: «Ну, теперь, милые мои, пришло сказать: прощайте — на долго ли? — не знаю. Но какъ-то это слово горько отозвалось въ душѣ моей. Но еще — прощайте, и въ третій разъ прощайте. Еслибъ я былъ женщина, хорошая бы пора плакать. Минута грусти, побудь хоть ты со мною подольше!» А между тѣмъ все письмо проникнуто бодростью духа, надеждою и даже веселостью...

Но это выздоровленіе было только отерчкою смерти. Для восстановления его здоровья нужно было прежде всего спокойствіе, а между тѣмъ его ежедневно, ежеминутно оскорбляли, мучили, дразнили, какъ дикаго звѣря въ клѣткѣ. Иногда ему не на что было купить лѣкарства; иногда у него не было ни чая, ни сахара, ни свѣчей, а иногда мать его только украдкою отъ отца могла до-

«ставлять ему обѣдъ и ужинъ. Отецъ требовалъ, чтобы онъ жилъ вмѣстѣ съ ними, гдѣ ему не было бы покоя ни на минуту. Онъ перешелъ въ мезанинъ, который цѣлую зиму не топили, — ему отказано было въ дровахъ, и онъ добывалъ ихъ по ночамъ, какъ воръ. Узнавши объ этомъ, ему обѣщали выгнать его по шеѣ изъ дому... Дѣлать было нечего, и онъ перешелъ внизъ. Разъ въ сосѣдней комнатѣ, у сестры его, много было гостей, и они затѣяли игру: поставили на середину комнаты столъ, положили на него дѣвушку, накрыли ее простынею и начали хоромъ пѣть вѣчную память рабу Божию Алексѣю... Это была невинная шутка...

Вскорѣ послѣдовала свадьба сестры. «Все начало ходить и бѣгать черезъ мою комнату; полы моютъ то и дѣло, а сырость для меня убійственна. Трубки, благовонія курятъ каждый день; для моихъ разстроенныхъ легкихъ все это плохо. У меня опять образовалось воспаленіе, сначала въ правомъ боку, потомъ въ лѣвомъ, противъ сердца, довольно опасное и мучительное. И здѣсь-то я струсилъ, не на шутку. Нѣсколько дней жизнь висѣла на волоскѣ. Лѣкарь мой, несмотря на то, что я ему очень мало платилъ, пріѣзжалъ три раза въ день. А въ эту пору у насъ вечеринки каждый день — шумъ, крикъ, бѣготня, двери до полночи въ моей комнатѣ ни минуты не стоятъ на петляхъ. Прошу не курить — курятъ больше; прошу не благовонить — больше; прошу не мыть половъ — моютъ». Все это потомъ кое-какъ уладилось; свадьба кончилась; больной, для спасенія жизни, прибѣгъ къ хитрости и со всѣми перемирился, попросивши у всѣхъ извиненія за мерзости, которыя съ нимъ дѣлали; его оставили въ покоѣ, и онъ увидѣлъ себя точно въ раю. «Я теперь, славу Богу, живу покойно, смиренно. Они меня не беспокоятъ. Въ комнатѣ тишина; самъ большой, самъ старшой. Съ отцомъ вижусь рѣдко; онъ меня не оскорбляетъ больше, пока, и я имъ доволенъ. Обѣдъ готовятъ порядочный. Чай есть, сахаръ тоже, а мнѣ пока больше ничего не нужно. Здоровье мое лучше. Началь прохаживаться, и два раза былъ въ театрѣ. Лѣкарь увѣряетъ, что если я постомъ не умру, то весной меня вылѣчить. Но силъ, не только духовныхъ, и физическихъ еще нѣтъ; памяти тоже. Волоса начали расти, съ лица зеленъ сошла, глаза чисты». Въ заключеніе письма, говоря о своемъ нравственномъ состояніи, онъ прибавляетъ: «Что, если и выздоровѣвши, такимъ останусь? — Тогда прощайте, друзья, Москва и Петербургъ! Нѣтъ, дай Господи умереть, а не дожить до этого полипнаго состоянія. Или жить для жизни, или — маршъ на покой!»

Мысль о переѣздѣ въ Петербургъ съ новою силой воскресала въ немъ, какъ скоро начиналъ онъ себя чувствовать лучше. Онъ только ждалъ дня этого совершеннаго выздоровленія. Но и тутъ внутри его происходила страшная борьба, которую мы перескажемъ его собственными словами: «Какъ вы скажете: удерживаться ли въ Воронежѣ дома, бросить ли все, ѣхать въ Петербургъ. Удерживаться

дома — житье мнѣ будетъ плохое. Но все старикъ меня, какъ ни говори, а со двора не сгонить. У меня много здѣсь людей хорошихъ, которымъ я еще ни слова. Про это знаетъ лѣкарь и тотъ, у кого я жилъ на дачѣ; скажи я имъ, они помогутъ. Съ старикомъ уладиться легко — жениться, и онъ будетъ ко мнѣ хорошъ. Но зато надо взять тамъ, гдѣ ему будетъ угодно. Это значитъ пожертвовать собой, сгубить женщину и себя. Ъхать въ Питеръ — онъ не дастъ ни гроша. Ну, положимъ, я найдусь туда пріѣхать; у меня есть вещей рублей на триста; этого достаточно. Но, пріѣхавши туда, что я буду дѣлать? Наняться въ приказчики? не могу; отъ себя заниматься? не на что. Положить надежду на мои стишонки: что за нихъ дадутъ! И что за нихъ буду получать въ годъ — пустяки: на сапоги, на чай, и только. Талантъ мой — надо говорить правду — особенно теперь, въ рѣшительное время, талантъ мой пустой. Нѣсколько пѣсенокъ въ годъ — дрянъ. За нихъ много не дадутъ. Писать въ прозѣ не умѣю, а мнѣ тридцать три года. Вотъ мое положеніе. Пожалуйста, напишите мнѣ ваше мнѣніе; я имъ дорожу болѣе всего. — В. Г. пишетъ: Ъхать. Да боюсь, страшно. Я, живя на свѣтѣ, хорошаго не видалъ, или видѣлъ, да немного, да и то живя въ Москвѣ и въ Питерѣ, а въ Воронежѣ не помню когда. Что, если въ сорокъ лѣтъ придется нищенствовать? — Плохо!»

Послѣднее письмо, которое мы получили отъ Кольцова, было отъ 27 февраля 1842 года. Лѣтомъ мы писали къ нему, но отвѣта не было; а осенью мы получили изъ Воронежа, отъ незнакомыхъ намъ людей, извѣстіе о его смерти... Онъ умеръ 19 октября 1842 года, въ три часа пополудни, на тридцать четвертомъ году отъ рожденія.

Бѣлинскій.

Стихотворенія Кольцова.

Стихотворенія Кольцова можно раздѣлить на три разряда. Къ первому относятся пьесы, писанныя правильнымъ размѣромъ, преимущественно ямбомъ и хореемъ. Большая часть ихъ принадлежитъ къ первымъ его опытамъ, и въ нихъ онъ былъ подражателемъ поэтовъ, наиболѣе ему нравившихся. Таковы пьесы «Сирота», «Ровеснику», «Маленькому брату», «Ночлегъ чумаковъ», «Путникъ», «Красавицѣ», «Сестрѣ», «Приди ко мнѣ», «Разувѣреніе», «Не мнѣ внимать напѣвъ волшебный», «Мщеніе», «Вздыхъ на могилѣ Веневитинова», «Къ рѣкѣ Гайдарѣ», «Что значу я», «Утѣшеніе», «Я былъ у ней», «Первая любовь», «Къ ней же», «Наяда», «Къ Н.», «Соловей», «Къ другу», «Изступленіе», «Поэтъ и няня», «А. П. Серебрянскому». Въ этихъ стихотвореніяхъ проглядываетъ что-то похожее на талантъ и даже оригинальность; нѣкоторыя изъ нихъ даже очень недурны. По крайней мѣрѣ, изъ нихъ видно, что Кольцовъ и въ этомъ родѣ поэзіи могъ бы усовершенствоваться до извѣстной степени, но не иначе, какъ съ трудомъ и усиліемъ выработавши себѣ стихъ и оста-

ваясь подражателемъ, съ нѣкоторымъ только оттѣнкомъ оригинальности. Правильный стихъ не былъ его достояніемъ, и какъ бы ни выработалъ онъ его, все-таки никогда бы не сравнился въ немъ съ нашими звучными поэтами даже средней руки. Но здѣсь и виденъ сильный, самостоятельный талантъ Кольцова: онъ не остановился на этомъ сомнительномъ успѣхѣ, но, движимый однимъ инстинктомъ своимъ, скоро нашелъ себѣ настоящую дорогу. Съ 1831 года онъ рѣшительно обратился къ русскимъ пѣснямъ, и если писалъ иногда правильнымъ размѣромъ, то ужъ безъ всякихъ претензій на особенный успѣхъ, безъ всякаго желанія подражать или состязаться съ другими поэтами. Особенно любилъ этимъ размѣромъ, чаще безъ римы, съ которою онъ плохо ладилъ, выражать ощущенія и мысли, имѣвшія непосредственное отношеніе къ его жизни. Таковы (за исключеніемъ пьесъ: «Цвѣтокъ», «Бѣдный призракъ», «Товарищу») пьесы: «Последняя борьба», «Къ милой», «Примиреніе», «Миръ музыки», «Не разливай волшебныхъ звуковъ», «К***», «Вопль страданія», «Звѣзда», «На новый 1842 годъ». Пьесы же: «Очи, очи голубія», «Размолвка», «Люди добрые, скажите», «Теремъ», «По-надъ Дономъ садъ цвѣтеть», «Совѣтъ старца», «Глаза», «Домикъ лѣсника», «Женитьба Павла» — составляютъ переходъ отъ подражательныхъ опытовъ Кольцова къ его настоящему роду — русской пѣснѣ.

Въ русскихъ пѣняхъ талантъ Кольцова выразился во всей полнотѣ и силѣ. Рано почувствовалъ онъ безсознательное стремленіе выражать свои чувства складомъ русской пѣсни, которая такъ очаровала его въ устахъ простого народа; но его удерживала отъ этого мысль, что русская пѣсня — не поэзія, а что-то простонародное, грубое и вульгарное. Къ счастью, ему попала въ руки книжка стихотвореній барона Дельвига (изданная въ 1829 году). Каково же было его удовольствіе, его радость, когда въ этой книжкѣ онъ увидѣлъ между «настоящими» стихотвореніями и русскія пѣсни! Онъ сейчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и порѣшилъ его такимъ силлогизмомъ: баронъ — вѣдь это баринъ, да еще большой, все равно, что графъ или князь, и, вѣрно, онъ ученый человекъ; но онъ сочиняетъ же русскія пѣсни: стало-быть русская пѣсня не вздоръ, не глупость, а тоже — поэзія... И съ тѣхъ поръ онъ все больше и больше началъ наклоняться къ этому роду поэзіи. Первые пѣсни, какъ написанныя имъ еще до знакомства съ пѣснями Дельвига, такъ и многія, написанныя до 1835 года, были чѣмъ-то среднимъ между романсомъ и русскою пѣсней и потому походили на русскія пѣсни то Дельвига, то Мерзлякова. Но еще съ 1830 года, ему уже удавалось иногда выражать въ русской пѣснѣ всю оригинальность своего таланта, и пьесамъ: «Кольцо», «Удалецъ», «Крестьянская пирушка», «Размышленія поселянина» (1830—1832) недостаетъ только зрѣлости мысли, чтобы быть образцовыми въ своемъ родѣ произведеніями. Но съ пѣсней: «Ты не пой, соловей» (1830) и «Не шуми ты, рождь» (1834) начинается рядъ русскихъ пѣсней, какъ особаго рода, созданнаго Кольцовымъ.

Для обозначенія различныхъ степеней дара творчества употребляются, большею частью, два слова: *талантъ* и *геній*. Подъ первымъ разумѣется низшая, подъ второй — высшая степень способности творить. Но такое раздѣленіе довольно неопредѣленно: оно не даетъ мѣры (критеріума) для опредѣленія высоты художественной силы. Правда, талантъ и геній отличаются другъ отъ друга тѣмъ, что первый ниже второго, а второй выше перваго; но чѣмъ же именно ниже или выше — вотъ вопросъ! Одно изъ главнѣйшихъ и существеннѣйшихъ качествъ генія есть оригинальность и самобытность, потомъ всеобщность и глубина его идей и идеаловъ и, наконецъ, историческое вліяніе ихъ на эпоху, въ которую онъ живетъ. Геній всегда открываетъ своими твореніями новый, никому до него неизвѣстный, никѣмъ неподозрѣваемый міръ дѣйствительности. Толпа живетъ и движется, но бессознательно; переживши извѣстный историческій моментъ и уже нося въ самой себѣ всѣ элементы новаго существованія, она тѣмъ упорнѣе держится формъ стараго. Является геній — и возвѣщаетъ людямъ новую жизнь, начала которой они уже носили въ себѣ, и корень которой скрывался уже въ самомъ прошедшемъ. Но толпа не признаетъ своего участія въ дѣлѣ генія; дико и враждебно смотритъ она на новый міръ мысли и формы, открывающійся въ его твореніяхъ, и только немногіе берутъ его сторону, и только новыя поколѣнія упрочиваютъ за нимъ побѣду. Имя генія — миллионъ, потому что въ груди своей носитъ онъ страданія, радости, надежды и стремленія миллионovъ. И вотъ въ чемъ заключается *всеобщность* его идей и идеаловъ: они касаются всѣхъ, они всѣмъ нужны, они существуютъ не для избранныхъ, не для того или другого сословія, но для цѣлаго народа, а черезъ него и для всего человѣчества. Частность и исключительность, напротивъ, есть достояніе таланта, — и потому бываютъ таланты, произведенія которыхъ нравятся или только веселымъ и счастливымъ, или только меланхоликамъ и несчастнымъ, или только образованнымъ классамъ общества, или только низшимъ слоямъ его и т. д. Есть люди, которые нечаянно открывали въ себѣ талантъ черезъ какой-нибудь внѣшній и случайный толчокъ: одинъ оттого, что ослѣпъ, другой оттого, что лишился любимой имъ женщины, третій оттого, что пострадалъ за правое дѣло или за преступленіе, въ которомъ былъ невиненъ, и т. д. Безъ этихъ случайностей всѣ эти люди никогда не сдѣлались бы поэтами. Естественно, что каждый изъ нихъ поетъ на одинъ и тотъ же ладъ и всегда одно и то же, и потому нравятся только людямъ, которые одинаково съ нимъ настроены и находятъ въ его произведеніяхъ отголоски своихъ личныхъ ощущеній или примѣненія къ обстоятельствамъ своей жизни. Отсутствіе оригинальности и самобытности всегда есть характеристическій признакъ таланта: онъ живетъ не своею, а чужою жизнью, его вдохновеніе есть не что иное, какъ «плѣнной мысли раздраженіе» — мысли, захваченной у генія или подслушанной у самой толпы. Талантъ не управляетъ толпою, а льститъ ей, не утверждаетъ даже новой моды, а идетъ за модою; куда дуетъ вѣтеръ, туда и стре-

мится онъ. Поди онъ противъ — и его сейчасъ забудутъ, а этого-то онъ боится больше всего на свѣтѣ. Иногда онъ кажется оригинальнымъ и, въ свою очередь, порождаетъ толпу подражателей: но эта оригинальность тотчасъ исчезаетъ, какъ скоро привыкнуть и приглядятся къ ней, и оказывается или результатомъ чуждаго вліянія или проявленіемъ дурного вкуса эпохи; а толпа подражателей доказываетъ только то, что и талантъ имѣетъ степени, и менѣе талантливые подражаютъ болѣе талантливому.

Очевидно, что и геній и талантъ суть только крайнія степени, противоположные полюсы творческой силы, и что между ними должно быть что-нибудь среднее. Въ самомъ дѣлѣ, иначе міръ искусства былъ бы очень скуденъ, состоя изъ однихъ геніальныхъ твореній, окруженныхъ развалинами эфемерныхъ произведеній таланта. Напротивъ, во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности, исторія сохранила имена людей, которые не были геніями, не были полномочными властелинами своего времени, но тѣмъ не менѣе имѣли на него свое дѣйствительное вліяніе, и потому заняли хотя и второстепенныя, но почтенныя мѣста въ благодарной памяти потомства. Въ сферѣ искусства такихъ людей называютъ большими и великими талантами въ отличіе отъ геніевъ и обыкновенныхъ талантовъ. Но это названіе довольно неопредѣленно. Мы думаемъ, къ такимъ людямъ лучше бы шло названіе *геніальныхъ талантовъ*, какъ выражающее и ихъ сродство съ геніемъ и съ талантомъ, и ту средину, которую они занимаютъ между тѣмъ и другимъ.

Но слова ничего не значатъ, если не выражаютъ идеи, доказывающей ихъ необходимость и дѣйствительность. И потому, мы должны оправдать употребленное нами выраженіе «геніальнаго таланта», показавши его отношеніе къ «генію» и «таланту». Геніальный талантъ отличается отъ обыкновеннаго таланта тѣмъ, что, подобно генію, живетъ собственной жизнью, творитъ свободно, а не подражательно, и на свои творенія налагаетъ печать оригинальности и самобытности, со стороны какъ содержанія, такъ и формы. Отъ генія же онъ отличается объемомъ своего содержанія, которое у него бываетъ менѣе обще и болѣе частно. И потому, геній есть полный властелинъ своего времени, которое носить на себѣ его имя, — тогда какъ вліяніе геніальнаго таланта, какъ бы оно ни было сильно, всегда простирается только на одну какую-нибудь сторону искусства и жизни. Другими словами: геній захватываетъ и наполняетъ собою цѣлую область современной ему дѣйствительности, геніальный талантъ — одинъ уголокъ ея. Что въ геніи составляетъ полноту его существованія, — то въ геніальномъ талантѣ есть какъ бы отблескъ генія. Но сходное и общее между ними, несмотря на всю огромность раздѣляющаго ихъ пространства — это та оригинальность и самобытность, которая порождаетъ множество подражателей, но ни одного самостоятельнаго таланта, которой можно подражать, но которой невозможно усвоить. И вотъ гдѣ существенное отличіе геніальнаго таланта отъ обыкновеннаго. Послѣдній есть не болѣе, какъ посредникъ между геніемъ и толпой, родъ фактора, необхо-

димаго для облегченія сношеній между ними: невольно увлекаясь идеями генія, онъ ихъ совлекаетъ съ ихъ высокаго, недоступнаго толпѣ, пьедестала и тѣмъ самымъ приближаетъ ихъ къ разумѣнію толпы. Подъ рукою таланта идеи генія, такъ сказать, мельчаютъ и опошливаются, но этимъ самымъ онѣ и дѣлаются популярными, становятся всѣмъ доступными и каждому извѣстными. И потому талантъ совершаетъ великое дѣло; но въ этомъ случаѣ онъ дѣлается жертвою собственнаго успѣха: по мѣрѣ того, какъ онъ болѣе знакомитъ и сближаетъ толпу съ геніемъ, добродушно думая знакомить и сближать ее только съ самимъ собою — толпа все болѣе и болѣе отворачивается отъ него, обращаясь все болѣе и болѣе къ самому генію, непосредственныя сношенія съ которымъ стали для нея уже возможными и доступными. Сдѣлавши свое дѣло, таланты (потому что для такого дѣла одного таланта мало, а нужна толпа талантовъ) забываются: имена ихъ остаются въ исторіи литературы, но сочиненія предаются болѣе или менѣе полному забвенію.

Но мы все-таки еще не сказали послѣдняго слова о существенномъ различіи между геніальнымъ и обыкновеннымъ талантомъ. Оно заключается въ тайнѣ натуры человѣка. Въ человѣкѣ, владѣющемъ обыкновеннымъ талантомъ, талантъ есть сила абстрактная, родъ капитала, который принадлежитъ своему владѣльцу, но который — не одно съ нимъ. Продолжимъ наше сравненіе. Потерявши капиталъ, можно нажить другой: капиталъ — внѣшнее средство для жизни, но не сама жизнь. Какъ часто видимъ мы людей, которые, долгое время пользовались огромною извѣстностью и которые, несмотря на то, сумѣли вознаградить себя другими благами жизни: приобрѣли большіе чины или большія деньги и прекрасно живутъ себѣ безъ таланта и безъ славы. Не таковъ человѣкъ, одаренный геніальнымъ талантомъ: его нельзя отдѣлить отъ его таланта, его талантъ — его жизнь, его кровь, его духъ, его плоть, біеніе его сердца, дыханіе его груди, словомъ — весь онъ самъ. Это роковая сила, которая всегда будетъ мчать его къ одной цѣли, къ одной дѣятельности, наперекоръ судьбѣ, рожденію, воспитанію, всѣмъ внѣшнимъ обстоятельствамъ его жизни, какъ бы ни были они сильны. Онъ страстенъ къ славѣ и очень не чуждъ самолюбія; но еще не въ этомъ только источникъ его ничѣмъ неудержимаго стремленія къ творчеству: оно у него — инстинктъ, натура, страсть. Въ отношеніи къ своему признанію, онъ смѣло можетъ сказать о себѣ:

Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну, но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.

Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

Сила геніальнаго таланта основана на живомъ, неразрывномъ единствѣ *человѣка съ поэтомъ*. Тутъ замѣчательность таланта происхо-

доть отъ замѣчательности человѣка, какъ личности, какъ натуры; тогда какъ обыкновенный талантъ отнюдь не условливаетъ собою необыкновеннаго человѣка: тутъ человѣкъ и талантъ — каждый самъ по-себѣ, и человѣкъ, въ отношеніи къ таланту, есть то же, что ящикъ въ отношеніи къ деньгамъ, которыя въ немъ лежатъ. Сильная и богатая натура всегда отличается отъ натуръ обыкновенныхъ, никогда на нихъ не похожа, всегда оригинальна, — и удивительно ли, если печать этой оригинальности налагаетъ она и на свои творенія? Самобытность поэтическихъ произведеній есть отраженіе самобытности создавшей ихъ личности.

У всякаго человѣка *есть лицо*, слѣдовательно, всякій человѣкъ есть личность; и однакожь въ человѣческомъ родѣ гораздо больше существъ неопредѣленныхъ, безцвѣтныхъ, безхарактерныхъ, слѣдовательно, безличныхъ, нежели существъ съ рѣзкимъ выраженіемъ личности. Лицо есть выраженіе, душа человѣка; но, вѣдь, есть лица, которыхъ нельзя забыть, разъ увидѣвши, и есть лица, которыя видишь безпрестанно цѣлые годы и забываешь, не видя недѣлю. Слѣдовательно, *личность* имѣетъ свои степени и свою постепенность. Чѣмъ общѣе, тѣмъ ничтожнѣе она; чѣмъ болѣе поражаетъ оригинальностью, тѣмъ она выше. Поэтому гений есть высочайшее развитіе личности. Тайну генія составляетъ собственно не умъ; умъ, и часто весьма замѣчательный, бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не талантъ: талантъ, и при томъ весьма замѣчательный, часто бываетъ и у обыкновенныхъ людей; не сердце: оно тоже, и очень часто, бываетъ удѣломъ людей обыкновенныхъ. Нѣтъ, тайна генія заключается больше всего въ какой-то непосредственной творческой способности вдохновенія, похожаго на откровеніе и составляющаго тайну личности человѣка. Это что-то такъ же неуловимое и невыразимое словомъ, какъ выраженіе фizioноміи, какъ органическая жизнь. Намъ извѣстны средства жизни, ея органы, ихъ отправленія; но фizioлогическая жизнь все-таки для насъ тайна. Мы не можемъ выразить сущности генія, но всегда вѣрно чувствуемъ преобладающее надъ нами вліяніе не только генія, но и всякой сколько-нибудь высшей насъ личности. Иногда гениальная личность, обдѣленная образованіемъ и не подозрѣвающая своего значенія, съ смиреніемъ и робостью подходитъ къ человѣку обыкновенному, но образованному, развитому и ученіемъ и свѣтскою жизнью; но дѣло всегда оканчивается тѣмъ, что первая незамѣтно беретъ верхъ надъ послѣднимъ, и обыкновенный человѣкъ въ присутствіи гениальнаго невѣжды какъ-то невольно дѣлается осторожнымъ, какъ бы боясь проговориться. Вотъ что значитъ *личность*, *натура*, — и талантъ тогда только бываетъ плодотворенъ и живучъ, когда онъ тѣсно соединенъ съ личностью, съ натурою человѣка. И вотъ почему иногда бываютъ люди съ талантомъ, не имѣя ни ума ни сердца: это таланты обыкновенные, которые могутъ существовать безъ связи съ личностью и натурою человѣка.

Когда талантъ въ человѣкѣ есть не просто внѣшняя сила производить на основаніи влеченія самобытными образами, но выраженіе внутренней сущности человѣка, его личности, его природы — тогда, каковъ бы ни былъ объемъ этого таланта, но онъ уже сила творческая, зиждительная, слѣдовательно, въ немъ уже заключается искра гениальности, — и если, по его объему, его нельзя назвать «гениемъ», то можно и должно назвать «гениальнымъ талантомъ».

Къ числу *такихъ* талантовъ принадлежитъ и талантъ Кольцова. Пока сочиненія Кольцова были разбросаны по разнымъ періодическимъ изданіямъ, подобное заключеніе о его талантѣ не безъ основанія могло бы показаться нѣсколько преувеличеннымъ; но теперь когда все написанное имъ собрано въ одной книгѣ, и наше мнѣніе можетъ быть провѣреннымъ, мы смѣло выговариваемъ его не какъ простое мнѣніе, но какъ глубокое и обдуманное убѣжденіе.

Кромѣ пѣсенъ, созданныхъ самимъ народомъ, и потому называющихся «народными», до Кольцова у насъ не было художественныхъ народныхъ пѣсенъ, хотя многіе русскіе поэты и пробовали свои силы въ этомъ родѣ, а Мерзляковъ и Дельвигъ даже приобрѣли себѣ большую извѣстность своими русскими пѣснями, за которыми публика охотно утвердила титулъ «народныхъ». Въ самомъ дѣлѣ, въ пѣсняхъ Мерзлякова попадаются иногда мѣста, въ которыхъ онъ удачно *подражаетъ* народнымъ мелодіямъ, и вообще онъ по этой части сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать талантъ. Но, несмотря на то, въ дѣломъ, его русскія пѣсни не что иное, какъ *романсы*, пропѣтые на русскій народный мотивъ. Въ нихъ виденъ баринъ, которому пришла охота попробовать сыграть роль крестьянина. Что же касается до русскихъ пѣсенъ Дельвига — это уже рѣшительно романсы, въ которыхъ русскаго — одни слова. Это чистая поддѣлка, въ которой роль русскаго крестьянина игралъ даже и не совсѣмъ русскій, а скорѣе нѣмецкій или, еще ближе къ дѣлу, италіанскій баринъ. Мерзляковъ, по крайней мѣрѣ, перенесъ въ свои русскія пѣсни русскую грусть-тоску, русское гореванье, отъ котораго щемитъ сердце и захватываетъ духъ. Въ пѣсняхъ Дельвига нѣтъ ничего, кромѣ сладенькаго любезничанья и сладенькой задумчивости, слѣдовательно, нѣтъ ничего русскаго. Впрочемъ, наше мнѣніе о пѣсняхъ Мерзлякова клонится не къ униженію его таланта, весьма замѣчательнаго; но мы хотимъ только сказать, что русскія пѣсни могъ создать только русскій человѣкъ, сынъ народа, въ такомъ смыслѣ, въ какомъ и самъ Пушкинъ не былъ и не могъ быть русскимъ человѣкомъ, по причинѣ рѣзкаго разрыва, произведеннаго реформою Петра Великаго между образованными классами русскаго общества и массою народа. Въ пьесахъ Пушкина, содержаніе которыхъ взято изъ народной жизни и выражено въ народной формѣ, видна душа глубоко-русская, но въ то же время видна и та художественная объективность, которая сдѣлала для Пушкина возможнымъ быть какъ у себя дома во всѣхъ сферахъ жизни, даже самыхъ противоположныхъ

другъ другу, и благодаря которой онъ въ «Каменномъ гостѣ» изобразилъ природу и нравы Испаніи съ такою же поразительною вѣрностью, какъ въ «Русалкѣ» изобразилъ природу и нравы Руси временъ удѣловъ. Сверхъ того, въ этой «Русалкѣ», если внимательнѣе прислушаться къ ея звукамъ, приглядѣться къ ея колориту, — нельзя не открыть въ ней примѣси поэтическихъ элементовъ, болѣе *обрусинныхъ* поэтомъ, если можно такъ выразиться, нежели чисто русскихъ. Сейчасъ видно, что эта пьеса писана поэтомъ, который образованъ европейски и который безъ этого обстоятельства не могъ бы написать ее такъ. Не таковъ міръ русскихъ пѣсень Кольцова: въ нихъ и содержаніе и форма чисто русскія, — и, несмотря на всю объективность своего генія, Пушкинъ не могъ бы написать ни одной пѣсни въ родѣ Кольцова, потому что Кольцовъ одинъ и безраздѣльно владѣлъ тайною этой пѣсни. Этою пѣсней онъ создалъ свой особенный, только одному ему довлѣвшій міръ, въ которомъ и самъ Пушкинъ не могъ бы съ нимъ соперничествовать, — но не по недостатку таланта. а потому, что міръ пѣсни Кольцова требуетъ всего человѣка, а для Пушкина, какъ для генія, этотъ міръ былъ бы слишкомъ тѣсенъ и малъ, и потому могъ входить только, какъ элементъ, въ огромный и необъятный міръ Пушкинской поэзіи.

Кольцовъ родился для поэзіи, которую онъ создалъ. Онъ былъ сыномъ народа, въ полномъ значеніи этого слова. Быть, среди котораго онъ воспитался и выросъ, былъ тотъ же крестьянскій бытъ, хотя нѣсколько и выше его. Кольцовъ выросъ среди степей и мужиковъ. Онъ не для фразы, не для краснаго словца, не воображеніемъ, не мечтою, а душою, сердцемъ, кровью любилъ русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, какъ зародышъ, какъ возможность, живетъ въ натурѣ русскаго селянина. Не на словахъ, а на дѣлѣ сочувствовалъ онъ простому народу въ его горестяхъ, радостяхъ и наслажденіяхъ. Онъ зналъ его бытъ, его нужды, горе и радость, прозу и поэзію его жизни, — зналъ ихъ не по наслышкѣ, не изъ книгъ, не черезъ изученіе, а потому, что самъ и по своей натурѣ и своему положенію былъ вполне русскій человѣкъ. Онъ носилъ въ себѣ всѣ элементы русскаго духа, въ особенности — страшную силу въ страданіи и въ наслажденіи, способность бѣшено предаваться и печали и веселью, и вмѣсто того, чтобы падать подъ бременемъ самаго отчаянія, способность находить въ немъ какое-то буйное, удалое, размашистое упоеніе, а если же пасть, то спокойно, съ полнымъ сознаніемъ своего паденія, не прибѣгая къ ложнымъ утѣшеніямъ, не ища спасенія въ томъ, чего не нужно было ему въ его лучшіе дни. Въ одной изъ своихъ пѣсень онъ жалуется, что у него нѣтъ воли,

Что бѣ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ, въ пиру,

Что бѣ порой предъ бѣдой
За себя постоять;
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель ити —
Пѣсни нѣтъ соловьемъ.

Нѣтъ, въ томъ не могло не быть такой воли, кто въ столь мощныхъ образахъ могъ выразить свою тоску по такой волѣ...

Нельзя было тѣснѣе слить своей жизни съ жизнью народа, какъ это само собою сдѣлалось у Кольцова. Его радовала и умиляла режь, шумящая спѣлымъ колосомъ, и на чужую ниву смотрѣлъ онъ съ любовью крестьянина, который смотреть на свое поле, орошенное его собственнымъ потомъ. Кольцовъ не былъ земледѣльцемъ, но урожай былъ для него свѣтлымъ праздникомъ: прочтите его «Пѣсню пахаря» и «Урожай». Сколько сочувствія къ крестьянскому быту въ его «Крестьянской пирушкѣ» и въ пѣснѣ:

Что ты ешишь, мужичокъ!
Вѣдь уже лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ пряело глядитъ;
Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,

Путь снѣжкомъ порошокъ,
Подъ санями хруститъ.
Вѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везуть, продають,
Собирають казну,
Бражку ковшикомъ пють.

Кольцовъ зналъ и любилъ крестьянскій бытъ такъ, какъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, не украшая и не поэтизируя его. Поэзію этого быта нашель онъ въ самомъ этомъ бытѣ, а не въ реторикѣ, не въ пѣтикѣ, не въ мечтѣ, даже не въ фантазій своей, которая давала ему образы для выраженія уже даннаго ему дѣйствительностью содержанія. И потому въ его пѣсни смѣло вошли и лапти, и рваные кафтаны, и вклоченныя бороды, и старыя онучи — и вся эта грязь превратилась у него въ чистое золото поэзіи. Любовь играетъ въ его пѣсняхъ большую, но далеко не исключительную роль: нѣтъ, въ нихъ вошли и другіе, можетъ быть, еще болѣе общіе элементы, изъ которыхъ слагается русскій простонародный бытъ. Мотивъ многихъ его пѣсней составляетъ то нужда и бѣдность, то борьба изъ-за копейки, то прожитое счастье, то жалобы на судьбу-мачеху.

Въ одной пѣснѣ крестьянинъ садится за столъ, чтобы подумать, какъ ему жить одинокому; въ другой выражено раздумье крестьянина, на что ему рѣшиться — жить ли въ чужихъ людяхъ, или дома браниться съ старикомъ-отцомъ, рассказывать ребятишкамъ сказки, *ботать*, старѣться. Такъ говоритъ онъ, хотъ «оно и не тово, но ужъ такъ бы и быть, да кто пойдетъ за нищаго? Гдѣ избытокъ мой зарыть?» И это раздумье разрѣшается въ саркастическую русскую иронию:

Куда ни глянешь — всюду наша степь;
На горахъ — лѣса, сады, дома;
На днѣ моря — груды золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...

Но если гдѣ идетъ дѣло о горѣ и отчаяніи русскаго человѣка — тамъ поэзія Кольцова доходитъ до высокаго, тамъ обнаруживаетъ она страшную силу выраженія, поразительное могущество образовъ.

Пала грусть-тоска тяжелая
На кручинную головушку;

Мучить душу мука смертная,
Вонъ изъ тѣла душа просится.

И какая же вмѣстѣ съ тѣмъ сила духа и воли въ самомъ отчаяніи:

Въ ночь, подъ бурей, я коня сѣдлалъ;
Безъ дороги въ путь отправился —
Горе мыкать, жизнью тѣшиться:
Съ злою долей переводаться...

И послѣ этой пѣсни («Измѣна суженой») прочтите пѣсню: «Ахъ, зачѣмъ меня» — какая разница! Тамъ буря отчаянія сильной мужской души, мощно опирающейся на самое себя; здѣсь грустное воркованіе горлицы, глубокая раздирающая душу жалоба нѣжной женской души, осужденной на безвыходное страданіе...

Когда форма есть выраженіе содержанія, она связана съ нимъ такъ тѣсно, что отдѣлить ее отъ содержанія значитъ уничтожить самое содержаніе; и наоборотъ: отдѣлить содержаніе отъ формы значитъ уничтожить форму. Эта живая связь, или, лучше сказать, это органическое единство и тождество идеи съ формою и съ идеею бываетъ достояніемъ только одной геніальности. Простой талантъ всегда опирается или преимущественно на содержаніе, и тогда его произведенія недолговѣчны со стороны формы, или преимущественно блистаетъ формою, и тогда его произведенія эфемерны со стороны содержанія; но главное, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, богатая мыслью или щеголяющія внѣшнюю красотой, они лишены оригинальности формы, свидѣтельствующей о самобытности мысли. Здѣсь-то всего яснѣе и открывается, что обыкновенный талантъ основанъ на способности подражанія, на способности увлеченія образцами, — и въ этомъ заключается причина недолговѣчности, а чаще всего и эфемерности таланта. И потому оригинальность есть не случайное, но необходимое свойство геніальности, есть черта, которая отдѣляетъ геніальность отъ простой талантливости или даровитости. Но эта оригинальность, прежде всего поражающая читателя въ языкѣ поэта, не должна быть искусственною или изысканною: тогда она увлекаетъ только на минуту и потомъ тѣмъ болѣе дѣлается предметомъ осмѣянія и презрѣнія, чѣмъ больше сперва имѣла успѣха. Поэтъ долженъ быть оригиналенъ, самъ не зная какъ, и если долженъ о чемъ-нибудь заботиться, такъ это не объ оригинальности, а объ истинѣ выраженія: оригинальность придетъ сама собою, если въ талантѣ его есть геніальность. Истинная оригинальность въ изобрѣтеніи, а, слѣдовательно, и въ формѣ, возможна только при вѣрности дѣйствительности и истинѣ.

Такою оригинальностью Кольцовъ обладалъ въ высшей степени. Съ этой стороны его пѣсни смѣло можно равнять съ баснями Крылова.

Кольцовъ никогда не проговаривается противъ народности, ни въ чувствѣ ни въ выраженіи. Чувство его всегда глубоко, сильно, мощно и никогда не впадаетъ въ сентиментальность, даже и тамъ, гдѣ оно становится нѣжнымъ и трогательнымъ. Въ выраженіи онъ

также вѣренъ русскому духу. Даже въ слабыхъ его пѣсняхъ никогда не найдете фальшиваго русскаго выраженія; но лучшія его пѣсни представляютъ собою изумительное богатство самыхъ роскошныхъ, самыхъ оригинальныхъ образовъ высшей степени русской поэзіи. Съ этой стороны языкъ его столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими, напримѣръ, усыпаны, такъ сказать, двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича? У кого, кромѣ Кольцова, можно встрѣтить такіе стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.

Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Смеркаетъ степь, горитъ заря...

На гумнѣ — ни снопа,
Въ закромахъ — ни зерна;
На дворѣ, по травѣ,
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтѣй домовою
Сорь метлою посмелъ,
И лошадокъ, за доилъ,
По сосѣдямъ развелъ.

Иль у сокола
Крылья связаны,

Иль пути ему
Всѣ заказаны?

Не держи жъ, пусти, дай волюшку,
Дай опять мнѣ жить, гдѣ хочется,

Безъ талана — гдѣ таланится,
Молодымъ кудрямъ счастлижится.

Отчего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,

Облетѣть его
Душа просится?

Мы не выбирали этихъ отрывковъ, но брали, что прежде попало на глаза. Выписывать все хорошее значило бы большую часть пьесъ Кольцова въ одной и той же книгѣ напечатать вдвойнѣ. И потому мы не войдемъ въ подробный разборъ отдѣльныхъ пьесъ. Скажемъ просто: если бы Кольцовъ написалъ только такія пьесы, какъ «Совѣтъ старца», «Крестьянская пирушка», «Размышленіе поселянина», «Два прощанія», «Размолвка», «Кольцо», «Пѣсня старика», «Не шуми ты, рожь», «Удалецъ», «Ты не пой, соловей», «Пѣсня пахаря», «Не на радость, не на счастье», «Всякому свой таланъ», «Пѣсня о Грозномъ», «Я любила его», «Что онъ ходитъ за мной», «Нынче ночью къ себѣ», — и тогда въ его талантъ нельзя было бы не признать чего-то необыкновеннаго. Но что же сказать о такихъ пьесахъ, какъ «Урожай», «Молодая жница», «Косарь», «Раздумье селянина», «Горькая доля», «Пора любви», «Послѣдній поцѣлуй», «Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ», «Пѣсня разбойника», «Тоска по волѣ», «Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись», «Безъ ума, безъ разума», «Разлука», «Расчетъ съ жизнью», «Перепутье», «Дуютъ вѣтры», «Грусть дѣвушки», «Доля бѣдняка», «Ты прости-прощай», «Разступитесь, лѣса темные», «Какъ здоровъ да молодъ»? — Такія пьесы громко говорятъ сами за себя, и кто бы не увидалъ въ нихъ огромнаго таланта, съ тѣмъ нечего и словъ тратить — со слѣзными о цвѣтахъ не рассу-

ждають. Что же касается до пьесъ «Лѣсъ» (посвященный памяти Пушкина), «Двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича», «Ахъ, зачѣмъ меня», «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Бѣгство», «Что ты спишь, мужичокъ», «Въ непогоду вѣтеръ», «Дума сокола», «Свѣтитъ солнышко», «Такъ и рвется душа», «Много есть у меня», «Не весна тогда», «Хуторокъ» и «Ночь»—эти пьесы принадлежать не только къ лучшимъ пьесамъ Кольцова, но и къ числу замѣчательнѣйшихъ произведеній русской поэзіи. Мы не говоримъ уже о неподражаемомъ превосходствѣ собственно лирическихъ пѣсенъ—талантъ Кольцова былъ, по преимуществу, лирической: но не можемъ не указать на повѣствовательный характеръ пьесъ: «Измѣна суженой», «Деревенская бѣда», «Бѣгство», обѣ «пѣсни Лихача-Кудрявича» и на страстно-драматическій характеръ пьесы «Хуторокъ» и «Ночь».

Почти все пѣсни Кольцова писаны правильнымъ размѣромъ; но этого вдругъ не замѣтишь, а если замѣтишь, то не безъ удивленія. Дактилическое окончаніе ямбовъ и хореевъ и полуриема вмѣсто риемы, а часто и совершенное отсутствіе риемы, какъ созвучія слова, но, вмѣстѣ, всегда риема смысла или цѣлаго реченія, цѣлой соотвѣтственной фразы—все это приближаетъ размѣръ пѣсенъ Кольцова къ размѣру народныхъ пѣсенъ. Кольцовъ не имѣлъ яснаго понятія о версификаціи и руководствовался только своимъ слухомъ. И потому безъ всякаго старанія и даже совершенно безсознательно умѣлъ онъ искусно замаскировать правильный размѣръ своихъ пѣсенъ, такъ что его и не подозрѣваешь въ нихъ. Притомъ онъ придалъ своему стиху такую оригинальность, что и самые ихъ размѣры кажутся совершенно оригинальными. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ другомъ, подражать Кольцову невозможно: легче едѣлаться такимъ же, какъ онъ, оригинальнымъ поэтомъ, нежели въ чемъ-нибудь поддѣлаться подъ него. Съ нимъ родилась его поэзія, съ нимъ и умерла ея тайна.

Къ третьему разряду произведеній Кольцова принадлежать *думы*—особый и оригинальный родъ стихотвореній, созданный имъ. Эти думы далеко не могутъ равняться въ достоинствѣ съ его пѣснями; нѣкоторыя изъ нихъ даже слабы, и только немногія прекрасны. Въ нихъ онъ силился выразить порыванія своего духа къ знанію, силился разрѣшить вопросы, возникавшіе въ его умѣ. И потому, въ нихъ естественно представляются двѣ стороны: *вопросъ и рѣшеніе*. Въ первомъ отношеніи, нѣкоторыя думы прекрасны, какъ, напримѣръ: «Великая тайна», «Неразгаданная истина», «Молитва», «Вопросъ». Такъ, наприимѣръ, что можетъ быть прекраснѣе этихъ стиховъ, проникнутыхъ глубокою мыслью, выраженной поэтически и страстно:

Спаситель, Спаситель!

Чиста моя вѣра,

Какъ пламя молитвы!

Но, Боже, и вѣрѣ

Могилы темна!

Что слухъ мой замѣнить?

Потухшія очи?

Глубокое чувство

Остывшего сердца?

Что будетъ жизнь духа

Безъ этого сердца?

Но во второмъ отношеніи эти думы, естественно, не могутъ имѣть никакого значенія. Сильный, но не развитой умъ, томясь великими вопросами и чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старается успокоить себя или какою-нибудь реторическою фразой о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкой противъ слабости ума человѣческаго, какъ, напримѣръ, сдѣлалъ это Кольцовъ въ думѣ: «Неразгаданная истина», которая оканчивается такъ:

Подѣску жъ я крылья	Умъ нашъ не шагаетъ
Дерзкому сомнѣнью,	Міра за границу,
Прокляну усилія	Наобумъ мѣшаетъ
Къ тайнамъ Провидѣнья.	Съ былію небылицу.

Это случалось и случается и съ великими мыслителями, когда они брались и берутся за вопросы выше ихъ времени или выше ихъ самихъ. Кольцовъ съ его вопросами, не могъ быть ни въ какихъ отношеніяхъ ни съ какимъ вѣкомъ: они были важны только для него, и тѣмъ труднѣе было ему рѣшать ихъ. Но самый вопросъ излагается у него часто съ необыкновенною поэзіей, доходящею до высокаго (sublime); чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прочесть его «Великую тайну». Несмотря на мистическую темноту выраженія, которая иногда доходитъ до рѣшительной бессмыслицы, какъ, напримѣръ, въ трехъ первыхъ стихахъ думы «Божій міръ», и естественная причина которой была та, что поэтъ больше ощущалъ и чувствовалъ или, лучше сказать, больше предощущалъ и предчувствовалъ сердцемъ, нежели сознавалъ умомъ то, что хотѣлъ выразить словомъ, — несмотря на эту мистическую темноту, почти во всѣхъ его думахъ есть поэзія и мысли и выраженія. Многіе осуждали Кольцова за этотъ родъ стихотвореній, видя въ нихъ претензіи полутрагическаго прасола на философское умничанье. Да если вспомнить, мало ли за что не осуждали Кольцова эти «многіе» — даже за то, что въ бесѣдахъ онъ сидѣлъ не все молча, но иногда осмѣливался высказывать свое мнѣніе о предметѣ общаго разговора. Этою строгостью къ Кольцову особенно отличались умные и образованные люди, книжники, литераторы, полулитераторы и литературщики. И по дѣломъ ему: какъ было смѣть ему, безграмотному мѣщанину, удостоенному, за его талантъ, чести быть принятымъ въ общество умныхъ людей, — какъ было ему, при нихъ, «смѣть свое сужденіе имѣть»!... Люди съ книжнымъ, вычитаннымъ умомъ, съ готовыми сужденіями о чемъ угодно, никогда не поймутъ, чтобы человѣкъ съ высшей натурой, но обдѣленный образованіемъ, могъ, на своемъ странномъ языкѣ, вслухъ выговаривать то, что глубоко запало въ его душу и сильно заняло его умъ; никогда не растолкуете вы имъ, что такой человѣкъ и ошибается-то лучше, нежели какъ они говорятъ дѣло, потому что онъ ошибается *по-своему*, они говорятъ чужое...

Особенное достоинство думъ Кольцова заключается въ ихъ чисто русскомъ, народномъ языкѣ. Кольцовъ не по кокетству таланта, а по

необходимости прибѣгалъ къ этому складу. Въ своихъ думахъ Кольцовъ — русскій простолюдинъ, ставшій выше своего сословія настолько, чтобы только увидѣть другую, высшую сферу жизни, но не настолько, чтобы овладѣть ею и самому совершенно отрѣшиться отъ своей прежней сферы. И потому онъ по необходимости говорить ея понятіями и ея языкомъ объ увидѣнной имъ вдали сферѣ другихъ, высшихъ понятій: но потому же онъ въ своихъ думахъ искрененъ и истиненъ до наивности, — что и составляетъ главное ихъ достоинство. Хотя пѣсни Кольцова были бы понятны и доступны для нашего простого народа, но все же онѣ были бы для него гораздо вышею школою поэзіи, а слѣдовательно, чувствъ и понятій, нежели поэзія народныхъ пѣсень, — и потому были бы очень полезны для нравственнаго и эстетическаго его образованія. Такимъ же точно образомъ думы Кольцова, изложенныя образами и складомъ чисто русскими и представляющія собою первую высшую ступень простого русскаго чело- вѣка въ стремленіи къ нравственно-идеальному развитію, были бы очень полезны для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ.

Мистическое направленіе Кольцова, обнаруженное имъ въ думахъ, не могло бы у него долго продолжаться, если бъ онъ остался живъ. Этотъ простой, ясный и смѣлый умъ не могъ бы долго плавать въ туманахъ неопредѣленныхъ представленій. Доказательствомъ этому служить его превосходная дума «Не время ль намъ оставить», написанная имъ менѣе, нежели за годъ до смерти. Въ ней виденъ рѣши- тельный выходъ изъ тумановъ мистицизма и крутой поворотъ къ про- стымъ созерцаніямъ здраваго разсудка.

Бѣлинскій.

Жизненная правда поэзіи Кольцова.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ былъ натурой геніальной. Тѣмъ не менѣе, значеніемъ своей поэзіи онъ обязанъ тому обстоятельству, что онъ жилъ и дѣйствовалъ, т.-е. писалъ, подъ вліяніемъ поэзіи Пушкинскаго періода. И какъ главнѣйшимъ и наиболѣе привлека- тельнымъ свойствомъ поэзіи Пушкина было въ высокой степени правдивое изображеніе чело- вѣческой души и жизни, современной ему, такъ въ Кольцовскихъ стихотвореніяхъ сказалась простая правда духовной жизни простого русскаго люда. Въ этомъ смыслѣ онъ заслуживаетъ глубокаго изученія: въ немъ, только въ немъ, можно найти народную поэзію и народный складъ мыслей и чувство во всей ихъ полнотѣ и опредѣленности.

Позже Кольцова, подъ вліяніемъ господствовавшихъ въ обществѣ направленій, создавались представленія о крестьянствѣ, какъ о за- битомъ страданіями и непосильной работой классѣ людей, несущемъ свою суровую судьбу только, такъ сказать, по привычкѣ и животной малосознательности. Такъ, Некрасовскіе мужики «стонуть по полямъ и дорогамъ» и повсюду «свѣту Божьяго, солнца не рады»; это —

масса «рабовъ», «завидующихъ житью псовъ». Такъ, у Рѣшетникова его герои, подлиповцы, въ преувеличенной безсознательности влечать жалкое существованіе, полное страданій и лишеній; они взрослые, способны понимать окружающую ихъ жизнь не въ большей степени, чѣмъ смышленныя дѣти. Самъ сынъ народа, жившій все свое дѣтство и всю молодость среди природы воронежскихъ степей и простого русскаго люда, Кольцовъ, именно поэтому способный сказать бóльшую правду о немъ, говорить нѣчто иное, исправляетъ это одностороннее воззрѣніе. Съ этой точки зрѣнія содержаніе поэзіи Кольцова получаетъ несравненный интересъ, огромную важность. Кольцовъ въ его историческомъ значеніи имѣетъ несравненно большую роль, чѣмъ это думаютъ обыкновенно; онъ не интересный прасоль-поэтъ только, не представитель только способности русскаго простонародья постигать тайны поэзіи, какъ ее понимаютъ образованнѣйшіе люди, а и свидѣтель народной душевной жизни, учащій, какъ на нее должно смотрѣть. Свидѣтельство его тѣмъ любопытнѣе и цѣннѣе, что поэзія Кольцова по своему содержанію и воззрѣніямъ совершенно сходна съ произведеніями непосредственнаго народнаго творчества, съ былинами, сказками, пѣснями.

Остановимся, напр., на представленіи Кольцова о тяжеломъ народномъ трудѣ и объ условіяхъ его, конечно весьма тяжелой, жизни. Поэтъ образованныхъ, т.-е. привилегированныхъ классовъ, Некрасовъ, а за нимъ Никитинъ, не находятъ ничего, кромѣ мрачныхъ красокъ, для изображенія тягостей народнаго труда и жизни. Описывая, напр., работу женщины въ страдное время, Некрасовъ восклицаетъ:

Доля ты, русская долюшка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать!

Въ другомъ стихотвореніи на лицѣ крестьянки поэтъ видитъ печать «тупого терпѣнія и безмысленнаго вѣчнаго испуга». Сама природа, кажется, вооружается противъ народа въ его страдѣ:

Зной нестерпимый: равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палить...
Бѣдная баба изъ силъ выбивается...
Приподнимая коосу тяжелую.
Баба порѣзала ноженьку голую...

Въ общемъ великая русская страна представляется страной «тупого терпѣнія» народнаго, страной,

Гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ,
Завидоваль житью послѣднихъ барскихъ псовъ...

Загляните въ стихотворенія Кольцова — и картина народной жизни радикально мѣняется свой характеръ. Кольцовъ, конечно, очень хорошо, лучше другихъ русскихъ поэтовъ, зналъ тяжесть народнаго труда. Но, описывая самыя тяжелыя работы крестьянскія, онъ не впадаетъ въ уныніе и скорбь. «Весело на пашнѣ», «весело я лажу бо-

рону и соху», «весело гляжу я на гумно и скирды», — вотъ мысли и чувства, которыя онъ находитъ въ зрѣлищѣ народнаго труда. Съ трогательнымъ чувствомъ умиленія говоритъ Кольцовъ объ обстановкѣ труда, о томъ, какъ «выйдетъ въ полѣ травка — вырастетъ и колосъ», какъ станетъ колосъ «спѣть, рядиться въ золотыя ткани», какъ «заблеститъ серпъ и зазвенятъ косы». О неизбѣжныхъ страданіяхъ, связанныхъ съ трудомъ, нѣтъ помина, и только узнаете вы о немъ развѣ изъ словъ, что «сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжелыхъ». Природа съ своей стороны тоже совершенно мѣняетъ свой характеръ, свое отношеніе къ работающимъ. Солнце у Кольцова уже не «нещадно палитъ», а только «глядитъ съ горы небесь», а когда оно «видитъ — жатва кончена», то «холоднѣе оно пошло къ осени». Тѣ нивы, покосы да ширь поднебесная, которыя такое печальное впечатлѣніе оставляютъ въ поэтѣ образованныхъ классовъ, у Кольцова является въ прелести поэзіи. Нива у прасола Кольцова

Словно Божій гость,	Вѣтерокъ по ней
На всѣ стороны,	Плыветъ-лоснится,
Дню веселому	Золотой волной
Улыбается;	Разбѣгается...

Поэзія Кольцова знаетъ народное горе и личное горе. Но съ безграничной энергіей и силой относится поэтъ къ нему. «Горе» его поэзіи — не простое горе, а такое, которое «горами качаетъ»; но — говоритъ поэтъ — «родись терпѣливымъ и на все готовымъ». Терпѣливость эта и на все готовность, однако, не имѣютъ ничего общаго съ «тупымъ терпѣніемъ и испугомъ»; поэтъ, скорѣе, хочетъ только, чтобы, какъ говорится, человекъ не былъ тряпкой передъ горемъ, не «нюнилъ», какъ это именно случилось у позднѣйшихъ поэтовъ. Идеальное отношеніе къ горю, по Кольцову, состоитъ въ томъ, чтобы

...съ горемъ въ ширю	На погибель ити
Быть съ веселымъ лицомъ,	Пѣни пѣть соловьемъ...

Поэтъ — представитель не безсильнаго терпѣнія, а разумныхъ, иногда необыкновенно смѣлыхъ, исканій выхода изъ горя и невзгоды. Онъ готовъ «въ ночь, подъ бурей, безъ дороги въ путь отправиться — горе мыкать, жизнью тѣшиться, съ злою долей перевѣдаться»... И онъ увѣренъ, что «безъ пути, безъ свѣта свою долю сыщеть». Въ немъ живутъ, конечно, и сомнѣнія въ своей силѣ, но онъ глупо сожалеетъ, что у него нѣтъ довольно воли,

Чтобъ въ чужой сторонѣ	За себя постоять,
На людей поглядѣть,	Подъ грозой роковой
Чтобъ порой предъ бѣдой	Назадъ шагу не дать...

Не то ли же самое находимъ мы въ народныхъ былинахъ? Тамъ, гдѣ, какъ въ былинѣ о Микулѣ Селяниновичѣ, отражаются черты земледѣльческаго быта, — на первый планъ выступаетъ необычайное народное уваженіе къ земледѣльческому труду, являющемуся лучшимъ приложеніемъ народной силы. Въ немъ, въ этомъ трудѣ, былина

видить нѣчто даже большее, чѣмъ богатырскій подвигъ; послѣдній — только служилое дѣло для земли родной, въ первомъ же — самое основаніе жизни. И вотъ, въ какихъ чертахъ изображаетъ народъ встрѣчу богатыря съ представителемъ земледѣльческаго труда: молодой Вольга Святославовичъ

...Выѣхаль въ раздолище чисто поле,	День съ утра онъ до вечера
Онъ услышалъ въ чистомъ полѣ, ратая;	Со своей дружинишкой хораброй,
Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ,	А не могъ до ратая доѣхати,
Сошка у ратая поскрипываетъ...	Ѣхаль Вольга еще другой день,
Ѣхаль Вольга до ратая	Другой день съ утра до вечера...

Ѣхаль и третій день до «пáбѣдья», пока, наконецъ, «наѣхаль» пахаря. Былина съ очевиднымъ удовольствіемъ останавливается на картинѣ пахаря. «Кобыла у ратая соловая, сошка у ратая кленовая, гужики у ратая шелковые». Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былина отмѣчаетъ и тяжесть этого труда; пахарь замѣчаетъ Вольгѣ-богатырю, что ему «надобна Божья помощь крестьянствовать». Оставляя соху, Микула проситъ Вольгу послать дружинниковъ изъ омѣшиковъ земельку повытряхнуть и бросить сошку «за ракитовъ кустъ»; но ни пять, ни десять дружинниковъ, ни вся дружина не могутъ «сошки отъ земли поднять». Тогда-то, какъ бы для показанія сравнительной силы земледѣльца,

Подѣхаль оратай-оратаюшко	Сошку изъ семельки поведернулъ,
На своей кобылѣ соловенькой	Изъ омѣшиковъ земельку повытрях-
Ко этой ко сошкѣ кленовой:	нулъ,
Браль-то онъ сошку одной рукой	Бросилъ сошку за ракитовъ кустъ...

Такъ, съ любовью, переводя всѣ имена въ уменьшительныя, описываетъ былина торжество земледѣльческой силы. Не только самъ пахарь, но и трудовая кобылка его оказывается представительницею силы, какой не достигнуть другимъ. «Оратая кобылка-то рысью идетъ, а Вольгинъ-то конь и поскакиваетъ; у оратая кобылка-то грудью пошла, а Вольгинъ-то конь остается»... говоритъ былина. Она не забыла и всей гордости результатами могучаго труда, также поэзіи, свойственной ему, и на вопросъ Вольги: «какъ-то тебя именемъ зовутъ, какъ величаютъ по отчеству?» Микула говоритъ:

Ай же ты, Волга Святославовичъ!	Драни надеру, да и пива наварю,
А я ржи напашу, да во скирды сложу,	Пива наварю, да и мужиковъ напою,—
Во скирды сложу, домой выволочу,	Станутъ мужички меня покликивати;
Домой выволочу, на дома вымолочу,	—«Молодой Микулушко Селяниновичъ!»

И въ трудѣ и въ жизненной борьбѣ мы находимъ, такимъ образомъ, у Кольцова, какъ и въ былинахъ, глубоко сознательное и ясное разумѣніе, энергію и силу чувства и пониманіе цѣлей и результатовъ. Естественно ожидать, что и вся народная душевная жизнь въ стихотвореніяхъ Кольцова предстанетъ предъ вами богатою и разнообразною, такою же, какою она является всюду, во всѣхъ классахъ общества. Дѣйствительно, мы и встрѣчаемъ у него пѣсни,

рисующія страсти и пороки человѣческіе, радость и горе, сомнѣнія и вѣрованія.

Конечно, для Кольцова оставались темными вопросы жизни и мысли, давно разрѣшенные для болѣе образованныхъ людей, и потому его «Думы» иногда отличаются какою-то особенною трогательною наивностью какъ формы, такъ и содержанія. Но и тутъ ясный и необыкновенно сильный умъ Кольцова нерѣдко поднималъ его далеко выше образованной толпы. Совершенно, конечно, напрасно думали, что для него только, для самого поэта, важны были вопросы, навѣянные на него темнотою могилы: «Что слухъ мой замѣнить? Потухшія очи? Глубокое чувство остывшаго сердца? Что будетъ жизнь духа безъ этого сердца?» Очевидно, мысль Кольцова простиралась до тѣхъ предѣловъ, которые только кажутся ясными для образованной толпы. Кольцовъ былъ безконечно правъ, говоря, что умъ нашъ «наобумъ мѣшаетъ съ былью небылицы». И то, что такъ тревожило Кольцова въ нерѣшенныхъ для него вопросахъ, по существу остается тревожно нерѣшеннымъ и для всѣхъ истинно мыслящихъ людей, мыслящихъ самостоятельно и глубоко.

Невольно становится передъ читателемъ вопросъ, не представляетъ ли жизнерадостное и поэтическое возрѣніе Кольцова на народъ и на его жизнь нѣкоторой опасности, создавая мысль, что народъ счастливъ и не имѣетъ нужды въ улучшеніи быта. Одинъ только отвѣтъ возможенъ на это? Если «горюющее» о народѣ направленіе литературы было полезно въ свое время, обращая вниманіе общества на темныя стороны народной трудовой жизни, то вообще оно не можетъ претендовать на долговѣчность. Кто не согласится, что для людей, вѣрящихъ въ будущее нашей родины и нашего народа, утѣшительнѣе возрѣніе Кольцова, то, именно, что народъ русскій — не рой подавленныхъ рабовъ, а сознательный великій народъ, чрезъ вѣка испытаній и борьбы принесшій идеалы честнаго труда, видящій донныѣ не одну тяжесть его, а и необходимость для жизни, и потому смотрящій на него бодро и съ одушевляющей энергіей. Такимъ образомъ, содержаніе поэзіи Кольцова имѣетъ глубокой и поучительный смыслъ и важность въ исторіи русской поэзіи.

Что касается формы произведеній Кольцова, то и о ней можно сказать то же, что о содержаніи. Во времена высокой обработки литературнаго языка гениальный поэтъ, едва грамотнымъ взявшійся за чтеніе и только позже нѣсколько начитанный, написалъ стихотворенія по языку въ высокой степени замѣчательныя. У него есть стихотворенія почти Пушкинской красоты и силы.

Затѣмъ въ стихахъ Кольцова есть двѣ особенности, которыя даютъ и въ отношеніи формы совершенно особое мѣсто гениальному поэту-прасолу. Во-первыхъ, поразительная, оригинальная сила нѣкоторыхъ его стихотвореній, и сила чисто народная. Во-вторыхъ, большинство его замѣчательныхъ стихотвореній отличается сложною формою, соединяющею характеры стиха народнаго и стиха искус-

ственного, развитого литературой. Соблюдены въ нихъ точно всѣ правила стихосложенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ размѣръ и характеръ народнаго стиха не утраченъ. Это свойство придаетъ стиху Кольцова особенную прелесть и оригинальность.

Введенскій.

Естественность, вѣрность и живость въ изображеніи людей и природы у Кольцова.

Кольцовъ самъ испыталъ всѣ нужды простого народа, самъ жилъ съ нимъ, самъ былъ въ томъ же положеніи, въ какомъ живутъ наши простолюдины. Поэтому и въ стихотвореніяхъ Кольцова рускіе люди являются настоящими, а не выдуманнми существами.

Другая причина естественности изображеній въ пѣсняхъ Кольцова заключается въ самыхъ свойствахъ природнаго ума поэта. Онъ всегда отличался положительнымъ, практическимъ взглядомъ на вещи, и чѣмъ болѣе прибрѣталъ образованности, тѣмъ яснѣе становился въ немъ такой взглядъ. Онъ не былъ изъ тѣхъ людей, которыхъ называютъ обыкновенно идеалистами, и которые, будучи незнакомы съ нуждами и трудностями жизни, смѣютъ съ пренебреженіемъ на заботы о вещественномъ благосостояніи. Кольцовъ образовался и воспитался именно въ школѣ житейской нужды и лишеній. Поэтому онъ хорошо понималъ важность достатка въ жизни, — и въ его поэзіи ярко отразилось это.

Во всемъ у него видно живое, положительное направленіе. Напримеръ, онъ любитъ степь, и прекрасно изображаетъ ее; но онъ не забывается въ этомъ наслажденіи. Главная мысль его та, что въ степь эту приходитъ молодой косарь, которому нужно добыть денегъ, чтобы жениться на дочкѣ старосты. И вотъ какъ размышляетъ косарь, обращаясь къ степи:

Въ гости я къ тебѣ	Ты пахни въ лицо
Не одинъ пришелъ:	Вѣтеръ съ полудня!
Я пришелъ самъ другъ	Освѣжи, взволнуй
Съ косою вострою;	Степь просторную!
Мнѣ давно гулять	Зажужжи, коса,
По травѣ степной	Засверкай кругомъ!
Вдоль и поперекъ,	Зашуми, трава!
Съ ней хотѣлося...	Подкошенная;
Раззудись плечо,	Поклонись цвѣты,
Размахнись рука,	Головой землѣ!

Вслѣдъ за этимъ чуднымъ изображеніемъ работы косаря, является практическая цѣль, для которой все это дѣлается:

Нагребу копень,	Ворочусь въ село —
Намечу стоговъ —	Прямо къ старостѣ:
Дастъ казачка мнѣ	Не разжалобилъ
Денегъ пригоршни.	Его бѣдностью,
Я зашью казну,	Такъ разжалоблю
Сберегу казну,	Золотой казной...

Эта забота о вещественныхъ средствахъ жизни вездѣ видна въ пѣсняхъ Кольцова. Пахарь его не восхищается только природою: нѣтъ, думаетъ о другомъ:

Зелестить нашъ серпъ,	На снопахъ тяжелыхъ.
Зазвенять здѣсь косы;	...Уроди мнѣ, Боже,
Сладокъ будетъ отдыхъ	Хлѣбъ — мое богатство!

Въ стихотвореніи «Урожай» послѣ превосходнѣйшаго описанія пробужденія сельской природы весной, — идетъ рѣчь о полевыхъ работахъ крестьянъ, и главная мысль обращается на то,

Что послалъ Господь
За труды людямъ.

Собираясь на пирушку, крестьяне опять —

Пьютъ и ѣдятъ,	Какъ-то Богъ и Господь
Рѣчи гуторяютъ —	Хлѣбъ уродитъ намъ,
Про хлѣбъ, про покось,	Какъ-то сѣно въ степи
Про старинушку:	Будетъ зелено?

По осени мужичи —

Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшичкомъ пьютъ.

Невѣстѣ своей поэтъ сулитъ не одну любовь къ хижинѣ, а говоритъ: —

Будутъ платья дорогія,	Наряжайся, одѣвайся
Ожерелья съ жемчугомъ;	Хоть парчею съ серебромъ.

Говоря о ссорахъ съ дурной женой, не забываетъ онъ и о долгахъ:

И живемъ съ ней — только ссоримся,
Да роднею похваляемся,
Да, проживши все добро свое,
Въ долги стали неоплатные...

Въ радости своей онъ говоритъ:

Я не въ полѣ вихремъ вѣялся,	Моя доля здѣсь счастливая:
По людямъ ходилъ, деньгу	Я нажилъ себѣ два терема,
копилъ,	Лисиць, шелку, много золота,
За морями счастья пробовать...	Станетъ — вѣкъ прожить боярами.

Въ грусти своей онъ опять жалѣетъ о томъ, что нѣтъ у молодца —

Золотой казны,	Бороны — сохи,
Угла теплова,	Коня пахаря.

Описывая свое бѣдствіе, онъ говоритъ:

Съ той поры я съ горемъ — нуждою	За дневной кусокъ работаю,
По чужимъ угламъ скитаюся,	Кровнымъ потомъ умываюся...

Въ грусти своей онъ не забываетъ и о своей одеждѣ: Прошла моя золотая пора — говорить онъ, —

До поры, до время.
Всѣмъ я весь изжился,

И кафтанъ мой синій
Съ плечъ давно свалился!

Лихачъ Кудрявичъ рассказываетъ даже подробно, что, когда приневолять выйти къ старикамъ на сходку —

Старые лаптишки
Безъ онучь обуешь,
Кафтанишка рваный

На плечи натянешь,
Бороду векосматишь,
Шапку нахлобучишь.

Всѣ эти черты совсѣмъ не похожи на восклицанія о тоскѣ, о грусти, какія встрѣчаются очень часто въ пѣсняхъ, сдѣланныхъ другими сочинителями. И, несмотря на видимую простоту и отсутствіе всякихъ поэтическихъ прикрасъ, въ пѣсняхъ Кольцова несравненно болѣе поэзіи, чѣмъ въ тѣхъ сочиненіяхъ, и потому именно, что въ нихъ болѣе правды. Люди, которые въ нихъ изображаются, ближе къ намъ по своему положенію, по своимъ чувствамъ. Мы видимъ, что они въ самомъ дѣлѣ живутъ, радуются и страдаютъ, понимаемъ и причины ихъ веселья и горя, — и поэтому ихъ жизнь, ихъ чувства производятъ на насъ гораздо сильнѣйшее впечатлѣніе, нежели жалобы выдуманныхъ лицъ, плачущихъ такъ себѣ, отъ нечего дѣлать.

Точно такъ же и описанія природы у Кольцова вполнѣ вѣрны и естественны. Онъ не придумываетъ скалистыхъ береговъ, журчащихъ ручейковъ, прекрасныхъ лѣсовъ съ расчищенными дорожками и т. п., какъ это очень часто дѣлалось многими сочинителями. Онъ описываетъ именно то, что онъ видѣлъ и знаетъ: степь, ниву, лѣсъ, деревню, лѣтній зной, осеннія бури, зимнія вьюги, и представляетъ ихъ именно такъ, какъ они бываютъ въ природѣ. Такихъ картинъ природы у него чрезвычайно много разсыпано въ разныхъ его стихотвореніяхъ, особенно въ «Урожаѣ», «Пѣснѣ пахаря», «Что ты спишь, мужичокъ», «Свѣтитъ солнышко» и др.

Кромѣ умѣнья изображать природу и жизнь, не искажая ихъ, — у Кольцова есть еще важное достоинство: онъ понимаетъ предметы правильно и ясно. Не просто онъ рассказываетъ то, что случилось видѣть ему — это была бы пустая болтовня. Нѣтъ, онъ думаетъ, о чемъ ему говорить и что говорить, — въ его стихотвореніяхъ всегда есть мысль. Всѣ изображенія предметовъ и людей служатъ у него только для объясненія или для лучшаго выраженія главной мысли. У него вездѣ является человѣкъ и рассказывается о томъ, какое дѣйствіе производитъ на него то или другое явленіе природы. Такъ въ одномъ стихотвореніи у него старикъ, при мысли о веснѣ, вспоминаетъ о томъ, что ему недолго уже наслаждаться жизнію. Въ другомъ — весна разнѣживаетъ сердце молодыхъ людей и пробуждаетъ въ нихъ живыя чувства. Въ третьемъ — весна возбуждаетъ

завѣтныя, мирныя думы поселянъ объ урожаѣ. То вѣянье вѣтра напоминаетъ ему о дорогѣ и онъ поетъ:

Въ полѣ вѣтеръ вѣтея, Путь — мою дорогу,
Травку колыхаеъ, Пылью покрываеъ.

То онъ вызываетъ бурю, чтобы покрыть бѣгство удалца:

Подымайся, туча — буря. Страшнымъ голосомъ завой,
Съ полуночной грозой! Чтобъ погони злой бояринъ
Зашатайся лѣсъ дремучій, Вслѣдъ за нами не пошлать...

То осенніе вѣтры и туманы пробуждаютъ въ его душѣ чувство одиночества, и онъ грустно поетъ:

Дуютъ вѣтры,
Вѣтры буйныя,
Ходятъ тучи,
Тучи темныя.
Не видать въ нихъ
Свѣта бѣлаго,
Не видать въ нихъ
Солнца краснова.

Въ сырой мглѣ —
За туманами,
Только ночка
Лишь чернѣется...
Въ эту пору,
Непогожую
Одному жить —
Сердцу холодно...

Такимъ образомъ каждая картина, каждый стихъ у Кольцова имѣетъ свой смыслъ, свое значеніе по отношенію къ человѣку. Онъ старался еще глубже понять этотъ смыслъ, заключенный въ природѣ, и въ этомъ стараніи отыскать смыслъ вездѣ, во всемъ мірѣ, состоитъ, содержаніе его думъ. Онъ говорить:

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью солнце,
Осѣнены все той же тайной думой,
Блещутъ звѣзды въ безпредѣльномъ небѣ,
И одинокій молчаливый мѣсяцъ
Глядитъ на нашу землю свѣтлымъ окомъ...
...Повсюду мысль одна, одна идея...
...Она одна царица бытія...

Онъ спрашиваетъ, смотря на лѣсъ:

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ? Ужель въ его холодномъ царствѣ
Какія въ немъ сокрыты думы? Затаена живая мысль?

Онъ знаетъ, что человѣкъ можетъ и долженъ разсуждать, давать себѣ отчетъ обо всемъ, что совершается предъ нимъ въ мірѣ, потому что —

Цѣлая природа Согрѣты любовью,
Въ душѣ человѣка; Изъ нея всѣ силы
Проникнуты чувствомъ, Въ образахъ выходятъ...

Правда, эти стремленія отыскать мысль въ явленіяхъ природы ни къ чему не привели Кольцова. Онъ только увѣрился, что

Міръ есть тайна Бога,
Богъ есть тайна жизни.

и не дошелъ до того, чтобы проникнуть въ эту тайну. Для этого онъ былъ еще очень мало образованъ; думы тяготили его, какъ онъ самъ признается:

Тяжелы мнѣ думы,
Сладостна молитва!

Впрочемъ, положительность Кольцова удержала его отъ такъ называемаго мистицизма, т.-е. отъ стремленія находить таинственный смыслъ во всѣхъ, даже самыхъ простыхъ вещахъ. Онъ возвратился, наконецъ, къ своему простому, свѣтлому взгляду на предметы, безъ лишнихъ умствованій и мечтаній. Въ этомъ отношеніи любопытно сравнить два его стихотворенія. Одно написано еще въ 1830 году, когда Кольцовъ совершенно незнакомъ былъ съ высшими философскими вопросами.

Что значу я!
Что, крошка мелкая, я значу?
Живу, заботливо тружусь,
Въ желаньи счастья время трачу,
И вѣчно, недовольный, плачу!
Чего жъ ищю? къ чему стремлюсь?
Въ какой странѣ, на что гожусь?
Есть люди: до смерти желаютъ
Вопросы эти разгадать;
Но что до нихъ! пусть, какъ хотять,

О всемъ серьезно разсуждаютъ.
Я недоросль—я не мудрецъ,
И мнѣ нужнѣе знать немного;
Шероховатою дорогою
Иду шажкомъ я, какъ слѣпецъ;
Съ смѣшнымъ сойду ли—посмѣюсь;
Съ прекраснымъ встрѣчусь—имъ плѣ-
нось;
Съ несчастнымъ отъ души поплачу,—
И не стараюсь знать, что значу...

Здѣсь еще видна нѣкоторая уклончивость; тонъ этого стихотворенія напоминаетъ тонъ русскаго мужичка, когда онъ, съ лукавымъ простодушіемъ говоритъ: «гдѣ намъ... мы люди темные». Кольцовъ въ этихъ стихахъ какъ-будто бы хочетъ сказать, что онъ и приниматься не хочетъ за разсужденія, что онъ и знать не хочетъ вопросовъ, надъ которыми люди трудятся. Тутъ еще видно пренебреженіе вообще къ мышленію философскому.

Другое стихотвореніе написано уже въ 1841 году, въ послѣднее время жизни Кольцова:

Не время ль вамъ оставить
Про высоты мечтать,
Земную жизнь безславить,
Что есть—иль нѣтъ—желать?
Легко, конечно, строить
Воздушные міры,
И увѣрять и спорить,
Какъ въ нихъ-то важны мы!
Но отъ души ль порою
Въ насъ чувство говорить,
Что жизнію земною

Нѣтъ нужды дорожить?
Темна, страшна могила,
За далью мракъ густой;
Ни вѣсти ни отъзва
На вопль нашъ роковой!
А тутъ дары земные,
Дыханіе цвѣтовъ,
Дни, ночи золотыя,
Разгульный шумъ лѣсовъ,
И сердца жизнь живая,
И чувства огонь святой...

Здѣсь также поэтъ сознается, что бесполезно строить воздушные міры и мечтать про высоты; но теперь мысли его высказаны гораздо серіознѣе; видно, что онъ возстаетъ не противъ мышленія, не противъ разума, которому такъ много былъ обязанъ, а только противъ

злоупотребленія ума, когда онъ пускается въ мечтательныя теоріи и отдаляется отъ жизни. Такую перемену произвело въ Кольцовѣ то время, когда онъ познакомился съ высшими вопросами и хорошо передумалъ ихъ. Его можно было бы сравнить въ этомъ съ алхимикомъ, который, долго искавши философскаго камня, убѣждается, наконецъ, въ нелѣпости алхиміи, но вмѣсто нея обращается къ истинной наукѣ и дѣлаетъ въ ней новыя открытія. Въ этомъ случаѣ даже и не совсѣмъ ясныя, нѣсколько мечтательныя умствованія, все-таки не бесполезны были для Кольцова, причувъ его умъ къ болѣе серіозному взгляду на предметы и утвердивши еще болѣе природную ясность и положительность его ума.

И Кольцовъ, дѣйствительно, умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что было близко къ нему. Онъ прекрасно понималъ не только русскую жизнь, но и характеръ русскаго народа, и умѣлъ его выразить въ своихъ пѣсняхъ. Такъ у него прекрасно высказывается широкій разгулъ русскаго человѣка, эта удаля, которая идетъ на все и которой все ни по чемъ. Это можно видѣть въ пѣсахъ: «Какъ здоровъ да молодъ», «Расчетъ съ жизнію». «Дума сокола».

Весьма вѣрно вмѣстѣ съ удаляю выражается у Кольцова также и беззаботность, это завѣтное «авось», съ которымъ идетъ русскій человѣкъ на встрѣчу и горю и радости. Пѣсни «Лихача-кудрявича» совершенно въ русскомъ народномъ характерѣ. Лихачъ-кудрявичъ не слишкомъ любитъ разсчитывать: онъ,

Что шута задумалъ — А тряхнулъ кудрями —
Пошла шутка въ дѣло, Въ одинъ мигъ поспѣло.

По его мнѣнію —

Не родись богатымъ, По щучью вельнью
А родись кудрявымъ: Все тебѣ готово.

Такъ говоритъ онъ въ счастіи. Приходитъ бѣда — и тутъ онъ не измѣняетъ своему характеру; онъ опять не разсчитываетъ, какъ помочь горю, какъ отвратить напасть, а покорно покоряется своей участи.

Не родись въ сорочкѣ, Зла бѣда — не буря —
Не родись таланливъ, Горами качаетъ,
Родись терпѣливымъ, Ходитъ невидимкой,
И на все готовымъ... Губить безъ разбору...

Отъ нея не уйдешь, такъ ужъ лучше и не хлопотать понапрасну...

Зато —

Какъ здоровъ да молодъ — Безъ призыва счастье
Безъ веселья веселъ, И валить и ѣдетъ...

Тутъ и заботиться не о чемъ: хлѣба ли нужно, —

А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подсобитъ
Собрать хлѣбецъ съ поля...

Достатка ли надобно?

Куда глянешь — всюду наша степь; На днѣ моря — груды золота;
На горахъ — лѣса, сады, дома; Облака идутъ — нарядъ несутъ!

Не нужно, впрочемъ, думать, чтобы самъ Кольцовъ тоже такъ смотрѣлъ на вещи. Напротивъ, онъ и въ поэзіи, какъ во всей жизни своей, выражаетъ убѣжденіе, что нужно бороться съ обстоятельствами, и что безпечность непременно ведетъ къ лѣни и усыпленію.

Онъ обращается съ укоромъ къ поселянину:

Что ты спишь, мужичокъ!

Онъ говоритъ своему другу:

Что ты ходишь съ нуждой Вѣруй силамъ души
По чужимъ по людямъ? Да могучимъ плечамъ!...

Если обстоятельства жизни слишкомъ тяжелы для него, то онъ не падаетъ духомъ, но смѣло идетъ —

Горе мыкать, жизнью тѣшится,
Съ злою долей перевѣдаться.

Онъ всегда готовъ къ тому,

Чтобъ порой, предъ бѣдой Подъ грозой роковой
За себя постоять, Назадъ шагу не дать...

Его стремленія всегда живы и сильны, и онѣ почти всегда превосходно выражаются въ его стихахъ. Какъ сильно, какъ естественно, какъ вѣрно выраженіе мыслей и чувствъ у Кольцова, — это можно видѣть изъ приведенныхъ выписокъ и еще болѣе изъ чтенія самыхъ стихотвореній его. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о формѣ ихъ. Пѣсни Кольцова писаны особеннымъ размѣромъ, близкимъ къ размѣру нашихъ народныхъ пѣсень, но гораздо болѣе правильнымъ. Въ нихъ, большею частію, нѣтъ рѣзмы, а если и есть, то всего чаще черезъ стихъ. Языкъ Кольцова совершенно простой, народный. Рѣдко, рѣдко можно встрѣтить въ его стихахъ книжное выраженіе, да и то, большею частію, въ слабыхъ его пьесахъ, которыя писалъ онъ правильнымъ, метрическимъ размѣромъ въ первое время своей поэтической дѣятельности. Выраженія народныя встрѣчаются у него часто; но формы вездѣ почти правильныя, принятія въ литературѣ. Можно найти всего пять или шесть фразъ неправильныхъ, напр.: до время, задной головою, и т. п. Но эти недостатки совершенно незначительны и нисколько не вредятъ истиннымъ красотамъ поэзіи Кольцова.

Въ поэзіи Кольцова выразилась его душа, его жизнь, полная возвышенныхъ стремленій, тяжелыхъ испытаній и благородныхъ, чистыхъ чувствъ. Въ ней виденъ его свѣтлый взглядъ на предметы, умѣнье понимать жизнь и природу, въ ней, наконецъ, является живое, естественное представленіе вещей, безъ прикрасъ и безъ искаженій природы. Все это такія достоинства, которыя дѣлаютъ

стихотворенія Кольцова весьма замѣчательными въ нашей литературѣ. Въ нихъ соединяются все условія, необходимыя для поэтическаго достоинства, т.-е. разумная мысль, благородное стремленіе и живое, глубокое чувство. Изъ соединенія этихъ условій происходитъ та правдивость и искренность, которою отличается Кольцовъ какъ въ изображеніи собственныхъ душевныхъ ощущеній, такъ и въ представленіи предметовъ внѣшнихъ. Это послѣднее достоинство получаетъ особенную цѣну въ глазахъ нашихъ, когда мы вспоминаемъ, какъ рѣдко являлось оно у нашихъ писателей до Кольцова.

Изъ изд. Кольцова 1877 г.

Поэзія крестьянскаго быта.

Въ жизни человѣческой и вообще въ мірѣ нѣтъ такого зла, которое мы имѣли бы право разсматривать и изображать въ отрѣшенномъ, изолированномъ видѣ, независимо отъ причинъ, которыя произвели его. Всякое зло, взятое отдѣльно, какъ самостоятельное явленіе—чистая ложь, потому что въ дѣйствительности зло не имѣетъ никакой самостоятельности. Но такъ какъ истинный художникъ никогда не изображаетъ дѣйствительности такъ, чтобъ она не намекала на какія-нибудь явленія, съ которыми находится она въ тѣсной, органической связи, и которыя приобщаютъ ее къ сферѣ человѣческихъ интересовъ, то и всякое зло, всякая грязь, всякая гнусность, пройдя сквозь призму художественнаго созерцанія, сбрасываетъ съ себя ту печать отверженія, которую налагаетъ на него обыкновенный прозаическій взглядъ на жизнь. Видъ всякой язвы отвратителенъ; но когда вы встрѣчаете ее на рисункахъ, приложенныхъ къ медицинскому сочиненію, не въ отвлеченіи, а на тѣлѣ живого человѣка, въ которомъ признаете своего брата, второго себя, — къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, въ большихъ ли онъ чинахъ, или въ малыхъ, или совсѣмъ безъ чиновъ, — въ васъ заговоритъ любовь, вы почувствуете на самомъ себѣ эту язву, вы схватитесь за собственную грудь и ощутите собственными нервами ту самую боль, которая сводитъ въ судороги члены вашего брата: тогда и язва не только потеряетъ въ вашихъ глазахъ всю свою отвратительность, но и возбудитъ въ васъ могущественную симпатію. Все дѣло только въ томъ, чтобы вы узнали въ прокаженномъ себя самого, а въ этомъ распознаваніи никто не можетъ вамъ помочь такъ, какъ истинный художникъ, если онъ вздумаетъ воспроизвести передъ вами горестное явленіе. Вотъ почему грязь, оставаясь грязью подъ кистью кописта, превращается, въ картинѣ талантливаго художника, въ такую же поэзію, какъ и всякая другая дѣйствительность. Изъ этого слѣдуетъ также, что возможность наслажденія изящнымъ произведеніемъ, въ которомъ много такого, что нынче называютъ *грязнымъ*,

а въ старину называли *подлымъ*, зависить отъ филантропическаго развитія самихъ читателей.

Вотъ все, что казалось намъ необходимымъ сказать о содержаніи художественнаго произведенія вообще для того, чтобъ имѣть право признать изящество содержанія той части поэзіи Кольцова, которая имѣетъ предметомъ своимъ русскій крестьянскій бытъ, и противопоставить свой взглядъ тому, кто сталъ бы находить въ нихъ *пошлость, дагерротипированіе и грязь*. Въ заключение этого перваго вопроса приведемъ какія-нибудь выписки. Вотъ, напримѣръ, стихотвореніе «Молодая жница». Передъ вами крестьянка, которая влюблена ничѣмъ не хуже какой-нибудь блѣдной барышни,

Съ туманной думою въ очахъ,
Съ французской книжкою въ рукахъ,

а между тѣмъ посмотрите, какъ тяжко она обставлена своимъ бытомъ:

Высоко стоитъ и т. д.

Вотъ еще стихотвореніе, въ которомъ *человѣкъ* такъ слить съ *крестьяниномъ*, что прочитавъ его, нельзя не почувствовать самой нѣжной любви къ кафтану и лаптямъ — не потому, разумѣется, чтобъ въ нихъ-то и заключалась вся тайна и разгадка гуманности, а потому, что Кольцовъ умѣетъ слишкомъ хорошо выставить изъ-подъ самой неграціозной оболочки то, что часто заглушено подъ блестящимъ костюмомъ. См. «Размышленія поселянина».

Вотъ что значитъ возводить дѣйствительность въ поэзію! Мы не будемъ приводить другихъ примѣровъ, потому что матеріаломъ большей части стихотвореній Кольцова служитъ русскій крестьянскій бытъ, на который онъ, какъ истинный художникъ, смотритъ со стороны его человѣческаго характера, въ то же время никогда не погрѣшая противъ дѣйствительности.

Не ограничивается ли сфера поэзіи Кольцова возведеніемъ въ поэзію, то-есть гуманизированіемъ русскаго крестьянскаго быта? Мы полагаемъ, что эта сфера гораздо обширнѣе, и что поэзія русскаго крестьянскаго быта составляетъ только одну изъ подчиненныхъ областей того міра, который создалъ или, по крайней мѣрѣ, стремился создать, нашъ художникъ. Въ собраніи его стихотвореній находимъ мы много превосходныхъ пьесъ, отличающихся глубокою оригинальностью и вовсе не заключающихъ въ себѣ отвѣта на вопросъ объ упомянутомъ характерѣ русскаго крестьянина. Читая эти пьесы, нельзя не замѣтить, что другая, несравненно громаднѣйшая задача занимала поэта, другое колоссальное богатырское стремленіе рвалось изъ тревожной души, силилось пробиться сквозь огромныя препятствія, иногда и успѣвало на мигъ находить себѣ выходъ, но всегда должно было возвращаться внутрь себя, однакожь, не для коснѣнія въ безвыходномъ отчаяніи, а для пріисканія новыхъ путей къ выходу на широкое поле свободной дѣятельности. Это могучее, ничѣмъ несокрушимое стремленіе не переставало бушевать въ сердцѣ

Кольцова до самой его смерти, и выразилось во всей своей физиономии въ его стихотвореніяхъ... Къ чему же онъ стремился? Къ чему рвалась эта странная сила, раздраженная, но не смятая преградами? Онъ стремился къ жизни, къ дѣятельности, соразмѣрной съ его огромными способностями, къ разнообразной и обильной пищѣ для души, переполненной черезъ край безконечно разнообразными и вопіющими потребностями — символами могучей жизненности. Прочитайте его біографію: вы увидите, что вся жизнь его прошла въ борьбѣ съ дѣйствительностью, которая безжалостно дразнила его, указывая ему повременамъ тотъ обѣтованный край, къ которому онъ стремился, для того только, чтобъ снова отбрасывать его къ началу пути. Болѣе всего на свѣтѣ Кольцовъ любилъ искусство и науку: но ни съ тѣмъ ни съ другимъ не имѣлъ средствъ ознакомиться такъ, какъ хотѣлъ и какъ необходимо ознакомиться для того, чтобъ они питали душу. Всю жизнь мечталъ онъ о томъ, чтобъ попасть въ кругъ людей мыслящихъ, но попадалъ въ него не на долго, только для того, чтобъ возвращаться къ людямъ, никогда его не понимавшимъ. И та дѣятельность, которой поневолѣ предавался онъ всю жизнь, не только не вела его къ успѣхамъ, но еще и раздражала его постоянными неудачами и часто даже жестокими ударами! Спрашиваемъ: чего можно ожидать отъ обыкновеннаго человѣка въ такомъ положеніи? Какъ проявляется обыкновенная натура, встрѣчая противорѣчіе между своими стремленіями и дѣятельностью? Быстрымъ изнеможеніемъ силъ и отвращеніемъ отъ дѣятельности вообще. Мы привыкли укорять людей за лѣнь, за презрѣніе къ труду, привыкли читать цѣлымъ народамъ филиппики на эту тему, написали во всѣхъ азбукахъ и прописяхъ, что она, лѣнь, есть мать всѣхъ пороковъ, и въ жару восторга забыли думать о томъ, что по непреложному закону причинности, и мать всѣхъ пороковъ не есть первая, самостоятельная, сама въ себѣ заключенная сила, не имѣющая начала въ другихъ явленіяхъ дѣйствительности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ вы можете требовать отъ вашего сына, чтобъ онъ прилежно занимался, напримѣръ, музыкой, когда въ немъ сильнѣе всего развита потребность гимнастики, или чтобъ онъ посвящалъ силы свои коммерческимъ оборотамъ, тогда какъ въ немъ преобладаетъ потребность умственнаго созерцанія? Конечно, посредствомъ напряженія силъ можно заставить себя сдѣлать все, что угодно, съ грѣхомъ пополамъ; но, во-первыхъ, малая сила скоро должна уступить напору большей силы и истощиться; во-вторыхъ, зачѣмъ же обрекать человѣка на посредственность въ одной сферѣ труда, если онъ можетъ быть хорошимъ дѣятелемъ въ другой? въ-третьихъ, зачѣмъ обрекать его на муку, когда бы онъ могъ найти въ своей нормальной дѣятельности наслажденіе, для котораго созданъ наравнѣ со всѣмъ чувствующимъ? А главное какъ можно требовать отъ обыкновеннаго человѣка, или отъ массы людей, чтобъ они не лѣнились, когда обстоятельства, вмѣсто того, чтобъ постоянно развивать ихъ силы и направлять ихъ къ удовлетворенію

потребностей, то-есть къ наслажденію, ежеминутно ведутъ ихъ къ изнеможенію и къ мукѣ не какимъ инымъ путемъ, какъ путемъ труда, только не нормальнаго, а вынужденнаго?... Чѣмъ обыкновеннѣе, то-есть чѣмъ бѣднѣе натура человѣка, тѣмъ специальнѣе его преобладающая потребность, тѣмъ тѣснѣе и кругъ условій, при которыхъ онъ можетъ находить себѣ удовлетвореніе въ трудѣ. Этимъ объясняется безпрестанно встрѣчающееся въ обыкновенныхъ маложизненныхъ людяхъ и отвращеніе отъ труда вообще и апатическій взглядъ на жизнь, и даже безвыходное отчаяніе. Съ такою натурой надо обходиться очень заботливо, ведя ее постепенно по той колеѣ, въ которой она сама собою устремляется, не будучи въ силахъ вынести другого пути. Напротивъ, у природы, одаренной многоразличными потребностями, такъ много сочувствія къ жизни разнообразныхъ ея проявленіяхъ, такъ много гибкости и разнообразія въ наслажденіяхъ, что она можетъ выдержать самый отдаленный путь, самый окольный къ завѣтной мечтѣ своихъ стремленій, извлекая наслажденіе изъ того, что, повидимому, не можетъ возбуждать въ ней никакого сочувствія. Здѣсь должно искать отвѣта на вопросъ: почему огромный талантъ выходитъ на свою дорогу, несмотря ни на какія препятствія, между тѣмъ какъ слабый спотыкается на первыя преграды и испаряется, какъ летучій газъ изъ легко прорываемой оболочки? Мало того, что первый слишкомъ тѣсно связанъ съ личностью, такъ сказать, съ темпераментомъ человѣка: путь жизни, усѣянный преградами къ естественному развитію, можетъ обезличить человѣка и дѣйствительно обезличиваетъ миллионы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самый талантъ гложетъ и исчезаетъ. Но дѣло въ томъ, что чѣмъ огромнѣе талантъ, тѣмъ онъ многостороннѣе, — а это не могло бы и быть, если бъ въ человѣкѣ, имъ одаренномъ, не было сочувствія къ разнообразію дѣйствительности, и если бъ онъ не находилъ какой-нибудь пищи душѣ до тѣхъ поръ, пока попадетъ на то содержаніе, къ которому преимущественно стремится. Итакъ, любовь къ жизни со всѣми ея свойствами и во всѣхъ ея формахъ есть необходимый атрибутъ огромнаго, многообъемлющаго таланта, неизбѣжное условіе его способности пребывать въ силѣ и полнотѣ. Исторія всѣхъ гениальныхъ людей подтверждаетъ эту психологическую истину: всѣ они одарены были отъ природы обиліемъ самыхъ разнообразныхъ потребностей и страстною любовью къ многообразному наслажденію жизнью: обстоятельство, которое помогало имъ выдерживать продолжительную борьбу съ препятствіями, отдалявшими ихъ отъ завѣтныхъ цѣлей, отъ задушевной дѣятельности. Таковъ былъ и Кольцовъ: любовь къ жизни во всей ея обширности составляла основу его личности и выразилась въ его поэзіи. Рано почувствовалъ онъ въ себѣ поэтическое призваніе и склонность къ умственной дѣятельности, сообразной съ этимъ призваніемъ. Случайныя обстоятельства доставили ему и возможность ознакомиться со средствами къ утоленію терзавшей его жажды, Но въ то же время необходимость удерживала его или въ степи,

среди стады и гуртовщиковъ, или на городскихъ рынкахъ, гдѣ въ качествѣ прасола, онъ тратилъ силы свои на возню съ торгашествомъ и надувательствомъ. И что жъ? Онъ не только не изнемогъ подъ бременемъ этой дѣйствительности, но еще отыскалъ въ ней источники упоеній и материалъ для поэзіи. Тяжело было ему жить въ степи, потому что душа его рвалась въ міръ, созданный наукой и просвѣтленный искусствомъ; но самая степь плѣняла его своею нерукотворною красотою; онъ любилъ ее, какъ художникъ... Еще тяжелѣе было ему сносить все явленія окружавшаго его быта; но и въ этомъ быту художественный инстинктъ его отыскалъ искры человѣчности, заслоненныя отъ глазъ обыкновеннаго человѣка, и создалъ то, что называемъ мы поэзіей крестьянскаго быта. Наконецъ, самый родъ труда, которому онъ посвящалъ свои силы, казалось, долженъ бы былъ довести его до отчаянія; напротивъ, онъ не могъ не любить своихъ занятій, не могъ отказать имъ въ плѣнительности, потому что какъ ни рознили они съ его склонностями, все-таки онъ видѣлъ въ нихъ исходъ для дѣятельности, гимнастику способностей и, можетъ быть, забвеніе горестныхъ думъ...

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души
Да могучимъ плечамъ.
На заботы жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись.
Неудача, бѣда?
Съ грустью дома сиди;
А съ зарею опять
Къ новымъ нуждамъ иди.
И такъ бейся, пока
Случай счастье найдетъ

И на славу твою,
Жить съ тобою начнетъ.
Та же сила тогда
Другой голосъ возьметъ,
И чудно и смѣшно,
Всехъ къ тебѣ прикуетъ.
И тѣ жъ люди — враги,
Что чуждались тебя,
Богъ ужъ вѣдаетъ, какъ
Назовутся друзья.
Ты не сердись на нихъ,
Но спокойно, въ тиши,
Жизнь горою пируй,
По желаньямъ души.

Иногда жизненность доходила у Кольцова до такой высоты страстнаго увлеченія, что онъ плѣнялся жизнью, представляя ее себѣ въ какомъ-то упоительномъ отвлеченіи, охватывая любовью все ея стороны разомъ, благословляя однимъ задушевымъ гимномъ все ея содержаніе, и добро и зло, и радость и горе. Казалось бы, что такой взглядъ не можетъ составлять поэтическаго содержанія; ибо по привычкѣ къ мелкимъ, одностороннимъ страстямъ, намъ не вѣрится, чтобъ такая многообъемлющая идея, какова идея жизни, могла быть прочувствована человѣческимъ сердцемъ и изъ чистой мысли перейти въ ощущеніе. Но посмотрите и подивитесь, какъ легко совершался этотъ процессъ въ могучей натурѣ нашего поэта, и согласитесь, что онъ носилъ въ себѣ силы исполина:

Въ непогоду вѣтеръ
Воетъ, забываетъ;
Буйную головку

Злая грусть терзаетъ.
Горемычной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:

До сѣдыхъ волосъ любовью
 Душа не согрѣта.
 Нѣту силъ; усталъ я
 Съ этимъ горемъ биться, —
 А на свѣтъ посмотришь:
 Жалко съ нимъ проститься!
 Доля жъ, моя доля!
 Гдѣ ты запропала?
 До поры, до время

Въ воду камнемъ пала?
 Поднимись — что силы,
 Размахни крылами:
 Можетъ наша радость
 Живеть за горами.
 Если нѣтъ, у моря
 Сядемъ, да дождемся;
 Безъ любви и съ горемъ
 Жизнью наживемся.

Послѣдніе два стиха составляютъ истинный паэось жизненности. Но вотъ еще цѣлая пѣса, заключающая въ себѣ ту же тему, выраженную въ формахъ удалства:

*Какъ здоровъ и молодъ —
 Безъ веселья веселъ;
 Безъ призыва счастье
 И валить и ѣдетъ.
 Въ непогоду-вѣтеръ —
 Шапка на макушкѣ;
 Проходи, попъ, баринъ —
 Волоска не тронемъ!*

*Только думъ, заботы
 У царя-головки —
 Погулять по свѣту,
 Пожить нараспашкѣ;
 Свою удал-силку
 Попытать на лодяхъ,
 Чтобъ не стыдно вспомнить
 Молодое время!...*

Нельзя пропустить безъ вниманія тѣхъ стихотвореній Кольцова, въ которыхъ жизненность его выразилась въ отрицаніи и стремленіи. Считаемо необходимымъ указать на нѣсколько необходимыхъ пѣсень, обнаруживающихъ его борьбу съ дѣйствительностью, его постоянное порываніе въ лучшій міръ и доказывающихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его способность принимать жизнь такъ, какъ она есть, не имѣла ничего общаго съ свойствомъ натуръ, неспособныхъ къ развитію и довольныхъ всею на свѣтѣ по безстрастію. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательны, напримѣръ, стихотворенія: «Удалецъ», «Тоска по волѣ», «Дума сокола», «Перепутье», «Много есть у меня». Посмотрите, какимъ могучимъ героемъ напоены, напримѣръ, вотъ эти стихи;

Мнѣ ли, молодцу,
 Разудалому,
 Зиму-зимскую
 Жить за печкою?
 Мнѣ ль поля пахать?
 Мнѣ ль траву косить,

Затоплять овины,
 Молотить овесъ?
 Мнѣ поля — не другъ,
 Коса — мачеха,
 Люди добрые —
 Не соеѣди мнѣ...

Или слѣдующее:

Долго ль буду я
 Сиднемъ дома жить,
 Мою молодость
 Ни на что губить?
 Долго ль буду я
 Подъ окномъ сидѣть,
 По дорогѣ вдаль,
 День и ночь глядѣть?

Иль у сокола
 Крылья связаны,
 Иль пути ему
 Веѣ заказаны?
 Иль боится онъ
 Въ чужихъ людяхъ быть,
 Съ судьбой-мачехой
 Самъ-собою жить!

Или:

*Сидѣть дома, ботѣть, старѣться,
Съ старикомъ-отцомъ вновь ссориться,
Работать, съ женой хозяйничать,
Ребятишкамъ сказки сказывать...*
Хоть не такъ оно невыгодно,
Но положимъ — дѣлать нечево:
Въ непогоду — не до плаванья;

За большимъ въ нуждѣ не гонятся...
.....
*Куда глянешь — всюду наша степь,
На горахъ мѣса, сады, дома;
На днѣ моря груди золота;
Облака идутъ — нарядъ несутъ!...*

Но вотъ что замѣчательно: трудно найти поэта, котораго стремленія были бы въ одно время такъ же сильны и такъ же бесплодны, какъ стремленія Кольцова. Читая его, вы убѣждаетесь въ ихъ неподдѣльности, въ ихъ несомнѣнной реальности; но нѣтъ у него ни одной пьесы, гдѣ бы онъ высказалъ ярко и опредѣленно тотъ идеаль жизни, къ которому постоянно и неуклонно рвалась страстная душа его. Видно, что онъ самъ никогда не могъ дать въ этомъ себѣ столь яснаго отчета, чтобъ могъ передать его точными и живописно вѣрными словами. Поэтому, ясный и точный во всемъ остальномъ, онъ дѣлается загадочнымъ всякій разъ, когда доводитъ рѣчь до предмета своихъ порывовъ. Вы чувствуете, что стремленіе его исполнено жизни и могущества, но напрасно стали бы вы искать въ его стихахъ изображенія того міра, который самому ему являлся полнымъ неуловимой тайны...

Много есть у меня
Теремовъ и садовъ,
И раздольныхъ полей,
И дремучихъ лѣсовъ.
Много есть у меня
Деревень и людей,
И знакомыхъ боярь,
И надежныхъ друзей.
Много есть у меня
Жемчуговъ и мѣховъ,

Драгоценныхъ одеждъ,
Разноцвѣтныхъ ковровъ.
Много есть у меня
Для пировъ — серебра,
Для бесѣдъ — красныхъ словъ,
Для веселья — вина!
*Но я знаю, на что
Травъ волшебныхъ ищю;
Но я знаю, о чемъ
Самъ съ собою грущу...*

Стихотвореніе это можетъ служить доказательствомъ сказаннаго и совершеннымъ образцомъ того, какъ уклонялся Кольцовъ отъ описанія того, что онъ только предчувствовалъ и предугадывалъ. Не будь онъ истиннымъ художникомъ, мы непременно прочли бы у него множество звучныхъ стиховъ, составленныхъ изъ романтическихъ погремусекъ, стиховъ, въ которыхъ объяснялось бы намъ, что онъ, поэтъ,

Роскошный міръ мечтой себѣ построилъ,
Невысказанный бездушною толпой,
Гдѣ сердце онъ отъ горя успокоилъ,
Руководимъ фантазіей живой,
Гдѣ все полно любви и страдоурастья,
Гдѣ сладкимъ сномъ душа упоена,
Гдѣ нѣтъ ни бурь, ни злобы, ни несчастья,

однимъ словомъ, гдѣ происходятъ такія чудеса, какихъ намъ, грѣшнымъ, и во снѣ не видать. Кольцовъ, какъ художникъ, не имѣвшій чести принадлежать къ блестящему сонму романтическихъ поэтовъ, не смѣлъ и братья за рассказы о томъ, чего не сознавалъ ясно. Но спрашивается: гдѣ же причина этой неясности сознанія, или, лучше сказать, гдѣ причина того, что всё его порывы остались порывами и никогда не переходили даже въ стремленіе къ опредѣленной, правильно очерченной цѣли? Разгадать это явленіе очень легко: стоитъ только ознакомиться съ его біографіей. Даже изъ немногихъ чертъ приведенныхъ выше, нельзя не догадаться, что Кольцовъ всю жизнь свою былъ жертвою великой внутренней драмы, которая постоянно терзала его дѣятельную душу и поддерживалась въ своемъ горестномъ характерѣ убійственною несоразмѣрностью великихъ потребностей и силъ, данныхъ природою, съ ничтожною суммой *свѣдѣній*, приобретаемыхъ исключительно путемъ эрудиціи. Чтобъ понять всю сокрушительность этой драмы, надо войти въ положеніе истиннаго таланта, томимаго жаждой исхода и обреченнаго тѣмъ, что называется *судьбою*, на томленіе почти безвыходное. Человѣкъ съ силами Кольцова не можетъ не терзаться бесплодностью своей мысли; праздно созерцаніе брамина ему невыносимо; демонъ творчества раскаленнымъ желѣзомъ побуждаетъ его сказать свое слово обо всемъ, что тревожитъ любознательность, и сказать это слово такъ громко, такъ торжественно ясно, чтобъ услышали и поняли его люди, чтобъ разлилось оно въ народныхъ массахъ потоками новыхъ плодотворныхъ словъ и перешло въ жизнь человѣческихъ обществъ. Въ этомъ непреодолимомъ стремленіи и выражается социальность человѣческой природы. Но какъ увеличить сумму убѣжденій общества такой человѣкъ, который незнакомъ былъ и съ тѣмъ, что оно рѣшило? Чтобы содѣйствовать умственному прогрессу общества, надо прежде всего стать съ нимъ вровень: иначе нечего будетъ ни отрицать ни утверждать на пользу его. А все сдѣланное Кольцовымъ для пріобрѣтенія обиходнаго образованія было недостаточно и для того, чтобы сравняться съ людьми, также самыми обиходными, но обученными *разнымъ предметамъ*, съ людьми, которые самою натурою обезпечены отъ ощущенія несоразмѣрности нравственныхъ потребностей со степенью ихъ удовлетворенія, съ людьми, которые тогда только и чувствуютъ побужденіе сказать свое слово, когда за картами или за обѣдомъ зайдетъ рѣчь о прелестяхъ сытнаго мѣста или о преимуществахъ такого-то ресторана.

Майковъ.

Религіозный элементъ въ сочиненіяхъ Кольцова.

Кольцовская пѣсня не была бы народною, если бы она не была въ то же время насквозь проникнута горячею вѣрой въ Бога. Поэтъ-простолюдинъ, поэтъ-пастухъ не могъ быть невѣрующимъ поэтомъ,

поэтомъ отрицанія и сомнѣнія. Звѣздное небо, торжественная тишина степей, нерукотворныя колоннады лѣсныхъ храмовъ — не воспитываютъ атеистовъ, точно такъ же не воспитываетъ ихъ трудовая жизнь деревенскаго люда среди вѣчно неизмѣнныхъ законовъ мірозданія, глазъ-на-глазъ съ дождемъ и молніей, урожаемъ и засухой, — съ Божьей милостью и Божьимъ наказаніемъ. Мысль Кольцова не была чужда великихъ и мучительныхъ вопросовъ о тайнахъ бытія человѣческаго, составляющихъ душевную пытку столькихъ поэтовъ и философовъ. Цѣлый отдѣлъ его стихотвореній, озаглавленный «Думами», почти исключительно посвященъ этому страстному исканію истины, этимъ безнадежнымъ усиліямъ мысли разгадать неразгаданную загадку прошедшаго — будущаго. И въ жизни своей Кольцовъ, какъ вы знаете, не рвалъ одиѣ розы, а испыталъ много ударовъ и огорченія. Поэтому свѣтлое и спокойное міросозерцаніе его поэзіи нельзя объяснять ни близорукою ограниченностью его ума, ни исключительно счастливымъ складомъ его житейскихъ обстоятельствъ. Но всѣ основныя черты его пѣсней и ихъ радостное жизненное чувство объясняется совершенно естественно однимъ господствующимъ въ немъ чувствомъ — тою крѣпкою «крестьянскою» вѣрою въ Бога, которою такъ силенъ въ своей личной жизни и въ своей исторіи русскій народъ. Вы найдете у Кольцова мало стихотвореній, въ которыхъ онъ не обращался бы къ Богу съ мольбой или надеждой.

Съ тихою молитвой
Я впашу, посю;

Уроди Ты, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!

говорить его пахарь. На его «Крестьянской пирушкѣ» мужички за столомъ гуторятъ: «про хлѣба, про покось, про старинушку; какъ-то Богъ-Господь хлѣбъ уродитъ намъ!» Въ «Урожаѣ» своемъ онъ въ разныхъ мѣстахъ описываетъ настроеніе сельскаго люда:

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвсю.

Посмотрю пойду,
Полюбуюся,
Что послалъ Господь
За труды людамъ;

Третью думушку
Какъ задумали,
Богу-Господу помолилися.

Но жарка свѣча поселянина
Предъ иконою Божьей Матери,

заканчиваетъ онъ свое стихотвореніе.

Въ «Размышленіи поселянина» Кольцовъ рисуетъ картину горькой крестьянской нужды, которую поэтъ зналъ, конечно, не изъ рассказовъ, и все-таки его бѣднякъ-поселянинъ разсуждаетъ не какъ мстительный и завистливый пролетарій европейскихъ столицъ, а какъ русскій православный человѣкъ, несокрушимый въ своемъ христіанскомъ долготерпѣннн, въ своей подвижнической борьбѣ съ бѣдами жизни.

Доколь мочь и сила,
Доколь душа въ тѣлѣ,

Буду я трудиться.
Кто у Бога просить

Да работать любить,
Тому невидимо
Господь посылаеть.

А тамъ Богъ уродить,
Микола подсобить
Убрать хлѣбець съ поля.

Въ посланіи къ «Маленькому брату» Кольцовъ пишетъ

Суму дадутъ, — не спорь съ судьбою;
У Бога мы равны: предъ Нимъ

Смирися съ дѣтскою простотою,
И съ сердца грусть слетить, какъ
дымь.

Марковъ.

Проявленіе религіознаго чувства у крестьянина въ различные моменты его жизни по стихотвореніямъ Кольцова.

«Спаситель, Спаситель!
Чиста моя вѣра»...

«Молитва».

Каждое дѣло крестьянинъ-земледѣлецъ начинаетъ молитвой, съ молитвой онъ садится за столъ; въ свободное отъ тяжелаго труда своего время идетъ въ церковь, молить Бога, чтобы Онъ помогъ ему въ нуждахъ, — идетъ въ церковь не съ пустыми руками, а съ заработанной «копейкой-казной», чтобы купить свѣчку и поставитъ ее предъ иконой, какъ символъ своей теплой вѣры въ промыселъ Божій, руководящій имъ въ его трудовой жизни.

Такимъ изображенъ крестьянинъ-земледѣлецъ въ поэзии Кольцова. Послѣ тяжелыхъ трудовъ въ теченіе весны, лѣта и осени собралась крестьянская семья съ родными и знакомыми попить, побесѣдовать, и прежде всего она помнитъ о Томъ, Кто далъ возможность принять и накормить родныхъ и знакомыхъ:

Передъ Спасомъ святымъ
Гости молятся;
За дубовы столы,

За набранные
На сосновыхъ скамьяхъ
Сѣли званые.

(«Крестьянская пирушка».)

Земледѣлецъ-крестьянинъ, добывающій себѣ хлѣбъ «въ потѣ лица», не забываетъ того, что трудъ и результаты послѣдняго вполне зависятъ отъ Бога; поэтому онъ проситъ Всевышняго помочь ему въ такомъ тяжеломъ трудѣ, какъ обработка земли:

Люди сельскіе
Божьей милости
Ждали съ трепетомъ
И молитвою...

Богу — Господу
Помолилися,
Чѣмъ свѣтъ, по полю
Всѣ развѣхались...

(«Урожай».)

Молитва помогаетъ въ трудѣ крестьянину и, по вѣрѣ послѣдняго, должна отражаться благодѣтельно на результатѣ труда: пахарь говорить:

Съ тихою молитвой
Я вспашу посѣю...

Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ, мое богатство!...

(«Пѣня пахаря».)

Отъ преступной любви дѣвушку удерживаетъ мысль объ отвѣтственности за темныя дѣла предъ Богомъ; поэтому она на призывъ добраго молодца зажить жизнью вольною отвѣчаетъ:

За любовь твою, мой милый другъ,
Рада кинуть отца съ матерью;
Но боюсь суда я страшнаго!

(«Пѣсня разбойника».)

Явится ли мысль у крестьянина-земледѣльца пожить легкимъ трудомъ: наживомъ, грабежомъ своихъ ближнихъ, онъ отгоняетъ отъ себя эту грѣшную мысль размышленіемъ:

Но не грѣхъ ли мнѣ	Въ церкви попъ-Иванъ
Будетъ отъ Бога	Миру гуторить,
Обижать людей	Что душой за кровь
За ихъ доброе?	Злодѣй платится...

Но жить жизнью деревенскою не хочется «разудалому молодцу», и поэтому онъ рѣшается:

Лучше воиномъ	За крещеный міръ
За царевъ законъ,	Сложить голову!

(«Удалецъ».)

Или онъ рѣшается искать счастья на сторонѣ, но вполне, положившись на Промыслъ Божій: молодецъ говорить:

Со двора пойду,	А жить стану тамъ,
Куда путь манить;	Гдѣ ужъ Богъ велить!

(«Дума сокола».)

Прядкинь.

Крестьянскій трудъ съ его горемъ и радостями.

Въ концѣ зимы и раннею весною пахарь готовится все, что понадобится ему съ началомъ весеннихъ полевыхъ работъ: борону, соху, телѣгу и т. д. Эта подготовка веселитъ душу пахаря: ему «зиму зимскую» надобно на печи лежать. Это, до нѣкоторой степени, событіе въ жизни крестьянина описано слѣдующими стихами, которые нашъ поэтъ влагаетъ въ уста пахаря.

Весело я лажу	Телѣгу готовлю,
Борону и соху,	Зерна насыпаю...

говоритъ онъ своему другу — «сивкѣ», желая этими словами побудить «сивку» весело и бодро возить соху, бороздить ниву, чтобы приготовить «колыбель святую» зернышку, которое должно составить въ будущемъ пропитаніе какъ для пахаря, такъ и для «сивки». Крестьянинъ — пахарь, слѣдовательно, былъ бы совершенно безпомощенъ, если бы у него при такомъ тяжеломъ трудѣ, какъ обработка земли, не было вѣрнаго помощника, «коня-пахаря». Вотъ почему онъ дорожитъ этимъ животнымъ болѣе, чѣмъ какимъ-нибудь другимъ;

вотъ почему онъ своему вѣрному товарищу, «коню-пахарю», даетъ самыя нѣжныя эпитеты, ведетъ съ нимъ разговоръ, какъ съ существомъ разумнымъ: работая на пашнѣ, онъ говоритъ «сивкѣ»:

Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной —
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю...

Весело на пашнѣ;
Ну! тащися, сивка!
Я самъ-другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ...

(«Пѣсня пахаря».)

Поэтому горько становится жить крестьянину на «бѣломъ свѣтѣ», если у него нѣтъ «бороны сохи, коня-пахаря».

Время для посѣва весенняго не всегда однако бываетъ благопріятно; нельзя бываетъ сѣять, когда земля высохнетъ. Съ тяжелымъ чувствомъ тогда пахарь ждетъ дождя: безъ послѣдняго онъ не рѣшается начать посѣвъ. Наконецъ, къ радости его,

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула;
По лицу земли
Туманъ стелется;
Разгорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ
Выше темя горь,

Нагустилъ его
Въ тучу черную;
Туча черная
Понахмурилась,
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вѣдомила
Свою родину...

Загѣмъ эта туча, несомая «вѣтрами буйными во все стороны свѣта бѣлаго»,

Ополчается
Грономъ, бурей,
Огнемъ, молніей,
Дугой-радугой;
Ополчилась
И расширилась,
И ударила,
И пролилась

Слезой крупною —
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь
На широкую...
И съ горы-небесъ
Глядитъ солнышко,
Напилась воды
Земля досыта.

(«Урожай».)

Крестьяне-земледѣльцы спѣшатъ воспользоваться благопріятнымъ временемъ для посѣва: насыпаютъ заготовленное зерно въ мѣшки, убираютъ воза и, съ молитвою «Богу-Господу», дружно, «гужомъ», выѣзжаютъ на поля, до восхода солнца; дружно принимаютъ сѣять и пахать:

Чѣмъ свѣтъ, по полю
Все развѣхались
И пошли гулять
Другъ за дружкой,
Горстью полною
Хлѣбъ раскидывать,

И давай пахать
Землю плугами
Да кривой сохой
Перепахивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать...

(«Урожай».)

По окончаніи весенняго посѣва, до «покоса» и во время «покоса», въ свободное отъ работъ время, крестьяне отправляются по-

смотримъ на поля, чтобы видѣть, что послалъ имъ Господь за труды ихъ. Кольцовъ, подобно Пушкину, поэтъ-художникъ, — поэтъ, выбравшій для изображенія въ своихъ произведеніяхъ, главнымъ образомъ, свѣтлую сторону жизни, даетъ намъ величественную картину урожая и, какъ сынъ народа по своимъ воззрѣніямъ, изображаетъ эту картину не *отдѣльно*, а въ связи съ жизнью крестьянина, съ его мыслями и чувствами. Картина урожая нарисована не сама по себѣ, а для того, чтобы дать намъ образъ крестьянина-труженика, образъ свѣтлый: окружающія его нивы ласкаютъ его взоръ, вызываютъ въ душѣ его чувство довольства, радости... Но пусть за насъ говорить самъ пахарь, которому поэтъ влагааетъ въ уста слѣдующее: пахарь говоритъ:

Посмотрю, пойду,
Полюбуюся:
Что послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая,
Дремлетъ колосомъ

Почти дѣ земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится.

(«Урожай».)

Весенія полевая работа: пахота, посѣвъ, не обходятся, конечно, пахарю и безъ страданій: бываетъ ему и не до пѣсни, не до разговоровъ съ «сивкою»: тяжелый самъ по себѣ трудъ — хожденіе за сохою съ утра ранняго («Чѣмъ свѣтъ по полю всѣ разѣхались»...) до поздняго вечера, иногда приходится нести въ такое время, когда земля еще не согрѣта солнечными лучами, пропитана холодною влагою; когда свирѣпствуютъ холодные «буйные вѣтры»; но Кольцовъ, какъ поэтъ, главнымъ образомъ, свѣтлой стороны русской деревенской жизни, не даетъ намъ образа этой мрачной дѣйствительности: онъ, по мѣткому замѣчанію Гоголя о дарованіяхъ поэта: «изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія... сокрывъ печальное въ жизни»¹⁾.

Сѣнокось. Причина неполноты описанія Кольцовымъ сѣнокоса.

Степь раздольная
Далеко вокругъ,
Широко лежитъ,
Ковылемъ-травой
Разстилается!...
Ахъ, ты, степь моя,

Степь привольная!
Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась! —

вотъ окружающая природа, среди которой совершается вторая крестьянская работа: заготовленіе сѣна на зиму. Эта окружающая природа

¹⁾ Гоголь: «Мертвыя души», гл. VII.

оживляетъ «косаря»¹⁾, облегчаетъ трудъ его, самъ по себѣ тяжелый. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, дѣлается заготовленіе корма на зиму для товарища, «коня-пахаря»... Подготовка къ сѣнокосу, уборка сѣна, трудъ крестьянина — «косаря» изображены Кольцовымъ могучими стихами. Стихи: «Раззудись, плечо!» — «Размахнись, рука!» — «Зажужжи, коса!» и др. даютъ намъ возможность чувствовать то напряженіе силъ, тотъ трудъ, который несетъ «косарь», съ силою размахивая косою, чтобы подкосить траву подъ корень. Вотъ стихи, которыми изображено все сказанное: «косарь» говоритъ:

Я куплю себѣ,
Косу новую;
Отобью её,
Наточу её...
Ахъ, ты, степь моя,
Степь привольная!...
Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ:
Я пришелъ самъ-другъ
Съ косою острою...
Раззудись, плечо!

Размахнись, рука!
Ты пажни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми, трава
Подкошенная!
Поклонись, цвѣты,
Головой землѣ!

Но полной картины уборки сѣна Кольцовъ не далъ намъ, какъ это сдѣлано другими поэтами, напр., въ стихотвореніи: «Пахнетъ сѣномъ надъ лугами»... не далъ намъ поэтического образа «косаря», работающаго въ лугахъ, лѣсныхъ лужайкахъ, по болотамъ и т. д. и опять, главнымъ образомъ, потому, что, напр., работа на болотѣ не будетъ свѣтлымъ воспроизведеніемъ труда крестьянскаго, а натура Кольцова, по природѣ своей, способна была воспроизводить, главнымъ образомъ, «возможное», идеальное.

«Страда деревенская». Тяжесть труда въ это время. Осеннія работы.

Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,
Горько печетъ
Землю матушку

(«Молодая жница».)

Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тязельныхъ!

(«Пѣсня пахаря».)

Точно такъ же и въ описаніи *страды деревенской* Кольцовъ остался вѣренъ своему призванію: онъ яркими штрихами изобразилъ только

¹⁾ «Косарь» — слово въ народныхъ говорахъ Воронежской губерніи собственно означаетъ торговца, который развѣзжаетъ по деревнямъ съ косами предъ сѣнокосомъ или — по мѣстному выраженію: предъ «покосомъ», и сбываетъ этотъ товаръ крестьянамъ по дорогой цѣнѣ, особенно, если крестьянинъ «беретъ въ долгъ» косы. Рабочіе во время сѣнокоса извѣстны автору очерка подъ именемъ *косцовъ*; но онъ оставляетъ слово «косарь» въ томъ значеніи, въ которомъ оно употреблено Кольцовымъ.

то, что поднимаетъ духъ крестьянина; коснулся главнымъ образомъ того, что получается въ результатѣ послѣ разумнаго тяжелаго труда.

«Страда деревенская» начинается уборкою ржи. Рожь созрѣла, годна для уборки, когда она

Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню веселому
Улыбается;

*Вѣтерокъ по ней
Плыветъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается...*

(«Урожай», стран. 62.)

И пахарь зорко слѣдитъ за ея созрѣваніемъ, ловить время, чтобы «не пропустить», т.-е. не допустить её до того момента, когда она станетъ «сыпаться», когда зерно начнетъ выпадать изъ колоса. Уловивъ этотъ моментъ,

Люди семьями
Принялися жать,
Косить подъ корень
Рожь высокую.
Въ копны частыя
Снопы сложены;

Отъ возовъ всю ночь
Скрипитъ музыка.
На гумнахъ вездѣ,
Какъ князья, скирды
Широко стоятъ,
Поднявъ головы.

(«Урожай», стран. 62.)

Про трудъ свой во время «страды» пахарь говоритъ, что онъ благодѣтельно влияетъ на организмъ его:

Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ!

(«Пѣсня пахаря», стран. 51.)

Сладость отдыха въ это время должна чувствовать и женщина, потому что

*Высоко стоитъ
Солнце на небѣ,*

*Горячо печетъ
Землю-матушку...*

Жатва и вообще работа женщины въ «страду деревенскую», подъ жгучими лучами солнца, очень тяжела, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда женщинѣ приходится въ это время ухаживать и за ребенкомъ, да еще больнымъ; слѣдовательно, мать-крестьянка, при тяжести физическаго труда, еще страдаетъ при видѣ больного ребенка.

Какъ велики страданія бываютъ иногда у жены пахаря во время «страды деревенской», объ этомъ Кольцовъ не говоритъ по выше указанной причинѣ, — какъ художникъ свѣтлой стороны жизни крестьянской. Эта картина дана намъ другимъ поэтомъ, Некрасовымъ въ стихотвореніи: «Въ полномъ разгарѣ страда деревенская»... Какъ поэтъ горестей и радостей народныхъ, Некрасовъ такъ описываетъ положеніе жены пахаря съ ребенкомъ на нивѣ:

*Зной нестерпимый, равнина безлѣсная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палить.*

Бѣдная баба изъ силъ выбивается,
Столбъ насѣкомыхъ надъ ней колыхается —
Жалить, щекочетъ, жужжитъ!
Приподнимаю косулю тяжелую,
Баба порѣзала... ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!
Слышится крикъ у соседней полосыньки:
Баба туда... растрепалися косыньки! —
Надо ребенка качать!
.....
Слезы ли, потъ ли у ней подъ рѣсницею,
Право сказать мудрено, —
Въ жбанъ этотъ, заткнутый грязной тряпицею,
Кануть они — все равно.
Вотъ она губы свои опаленныя
Жадно подносить къ краямъ...
Вкусны ли, милая, слезы соленыя
Съ кислымъ кваскомъ пополамъ?

Иногда страданія несчастной матери еще болѣе увеличиваются, когда она лишается ребенка во время тяжелой работы въ полѣ, подъ жгучими лучами солнца... У Кольцова есть только намекъ на это страшное горе, постигшее мать среди поля, на нивѣ: у нея умеръ ребенокъ, котораго похоронили здѣсь же, «въ полѣ на просторѣ»; но эта мрачная картина у нашего поэта нѣсколько смягчена раздумьемъ: поэтъ положительно не говоритъ, что въ могилѣ, въ полѣ на просторѣ, похороненъ именно младенецъ. На этой могилѣ

И крестъ тростниковый, И чистое поле
И насыпь свѣжа; Кругомъ безъ дорогъ.

Можетъ-быть, говорить Кольцовъ, здѣсь погребеньъ русский, убитый татаринкомъ, а можетъ быть,

...молодая
Жница-поселянка,
Ангела-младенца
На рукахъ лелѣя,
Оплакала горько
Кончину его, —
И подъ яснымъ небомъ,
Въ полѣ, на просторѣ,
Въ цвѣтахъ васильковыхъ
Положенъ дитя...
Вѣтъ надъ могилой,
Вѣтъ буйный вѣтеръ,
Катить черезъ ниву,
Мимо той могилы,
Сухую былинку,
Перекати-поле;
Будить вольный вѣтеръ,
Будить, не пробудить
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы!

(«Могилка».)

Въ началѣ XIX столѣтія народонаселеніе Воронежской губерніи, конечно, было значительно малочисленнѣй. Села другъ отъ друга были на большемъ разстояніи, чѣмъ теперь: въ данное время въ степи можно встрѣтить поселенія на разстояніи другъ отъ друга 10, 15 и болѣе верстъ, а въ началѣ истекающаго столѣтія эти разстоянія были вдвое больше, почему крестьянамъ приходилось ѣхать въ поле на день, на два и больше; вблизи священника найти было нельзя, и, въ случаѣ смерти ребенка, хоронили его въ полѣ,

а отпѣваніе (погребеніе) совершалъ священникъ, когда семья, лишившаяся «дита», съ работы возвращалась домой, въ свое село, и заявляла ему, священнику, о смерти ребенка.

Оканчивается «страда деревенская»; хлѣбъ перевезенъ на гумно; весело на душѣ у крестьянина, когда онъ глядитъ «на гумно, на скирды»; когда молотить и вѣетъ собранный съ нивы хлѣбъ, свое богатство. Въ теченіе осени крестьянинъ собираетъ зерно и для расхода по дому и для продажи; продаетъ онъ хлѣбъ, когда установится санный путь, о чемъ поэтъ говоритъ въ слѣдующихъ стихахъ пѣсни «Что ты спишь, мужичокъ»:

Вслѣдъ за нею ¹⁾ зима	Всѣ сосѣди ²⁾ на нихъ
Въ теплой шубѣ идетъ,	Хлѣбъ везуть — продають,
Путь снѣжкомъ порошокъ,	Собирають казну,
Подъ саями хрустить;	Бражку ковшикомъ пьють.

Прядкинъ.

Идеализмъ Кольцова въ изображеніи крестьянской жизни и жизнерадостное отношеніе къ природѣ.

Здоровымъ и радостнымъ чувствомъ жизни проникнуты всѣ пѣсни Кольцова. Его спокойный и свѣтлый идеализмъ выливается въ самыхъ реальныхъ и положительныхъ образахъ, которые онъ могъ находить только въ деревенской природѣ. Онъ съ смѣлою и твердою вѣрою глядитъ на настоящее и ждетъ будущаго. Неизбѣжные въ жизни человѣка труды, лишения, неудачи, ея бѣды и опасности — не раздавливаютъ его собою, какъ безсильное насѣкомое. Онъ бодро поднимаетъ голову на встрѣчу борьбѣ и готовъ помѣриться со всякою судьбою, готовъ съ бою взять свое счастье. Поэтъ — простолудинъ, поэтъ — работникъ, привыкшій всего требовать отъ самого себя, все добываетъ своими руками, — и не поддается малодушію празднаго барича или преутомленнаго книжника. Когда нужно терпѣть и страдать, онъ страдаетъ и терпитъ съ мужественною рѣшимостью, съ всепобѣждающею выносливостью русскаго крестьянина. Не думайте, чтобы онъ не зналъ страданій и горя: нѣтъ, Кольцовъ видѣлъ много горя и видѣлъ его лицомъ къ лицу; но онъ принималъ страданія, какъ законный удѣлъ человѣческаго бытія, съ дѣтскою покорностью Богу, не враждуя, не проклиная, но благоговѣя, надѣясь и любя.

Посмотрите жъ зато, какую спокойною силою, какую удалью степного богатыря — дышатъ пѣсни этого поэта — прасола и въ его

¹⁾ Осенью.

²⁾ «Лѣниваго мужичка».

мужественной, любви къ женщинѣ, и въ его восторгахъ передъ природою, и въ его борьбѣ съ напастями жизни.

Выходи жъ ты, туча, Съ страшною грозою, Обойми свѣтъ бѣлый, Закрой темнотою!	Молодецъ удалый Соловьёмъ засвищетъ, — Безъ пути, безъ свѣта Свою долю същеть!
---	---

обращается онъ полный бодрой вѣры, къ бурямъ жизни.

Иль у сокола крылья связаны?
Иль пути ему все заказаны?

спрашиваетъ онъ самъ себя въ другой пѣснѣ, и въ самомъ этомъ вопросѣ уже слышится смѣлый отвѣтъ. Надежда на свои силы нигдѣ не покидаетъ поэта. Послѣ минутнаго унынія, когда ему уже кажется, что его «горемычной долѣ нѣтъ нигдѣ привѣта», онъ сейчас же ободряется духомъ и взываетъ къ этой самой долѣ:

Поднимись, что силы Размахни крылами! Можетъ, наша доля Живеть за горами?	Если нѣтъ, — у моря Сядемъ да дожждемся, Безъ любви и съ горемъ Жизнью наживемся!
--	--

Горю онъ нигдѣ не хочетъ сдаваться, нигдѣ не [хочетъ покинуть своей жизненной радости.

И чтобъ съ горемъ въ пиру Быть съ весельемъ лицомъ,	На погибель итти — Пѣсни пѣть соловьемъ!
--	---

Вотъ его идеаль. Препятствія и опасности не пугаютъ его:

Не страшна мнѣ, добру мѣлодцу, Волга-матушка широкая,	Лѣса темные, дремучіе, Вьюги зимнія, крещенскія!
--	---

поетъ онъ въ «Пѣснѣ разбойника»; а въ другой его пѣснѣ влюбленный удалецъ хвалится:

Что мнѣ крѣпкій замокъ, караулъ, ворота?
Воеводская дверь мнѣ всегда расперта!

Въ «Измѣнѣ суженой», гдѣ герой пѣсни въ отчаяннѣ упаль-было на могилу отца и матери, отчаяннѣ его опять вдругъ разрѣшается приливомъ молодецкой отваги:

Въ ночь подъ бурей я коня сѣдлалъ; Безъ дороги въ путь отправился —	Горе мыкать, жизнью тѣшиться, Съ злою долей перевѣдаться.
--	--

Въ стихотвореніи «Переputьѣ» Кольцовъ изобразилъ, повидимому, безысходное состояніе своего героя, «то ужъ шагу ступить некуда!» Онъ въ тяжеломъ раздумьѣ спрашиваетъ себя:

Кто пойдетъ за насъ? и гдѣ будемъ жить?
Гдѣ избытокъ мой зарыть лежитъ?

и тутъ же съ веселой насмѣшкой надъ самимъ собою, съ безпечною вѣрою въ широкое будущее, вдругъ начинаетъ утѣшать себя:

Куда глянешь — всюду наша степь! На горахъ — лѣса, сады, дома;	На днѣ моря — груды золота; Облака идутъ — нарядъ несутъ!
---	--

Вотъ и одолѣйте чѣмъ-нибудь такую несокрушимую силу терпѣнья и вѣры! Немудрено, что образы, которые создаетъ поэзія Кольцова, тоже переполнены силы, красоты и удали, — настоящіе идеалы русской народной фантазіи, Иваны Царевичи и Бовы Королевичи своего рода.

У меня ль плечо	На лицѣ моемъ
Шире дѣдова,	Кровь отцовская
Грудь высокая, —	Въ молокоѣ зажгла
Моей матушки;	Зарю красную!

описываетъ себя его «Косарь». Его тоже постигло горькое горе, но онъ не квасится передъ нимъ, не ноетъ и не плачетъ, какъ баба, а хочетъ бѣду за рога схватить, отъ одной своей удали ждетъ себѣ помощи:

Раззудись, плечо, размахнись, рука!

воскликаетъ онъ въ вдохновеньи своей рабочей силы:

Нагребу копень,	Прямо къ старостѣ;
Намечу стоговъ, —	Не разжалобитъ
Дастъ казачка мнѣ	Его бѣдностью.
Денегъ пригоршни...	Такъ разжалоблю
Ворочусь въ село	Золотой казной!

Герои Кольцова — это все своего рода Лихачи-Кудрявичи, которые все смѣютъ, которымъ все удается.

Что шутя задумаль, —	А тряхнулъ кудрями, —
Пошла шутка въ дѣло,	Въ одинъ мигъ поспѣло!

Свѣтлое и радостное отношеніе къ жизни, котораго не могли побѣдить въ Кольцовѣ никакія неудачи, отражается и въ его описаніяхъ природы. Какъ и подлинная народная пѣсня, пѣсня Кольцова говоритъ о природѣ въ такихъ образныхъ и любовныхъ выраженіяхъ, какими обыкновенно описываютъ только дорогого сердцу человѣка, словно природа — живая красавица, въ которую безъ ума влюбленъ поэтъ. Лѣсъ у него — настоящій живой богатырь русскихъ сказокъ, «Бова силачъ заколдованный», какъ называлъ онъ его. У него даже «рѣчь высокая, сила гордая, доблесть царская».

У тебя ль, было,	Ветрепенувшиися,
Поздно вечеромъ	Разбушуешься, —
Грозно съ бурюю	Только свистъ кругомъ,
Разговоръ пойдетъ...	Голоса и гуль!

Степь у него тоже живая:

Степь раздольная	Вы, пташки пѣвучія,
Далеко вокругъ,	Развѣжили вы дѣвицу,
Широко лежитъ,	Отбили хлѣбъ у мельника...
Ковылемъ-травой	У васъ весной присуха есть
Разстилается...	Сильнѣй присухъ намоптаныхъ!...
Ахъ, степь, ты, степь зеленая!	

Изливаетъ онъ степи свои восторги въ стихотвореніи «Пора любви». А вотъ какими животрепещущими красками описываетъ онъ лѣтнее поле, лѣтнее гумно въ своемъ «Урожаѣ»:

Выше пояса	На гумнахъ вездѣ
Рожь зернистая	Князья скирды
Дремлетъ колосомъ	Широко сидятъ,
Почти дó земли;	Поднявъ головы.

Вы видите, что въ пѣснѣ Кольцова, опять-таки какъ въ народной пѣснѣ, все невольно очеловѣчивается силою любви поэта. Хлѣбъ у него «сиротою въ поляхъ некошенъ стоитъ»; зима у него, будто какая-нибудь старуха-вѣдьма,

Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ пороситъ.

Даже могила у него и та живетъ, и та только спитъ тѣмъ же сномъ человѣка.

Будитъ вольный вѣтеръ,	Дикую пустыню,
Будитъ не пробудитъ	Тихій сонъ могилы.

Поэтъ нечувствительно мѣшаетъ природу со всѣмъ, что онъ любитъ, переселяетъ въ нее душу человѣка, а въ душѣ человѣческой наивно видитъ тѣ же картины, что такъ любы ему въ родной степи. «Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло, бѣлымъ снѣгомъ перекрылося!» выражается онъ въ своемъ стихотвореніи «Разлука», точно онъ говоритъ о какой-нибудь картинѣ солнечнаго заката зимою, а не о волненіяхъ души.

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая, —
Песку со дна не выкинетъ!

говоритъ онъ о затаенномъ въ сердцѣ горѣ въ другой своей пѣснѣ. Такое тѣсное родство поэта съ природою могло зародиться только въ постоянной жизни глазъ-на-глазъ съ нею, въ тѣ годы дѣтства и юности, когда Кольцову цѣлые дни приходилось кочевать то верхомъ, то пѣшкомъ, велѣдъ за ватагами пасущихся овецъ и гуртами медленно шагающихъ быковъ, и которые онъ такъ любилъ вспоминать въ своихъ стихахъ:

Какъ черный пологъ ночь виситъ,	Плетусь къ ночлегу на своей
И даль пространная чернѣетъ;	Кляченкѣ тощей и усталой,
Зажженъ случайною рукой —	Держу я путь къ тому огню,
Горить огонь во тѣмѣ ночной.	

Съ мирною радостью рассказываетъ поэтъ:

То нашъ очагъ горитъ звѣздою,	Украины вольныя сыновъ, —
То снѣтъ каша степняка	И какъ тѣ пѣсни сердцу милы,
Подъ пѣснь родную чумака!...	Какъ выразительны, унылы,
Вотъ тихо подъ свирѣль запѣли	Протяжны, звучны и полны
Они про жизнь своихъ дѣдовъ, —	Преданьями родной страны.

Такова была школа и таковы были учителя поэта-пѣсенника. Наивныя пѣсни «родной страны», которыя онъ слушалъ въ тиши этихъ темныхъ ночей, вдохнули и въ его душу ту чудную поэзію родины, то теплое русское чувство, которыя незримо разлиты въ каждой строкѣ Кольцовскихъ стихотвореній. Это глубокое чувство родины особенно роднитъ поэзію Кольцова съ народною поэзіей, съ тѣми сладко-щемящими душу старыми пѣснями, которыя еще до сей поры разносятся по широкому простору русскихъ полей, и въ которыхъ вылила, какъ могла, свою бессознательную дѣтскую любовь къ родной землѣ-матушкѣ, свое наивное наслажденіе красотами родной природы младенческая душа русскаго человѣка:

Высота ли, высота поднебесная! Широко раздолье по всей землѣ!
Глубота — глубота океанъ — море! Глубоки-темны омуты Днѣпровскіе!

Но Кольцовская пѣсня не была бы народною пѣснью, не была бы русскою пѣснью, если бы она не была въ то же время насквозь проникнута горячею вѣрой въ Бога. Поэтъ-простолюдинъ, поэтъ-пастухъ не могъ быть невѣрующимъ поэтомъ, поэтомъ отрицающа и сомнѣній. Звѣздное небо, торжественная тишина степей, нерукотворныя колоннады лѣсныхъ храмовъ не воспитываютъ атеистовъ, точно такъ же какъ не воспитываетъ ихъ трудовая жизнь деревенскаго люда, среди вѣчно неизмѣнныхъ законовъ мірозданья, глазъ-на-глазъ съ дождемъ и молніей, урожаемъ и засухой, съ Божьей милостью и Божьимъ наказаніемъ.

Марковъ.

Народность пѣсенъ Кольцова.

Основа русской народности есть и была земщина. Смотрите, какъ просто и художественно фантазія народная рисуетъ Микулу Селяниновича, представителя своей земской силы — начала міра, общины, сходки, того богатыря-пахаря, котораго такъ «любить матушка сыра-земля» за то, что онъ (Микула Селяниновичъ)

Идетъ въ полѣ ратай, понукиваетъ,

Сошка у ратая поскрипываетъ,

Омешки по камешкамъ почеркиваютъ

Ореть въ полѣ ратай, понукиваетъ

Съ края въ край бороздки пометываетъ:

Въ край онъ уѣдетъ, другого не видать;

Коренья, каменья вывертываетъ,

А великіе-то каменья въ борозду валить.

Кобылка-то у ратая соловая,

Сошка у ратая кленовая.

Гужики у ратая шелковые.

Что можетъ быть проще и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтичнѣе въ своей незатѣйливой простотѣ образа пахаря!

Съ какою глубокою любовью и симпатіей отнесся народъ къ представителю своего же брата-пахаря! Какой ребенокъ, только что выучившійся читать, не пойметъ такого образа! Не только пойметъ ребенокъ здѣсь все отъ слова до слова, но и непостижимымъ путемъ передается душѣ его и эта симпатія народа къ своему коренному русскому занятію. Изъ подобныхъ стихотвореній народныхъ онъ лучше и глубже знаетъ родину, ея бытъ, чѣмъ зазубривая въ учебникахъ русской исторіи имена Святополковъ и Ярославовъ, читая мертвую букву, глядя на нѣмую, ничего не говорящую ему карту.

Сравните «Пѣснь пахаря» съ приведенною выше пѣснью народа о Микулѣ Селяниновичѣ. Сколько между ними общаго, согласнаго! Не слышимъ ли мы въ пѣснѣ: «Ну, тащися, сивка!» и другихъ пѣсняхъ Кольцова этой звучащей въ каждомъ словѣ пѣсни любви къ своему земледѣльческому быту, любимому предмету народной думы? Микула Селяниновичъ говорить о себѣ:

А я ржи напашу да во скирды сложу,
 Въ скирды сложу, домой выволочу,
 Домой выволочу да дома выколочу;
 Драни надеру да пива наварю,
 Пива наварю да и мужиковъ напою...
 Станутъ мужики мнѣ покликивати:
 Молодой Микулушка Селяниновичъ.

Кольцовскій поэтъ:

Весело на пашнѣ.
 Ну, тащися, сивка!
 Я самъ-другъ съ тобою,
 Слуга и хозяинъ.
 Весело я лажу
 Борону и соху.
 Тельгѣ готовлю,
 Зерна насыпаю.

Весело гляжу я
 На гумно, на скирды,
 Молочу и вѣю...
 Ну, тащися, сивка!
 Пашенку мы рано
 Съ сивкою распашемъ,
 Зернышку сготовимъ
 Колыбель святую...

Что же, при сравненіи теряетъ нашъ поэтъ-прасоль? Нѣтъ!

Вѣтъ радостию,
 Дышитъ сладостію.

отъ пѣсни кольцовскаго пахаря! Какъ «весело», съ какою нѣжностью относится нашъ пахарь къ сивкѣ, къ пашенкѣ, зернышку, травкѣ-колосу, который у него рядится въ «золотыя ткани», ко всему, что доставляетъ и составляетъ «хлѣбъ—его богатство». Хлѣбъ этотъ, на языкѣ народа «хлѣбушко», и не сходитъ съ языка нашего русскаго мужичка. И на пирушкѣ мужики

Рѣчи гуторятъ
 Про хлѣба, про покосъ.

Хлѣбъ и урожай — предметъ мечты крестьянина, къ нему несутся завѣтныя его думы. Кольцовъ, въ которомъ билось русское, народное

сердце, почуяль всю важность этого земскаго дѣла для русскаго народа и три думы думаетъ за поселянъ:

Ихъ завѣтныя	Помолился;
Думы мирныя:	Чѣмъ свѣтъ по полю
Дума первая —	Всѣ разѣхались,
Хлѣбъ изъ закрома	И пошли гулять
Насыпать въ мѣшки,	Другъ за дружкою —
Убирать воза.	Горстью полною
А вторая ихъ	Хлѣбъ раскидывать.
Была думушка:	И давай пахать
Изъ села гужомъ	Землю плугами,
Въ пору выѣхать.	Да кривой сохой
Третью думушку	Перепахивать,
Какъ задумалъ —	Бороны зубьемъ
Богу — Господу	Порасчесывать...

когда дѣло идетъ о хлѣбѣ, пашнѣ, посѣвѣ, урожаѣ — кровныхъ интересахъ русскаго міра. Мужичокъ не-хозяинъ личность безотрадная; мало того, личность оскорбительная для народа-пахаря. Въ глазахъ народа мужикъ не-хозяинъ — ренегатъ, измѣнникъ кореннымъ убѣжденіямъ русскаго ума, древнимъ началамъ русскаго быта. Теперь понятно, почему беззаботность въ крестьянскомъ дѣлѣ, лѣнивый мужикъ и вызвалъ изъ души Кольцова такой жалобный укоръ, такую сжимающую сердце пѣснь: «Что ты спишь, мужичокъ». И слушайте, какую безотрадную тоской, какимъ страшнымъ горемъ, слезами, рыданьемъ звучить она!

Что ты спишь, мужичокъ?	На дворѣ по травѣ
Вѣдь весна на дворѣ;	Хоть шаромъ покати.
Вѣдь сосѣди твои	Изъ клѣтей домовою
Работаютъ давно.	Соръ метлою посмелъ,
Встань, проснись, подымись,	И лошадокъ за долгъ
На себя погляди:	По сосѣдямъ развелъ.
Что ты былъ? и что сталъ?	И подъ лавкой сундукъ
И что есть у тебя?	Опрокинутъ лежитъ,
На гумнѣ — ни снопа,	И погнувшись, изба,
Въ закромахъ — ни зерна;	Какъ старушка, стоитъ.

Всякій предметъ землѣдѣльческаго — родного, завѣтнаго быта, Кольцовъ облакаетъ своимъ поэтическимъ ореоломъ, смотритъ на все въ жизни сельской съ любовью, относится къ нему съ какимъ-то благоговѣніемъ, точно къ святынѣ. Хлѣбъ въ его глазахъ — даръ Божій, благодать:

Рожь зернистая
Божій гость.

А для пахаря земледѣліе — высокое служеніе, любимое, старинное, святое и самое благородное занятіе:

Лиха-бѣда, въ землю —	Тамъ его достанетъ
Кормилицу ржицу	Годъ семью пробавить,
Мужику закинуть;	Посбытъ подать съ шею
А тамъ Богъ уродитъ,	И нужды поправитъ,
Никола подсобитъ	И лишней копейкой
Собрать хлѣбецъ съ поля;	Божій праздникъ встрѣтитъ.

Неурожай или другой какой случай съ хлѣбомъ — самое ужасное несчастье для крестьянина:

И щемить и поеть,	То скосило градомъ,
Болить ретивое,	То смело пожаромъ;
Все изъ рукъ вонь-плохо,	Чисть кругомъ и легко,
Нѣтъ ни въ чемъ удачи:	Никому не нужень.

Слѣдствіе такого несчастья — полная бѣдность и горе:

Къ старикамъ на сходку	Бороду вскосматишь,
Выйти приневолять —	Шапку нахлобучишь,
Старья лаптишки	Тихомолкомъ станешь
Безъ онучъ обуешь,	За чужія плечи...
Кафтанишка рваный	Пусть не видятъ люди
На плечи натянешь,	Прожитого счастья.

Оттого-то лѣнность въ крестьянскомъ дѣлѣ — святотатство, явленіе странное; лѣнность немислима.

Гдѣ видна въ нашей литературѣ болѣе траурная картина бѣднаго крестьянина? Далѣе, когда нашъ пѣвецъ села укоряетъ лѣннивца-мужика за то, что онъ оставилъ на полосѣ хлѣбъ несжатымъ, т.-е. за то, что онъ забылъ свою дорогую и лучшую думу-заботу, отрекся отъ своей народной силы и исторической гордости, въ стихахъ:

А въ поляхъ сиротой	Вѣтеръ точить зерно.
Хлѣбъ не скошенъ стоитъ,	Птица клюетъ его —

гдѣ найдете болѣе сильныя вараженія? Это плачь русскаго человѣка на гробѣ своего поильца и кормильца — хлѣба, который гибнетъ отъ лѣни и нерадѣнія, мотивъ, который взялъ у Кольцова Некрасовъ и выразилъ въ одномъ изъ немногихъ удавшихся ему стихотвореній: «Несжатая полоса». Изъ приведенныхъ пѣсенъ мы видѣли, какъ глубоко проникъ народный элементъ въ поэтической пѣснѣ Кольцова, какъ согласенъ и одинаковъ его и народный взглядъ на главную сторону народного быта — на дѣло сельское, крестьянское.

Нельзя не видѣть и въ другихъ пѣсняхъ Кольцова разительнаго сходства съ народными. «Пѣсня Лихача Кудрявича», про рѣчи и пѣсни котораго

Дѣвушки всѣ знаютъ —
И о кудряхъ зиму
Ночь не спать, гадаютъ,

такъ живо напоминаетъ народнаго красавца Чурилу Пленковича, нашего народнаго Донъ Жуана, любимца женщинъ. Далѣе, въ этой же пѣснѣ осязательно сказывается русское «авось», русское «по щучьему велѣнью, по моему прошенью» Иванушки-дурачка и русской же душѣ свойственная справедливая вѣра въ свою силу, въ свое великое будущее:

Не родись богатымъ,	Изъ земли родится,
А родись кудрявымъ:	Со всѣхъ сторонъ прибыль
По щучьему велѣнью	Ползеть и валится.
Все тебѣ готово.	Что, шутя, задумалъ —
Чего душа просить,	Пошла шутка въ дѣло.

Не слышится ли свистъ Соловья-разбойника, отъ свиста котораго однажды всё князья-бояре замертво пали, «а Владимирь-князь, стольно-кѣвскій, заходилъ раскорякою», въ пѣснѣ «Тоска по волѣ», гдѣ одинъ молодецъ такъ про себя говоритъ:

Какъ, бывало, въ полночь мертвую,
Крикну, свистну имъ изъ-за лѣса —
Аль не темный лѣсъ шелохнется.

А ухарство Василия Буслаева, удальца ради удали, драчуна ради драки, озорника ради озорничества, того Василия Буслаева, который за руку кого возьметъ — рука прочь, за ногу возьметъ — нога прочь, а кого ударить по горбу, тотъ падетъ — самъ сутулится? Это широкая натура русская, для которой

Караулъ, ворота
Голова

ни по чемъ, не сказывается ли въ пѣснѣ «Какъ здоровъ да молодецъ», въ стихахъ:

Только думь, заботы	Свою силу удалъ
У царя — головки	Попытать на людяхъ,
Погулять по свѣту	Чтобъ не стыдно вспомнить
Пожить на распашкѣ,	Молодое время!..

Черты этого кровнаго русскаго типа всюду разбросаны въ пѣсняхъ Кольцова (см. пѣсни: «Нынче ночью», «До чего ты меня, молодость», «Пѣсня разбойника» и «Удалецъ»).

Такъ симпатичные народу типы вызваны силою таланта, живёмъ съ самага дна народнаго духа, интересы народа отъ него самого подслушаны и воспѣты Кольцовымъ. И какъ просто, сладко воспѣты! Въ пѣснѣ Кольцова каждое слово, каждый звукъ — слово и звукъ народные, каждый оборотъ — народный оборотъ, всякая мысль — мысль народная. И пѣть, и читать, и учить дѣтямъ на память легко такія наивныя, художественныя пѣсни.

Въ этомъ отношеніи, въ отношеніи народности, незамѣнными пѣсни Кольцова для дѣтей. Напримѣръ, прочтите дѣтямъ «Лѣсъ», олицетворенный Кольцовымъ въ образѣ «Бовы-Силача», или «Косаря», или «Крестьянскую пирушку», «Лѣсъ» этотъ очитится у нихъ предъ глазами: онъ живъ, онъ шумитъ, онъ воетъ; кажется, слышишь въ немъ

Свистъ кругомъ,
Голоса и гуль...
слышишь, какъ у него

Съ грозой-бурею
Разговоръ идетъ...

Образъ косаря посреди просторной степи весь встаетъ предъ дѣтьми съ косой, которая сверкаетъ и жужжитъ; а «трава шумитъ подкошенная, цвѣты клонятся головою къ землѣ». Въ «Косарѣ» дѣти

охотно прочтуть самую безыскусственную, полную повѣсть любви
косаря къ Грунюшкѣ, какъ

Онъ (косарь) за Грунюшку А онъ, старый хрѣвь,
Дочку сторосты Заупрямился!
Долго сватался;

Сколько въ ней чистой любви! Пускай

...Отецъ ея	Щеки полныя,
Богачомъ слыветъ;	Глаза темные
Пускай домъ его	Свели молодца
Чаша полная —	Съ ума-разума...
Я ее хочу,	Наотрѣзь старикъ
Я по ней крушусь:	Отказалъ вчера...
Лицо бѣлое —	Охъ, не свыкнуться,
Заря алая,	Съ этой горестью!

Это горе, при всей своей силѣ, разрѣшается просто:

Я куплю себѣ	Наточу ее,
Коеу новую;	И прости-прощай
Отобью ее,	Село родное!..

Въ «Косарѣ» — повѣсть любви и тоски, но какъ эта любовь и тоска естественна, чиста и здорова! Отъ начала и до конца она скромна и стыдлива, безъ жеманства и приторности, такъ обыкновенныхъ въ дѣтскихъ пѣсняхъ.

Въ «Крестьянской пирушкѣ» дѣти увидятъ, какъ пировали предки наши, какъ хозяинъ съ женой съ низкимъ поклономъ встрѣчаютъ гостей, какъ

Передъ Спасомъ Святымъ
Гости молятся;

какъ они садятся

За дубовые столы,
За набранные,
На сосновыхъ скамьяхъ;

какъ молодая жена

Чернобровая,	Самъ хозяинъ за ней
Обходила вокругъ	Брагой хмельною
Съ поцѣлуями,	Изъ ковшей вырѣзныхъ
Разносила гостямъ	Рѣдныхъ погчуетъ;
Чашу горькаго.	

а тамъ подъ хмелькомъ,

Рѣчи гуторятъ	Хлѣбъ уродитъ намъ?
Про хлѣба, про покосъ	Какъ-то сѣно въ степи
Про старинушку:	Будетъ зелено?
Какъ-то Богъ и Господь	

Наконецъ кончилась пирушка —

По селу пѣтухи	Въ темной горенкѣ;
Перекликнулись;	Отъ воротъ поворотъ
Призатихъ говоръ, шумъ	Виденъ по снѣгу.

Эта пьеска переноситъ мысли къ порѣ пировъ Владимира, къ далеко прошедшему русской старины, къ той эпохѣ, когда

Не скоро пили наши предки,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши и серебряныя чаши.

Радонежскій.

Личный элементъ въ поэзіи Кольцова.

Личный элементъ въ поэзіи Кольцова выражается въ пылкой любви его къ двумъ женщинамъ, игравшимъ различную роль въ жизни поэта; далѣе, въ разнообразномъ выраженіи горя-тоски и, наконецъ, въ широкомъ смыслѣ, въ оригинальномъ поэтическомъ созерцаніи русской природы, народнаго быта и народныхъ характеровъ. Кромѣ этого выдающагося личнаго элемента, придающаго особенную оригинальность поэзіи Кольцова, въ ней отражаются еще различныя вліянія: прежде всего широкое и разнообразное вліяніе русскаго народнаго слова, начиная съ присказокъ до разнообразныхъ пѣсенъ и преданій; затѣмъ отражаются и литературныя вліянія.

Остановимся сначала на личномъ элементѣ въ поэзіи Кольцова. Его поэзія характеризуется, между прочимъ, сильнымъ выраженіемъ страсти подъ вліяніемъ чувства любви. Эта страсть даетъ необыкновенный подъемъ духа и силъ удалаго молодца, открываетъ для него прелесть природы. Мало того, съ этимъ чувствомъ и «вьюги зимнія, вьюги шумныя, ночи тѣмныя, ночи бурныя» уносятъ въ край заколдованный: «А безъ любви и среди дня безъ огня ходить солнышко». Поэтъ часто обращается къ представленію разлуки съ милой. Такую тяжелую разлуку Кольцовъ испыталъ еще на зарѣ туманной юности. Это была первая его любовь къ красавицѣ, крѣпостной дѣвушкѣ Дуняшѣ, которую въ отсутствіи поэта отецъ его продалъ въ одинъ изъ далекихъ донскихъ хуторовъ. Эта первая любовь поэта была настолько глубока, что, когда, послѣ тщетныхъ поисковъ за своей милой, онъ не нашель ея, то слегъ въ постель въ горячкѣ. Невозвратная потеря была первымъ толчкомъ къ развитію поэзіи Кольцова. Теперь, послѣ подражательныхъ опытовъ, онъ перешель къ самостоятельному творчеству, къ пѣснѣ, служащей, по преимуществу, выраженіемъ дѣйствительно пережитаго и переживаемаго чувства. Горе разлуки возвысило это чувство до идеала, и образъ русской дѣвушки принялъ нѣжныя и тонкія очертанія въ поэзіи Кольцова. Онъ захватываетъ ея самыя глубокія чувства въ пору первой любви, чуднаго очарованья, любви-тоски и также прочувственно относится къ безутѣшному горю покинутой или разлученной дѣвушки, къ тяжелому положенію замужней женщины, выданной неволею. Горькое чувство утраченной юношеской любви въ первыхъ пѣсняхъ Кольцовъ выражается преимущественно въ тяжелыхъ думахъ о смерти милой. Тѣ же предствленія онъ влагаеть въ душу и разлученной дѣвушки. Позднѣе

поэтъ обращается къ представленіямъ о томъ невозвратномъ времени первой любви, когда съ гордостью онъ смотрѣлъ въ туманную даль, волшебную, а мечтамъ его конца не было. Другая женщина и изъ другого класса общества выступаетъ въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ стихотвореній Кольцова, которую онъ призывалъ звѣздою свѣтлой озарить трудный путь его судьбы. Но женщину эту покинутый поэтъ призывалъ къ новой жизни, къ спасенію изъ бездны паденія отъ страшной бездны порока. Кромѣ двухъ отмѣченныхъ въ поэзіи Кольцова отношеній къ любимымъ женщинамъ, мы не встрѣчаемъ выраженія другихъ отношеній.

Кромѣ горя-тоски отъ любви, жизнь и въ другихъ отношеніяхъ приносила Кольцову горе. Основанія этого горя было и въ личной судьбѣ Кольцова. Въ своихъ письмахъ въ разное время онъ объясняетъ и самъ, почему онъ подлилъ въ извѣстное время своей жизни много горечи въ свои стихотворенія. Но какъ въ образахъ любящихъ Кольцовъ рисуетъ почти исключительно народные типы, такъ и въ образѣ людей, постигнутыхъ горемъ. Всѣ эти бѣдные и богатые, сильные и слабые, несчастные влѣдствіе прожитого счастья, скитанья по чужимъ людямъ, влѣдствіе отсутствія крѣпкой воли или невозможности выйти на настоящую дорогу — все это или вполнѣ ясно очерченные народные типы, или такіе общіе образы, которые коренятся все-таки въ народномъ быту. Очевидно, поэтъ свое личное горе, свои думы о жизни, о различныхъ человѣческихъ отношеніяхъ легче всего представлялъ себѣ въ отношеніяхъ народной жизни. Образы эти, впрочемъ, такъ же общи, какъ обща народная жизнь, съ ея старинными пѣснями, роднящими въ общихъ чувствахъ и мысляхъ одно народное поколѣніе съ другимъ. Нельзя, однако, и въ выраженіи горя-тоски у Кольцова, какъ и въ выраженіи любви, не отмѣтить страсти: «мучить душу мука смертная, вонъ изъ тѣла душа просится; аль ни потъ съ лица посыплется, аль ни въ грудь душа застучаетъ; загрустила, запечалилась моя буйная головушка, ясны очи соколиныя не хотятъ смотрѣть на бѣлый свѣтъ». Выходъ изъ горя у Кольцова — или къ примиренію съ жизнью или къ страстному порыву; то и другое преимущественно представляется въ очеркахъ народной жизни. Это стремленіе выразить свои чувства, страсти и думы въ формахъ окружающей поэта жизни были въ немъ ничуть не преднамѣреннымъ. Оно непосредственно вытекало изъ условій его жизни, изъ постояннаго созерцанія природы, народнаго быта и характеровъ.

Владимировъ.

Кольцовъ перелилъ наболѣвшія чувства въ свои пѣсни. Въ этихъ замѣчательныхъ стихотвореніяхъ, извѣстныхъ всей Россіи, виденъ тотъ же человѣкъ, что и въ стихотвореніяхъ о природѣ. И въ нихъ элементъ психологическій господствуетъ надъ физическимъ чувствомъ, несмотря на пламенное изображеніе страсти, на эту почти видимую дрожь желанія. По богатству и нѣжности многочисленныхъ отбѣн-

ковъ, описаніе любви въ стихотвореніяхъ этихъ возвышается иногда до нѣкоторыхъ пушкинскихъ описаній. Нечего и говорить о томъ, что оно несравненно выше описаній любви въ народныхъ пѣсняхъ. На это указываетъ и Водовозовъ. Пѣсни Кольцова и пѣсни народныя, говоритъ Водовозовъ, сходны «только по мотивамъ», но различны во многихъ отношеніяхъ по всей своей художественной конструкціи. Въ народныхъ пѣсняхъ преобладаетъ грустный тонъ элегіи. Въ нихъ женщина страдаетъ, покоряется, хотя и способна иногда на рѣзкій протестъ. Отсюда — рѣчь, въ которой видны страстные порывы, мрачное отчаяніе, или же, гдѣ тоска выше словъ, юморъ, саркастическая улыбка надъ дорогою могилой. Въ пѣсняхъ Кольцова на любовь брошенъ нѣжный оттѣнокъ утонченнаго чувства. Даже картины отчаянія носятъ въ его изображеніи какой-то просвѣтленный характеръ. Въ его пѣсняхъ народный мотивъ обновленъ и возвеличенъ скрытымъ поэтическимъ идеаломъ. Кольцовъ рисуетъ внутреннюю, психологическую сторону чувства, его неслышное, таинственное зарожденіе въ душѣ, между тѣмъ, какъ народная поэзія имѣетъ дѣло только съ готовымъ фактомъ. Народу нужно только болѣе или менѣе «многозначительное событіе», говоритъ Водовозовъ: «измѣна, смерть, ревность». Кольцовъ рисуетъ любовь со всею внутренней тревогой, со всеми ея внутренними переливами. Въ народныхъ пѣсняхъ нѣтъ художественнаго анализа впечатлѣній, и оттого «полнѣйшая пластика» составляетъ ихъ необходимое свойство. Въ пѣсняхъ Кольцова художественный анализъ впечатлѣвается постоянно въ полнотѣ изображаемыхъ ощущеній. Народъ описываетъ чувство любви, ограничиваясь немногими словами. «У душечки, красной дѣвушки много въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки. Душечка черпаетъ воду, и вдругъ, поставивши ведра, призадумывается: призадумалась, да заплакала, что нѣтъ у нея ни роду-племени, ни друга». Напротивъ того, въ описаніи Кольцова бросается въ глаза множество тонкихъ деталей, превосходно рисующихъ чувство.

Высоко стоит	Всю сожгло ее
Солнце на небѣ,	Поле жаркое,
Горячо печетъ	Горитъ-гормо все
Землю-матушку.	Лицо бѣлое...
Душно дѣвицѣ,	Охъ, болитъ у ней
Грустно на полѣ,	Сердце бѣдное,
Нѣтъ охоты жаль	Заранилось въ немъ
Колосистой ржи,	Небывалое!...

Повсюду въ пѣсняхъ Кольцова безчисленные психологическіе эпитеты, въ которыхъ сквозитъ идеальный элементъ поэтическаго настроенія. Первая встрѣчи любви, ревность, отчаяніе разлуки съ тяжелымъ предчувствіемъ измѣны, — все это выступаетъ у Кольцова въ мягкихъ очертаніяхъ, въ свѣтлыхъ образахъ, вызывающихъ сочувствіе или состраданіе. Эти коротенькія строчки въ два-три слова дышатъ страстью, какъ бы сдерживаемою скромностью. Подъ ними бьется

такое горячее сердце. Подъ ними волнуется глубокое чувство. Въ нихъ живетъ каждое слово, движется каждое описаніе. Ухо требуетъ для нихъ музыкальной мелодіи, напѣва, чтобы выразить то, что не умѣстилось въ словахъ, чтобы въ звукахъ передать скрытое возбужденіе души плавныхъ, широкихъ выраженій чувства въ пространныхъ фразахъ и періодахъ у Кольцова нѣтъ. Предъ вами не могучія, мѣрно катящіяся на просторѣ волны, а рѣчная зыбь, подъ которою чувствуется одно общее теченіе. Здѣсь ничего нельзя опустить: все на мѣстѣ, все строго служитъ цѣльности общаго впечатлѣнія...

И какъ уже сказано, любовь у Кольцова озарена свѣтомъ идеализма. Этотъ простой человѣкъ, сумѣвшій перелить въ природу жизнь человѣческой души, придавъ и любви возвышенный характеръ. Идеальный взлядъ на природу, сложившійся въ его душѣ естественнымъ, бессознательнымъ путемъ, не могъ не отразиться, быть можетъ, такъ же бессознательно, и на его пониманіи этого чувства. Въ поэтическомъ мистицизмѣ всѣ задатки благороднаго, благоговѣйнаго отношенія къ любви, къ долгу и правамъ сердца.

Отъ пѣсенъ любви обратитесь къ стихотвореніямъ бытописательнаго свойства, и вы увидите, что и въ нихъ Кольцовъ не мѣняетъ своихъ основныхъ взглядовъ. Изобразивъ природу нѣжными, аллегорическими чертами, давши цѣлый рядъ пѣсенъ, звучащихъ возвышенно, радостно, поэтъ создаетъ нѣсколько картинъ, отражающихъ русскій міръ и почти со всѣми его бытовыми особенностями въ очень мягкомъ освѣщеніи. «Что ты спишь, мужичекъ», «Ну, тащися, сивка», «Пѣсня Лихача Кудрявича», «Крестьянская пирушка», «Косарь» и др. залиты яркимъ колоритомъ деревенской жизни. Въ смыслѣ поэтическомъ, по простотѣ языка, по граціозной прелести отдѣльных описаній это настоящіе литературные шедевры, достойные занять мѣсто рядомъ съ лучшими русскими художественными произведеніями. Поэтъ сохраняетъ повсюду бодрость чувства, живость и смѣлость надеждъ. Въ словахъ «Лихача Кудрявича» слышится легкая насмѣшка самого автора. Они то слишкомъ лихи, беззаботны, то слишкомъ мрачны и безнадежны.

Любо жить на свѣтѣ
Молодцу съ кудрями,
Весело на бѣломъ
Съ черными бровями!

Не подъ шапку горе
Головъ кудрявой!
Разливайтесь, пѣсни!
Ходи, парень, bravo!

Параллельно съ этими восклицаніями «Лихача Кудрявича», такъ же какъ и съ его печальными причитаніями, поставьте слова стихотворенія «Товарищу», въ которомъ лѣнивому и спокойно смиренному бездѣйствію противопоставляется воля живая, дѣятельная, энергичная, и вы поймете истинный взглядъ Кольцова.

Что ты ходишь съ нуждой
По чужимъ по людямъ?
Вѣруй силамъ души,
Да могучимъ плечамъ;

На заботы жъ свои
Чуть заря поднимись,
И одинъ во весь день,
Что есть мочи, трудись...

Въ вопросахъ жизни голосъ Кольцова звучалъ громко, сильно, ободряюще. Иначе и быть не могло. Отношеніе Кольцова къ крестьянскому люду не могло не соответствовать его общимъ взглядамъ на природу, любовь, дружбу.

Вольинскій.

Русская женщина въ поэзи Кольцова.

Лихачъ-Кудрявичъ считаетъ себя недостойнымъ роли чело-вѣка; онъ — парій въ собственныхъ глазахъ, парій по праву, такъ что самъ, наравнѣ съ другими, намѣренно небрежетъ своею особой и предаетъ ее поруганію добрыхъ людей:

Къ старикамъ на сходку	<i>Бороду вскосматишь,</i>
Выйти <i>приневолятъ:</i>	<i>Шапку нахлобучишь...</i>
Старые лаптишки	Тихомолкомъ станешь
Безъ онучъ обуешь;	За чужія плечи...
Кафтанишка рваный	Пусть не видятъ люди
На плечи натянешь,	Прожитого счастья.

Кто вздумалъ бы принимать рѣчи Лихача-Кудрявича за выраженіе собственнаго взгляда Кольцова, тому совѣтуемъ перечестъ стихотворенія: «Товарищу», «Что ты спишь, мужичекъ» и «Пѣсню пахаря». Этихъ трехъ пьесъ довольно, чтобъ истолковать различіе между національностью, какъ способностью изображенія, и національностью, какъ чертою характера самого поэта, между силою и слабостью личности...

Легко сказать, какъ сказали мы нѣсколько выше: «не можемъ умолчать объ одномъ произведеніи Кольцова». На самомъ дѣлѣ, для критики нѣтъ ничего труднѣе, какъ *умалчивать* о красотѣ и важности того или другого его произведенія, разсматриваемаго отдѣльно. На этотъ разъ, напри-мѣръ, мы опять не въ силахъ умолчать о той части его поэзи, которая заключаетъ въ себѣ изображеніе русской женщины.

Русская женщина такъ полно и вѣрно опредѣлена въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ Кольцова, что, прочитавъ ихъ, чувствуешь, какъ будто прочиталъ цѣлую удивительно художественную поэму.

Само собою разумѣется, что анализъ русской женщины долженъ открыть два элемента ея характера — руссизмъ, т.-е. то, что въ ней есть исключительнаго, національнаго, и женственность, т.-е. то, что сохранила она чело-вѣческаго, отраднаго. Вообще русскія женщины мало изслѣдованы съ своей свѣтлой стороны, можетъ быть — потому, что въ младенческомъ обществѣ именно этимъ-то сторонамъ и затруднены средства къ обширному проявленію, а можетъ быть — и потому, что это общество одобряетъ въ женщинѣ черты діаметрально противоположныя. Кромѣ Пушкина и Лермонтова, этого предмета касались Некрасовъ и Тургеневъ. Гоголь и его ближайшіе послѣдователи постоянно уклоняются отъ этой темы. Графъ Соллогубъ изображаетъ русскихъ женщинъ большого свѣта единственно со стороны ихъ *ори-*

инальности. Какъ бы то ни было, на этотъ разъ мы довольны малымъ, потому что это малое превосходно опредѣляетъ намъ основныя стихіи существа, называемаго *русской женщиной*, именно — глубину чувства въ борьбѣ съ національною неподвижностью. И то и другое характеризуетъ русскаго человѣка вообще; но глубина есть свойство чисто человѣческое, пощаженное въ немъ внѣшними обстоятельствами, а неподвижность и неразлучное съ ней поклоненіе факту — свойство чисто русское.

Изображенія русскихъ женщинъ Кольцовымъ ничего не открываютъ новаго въ области анализа, но онѣ въ высшей степени замѣчательны, во-первыхъ, потому что въ эстетическомъ отношеніи ихъ можно сравнить только съ изображеніемъ Татьяны; во-вторыхъ, потому что въ русскихъ крестьянкахъ и мѣщанкахъ, которыя у него выводятся, чрезвычайно любопытно, *созерцають первообразъ* русскихъ барышень и барынь средняго и высшаго круга, утѣшаясь успѣхами современной цивилизаціи въ отечествѣ и припоминая, что до Петровой реформы не было между ними рѣшительно никакой разницы. Сравнимъ же Татьяну съ крестьянками Кольцова. Между ею и ими неизмѣримая бездна — дворянское происхожденіе, бальные уборы съ кузнецкаго моста, французскіе романы, занесенные ходебщикомъ, романтическія идеи, почерпнутыя частью изъ этихъ романовъ, частью и изъ произведеній отечественнаго стихотворства, наиболѣе любезныхъ сердцу барышни, и въ заключеніи всего

Суровыхъ маменекъ уроки...

А между тѣмъ, странно, какъ это такъ выходитъ, что характеръ любви Татьяны и исторія ея страсти совершенно тѣ же, что и у крестьянки Кольцова. Прежде всего поражаетъ насъ удивительная аналогія въ характерѣ самаго начала страсти у обѣихъ женщинъ. Любовь, какъ ощущеніе гармоніи, рождающейся между двумя живыми существами, двумя *оторванными струнами одной и той же лиры*, какъ говорятъ поэты, должна быть чувствомъ сладкимъ и живительнымъ: зарожденіе ея въ сердцѣ должно придавать особенную энергію всѣмъ жизненнымъ силамъ существа. Въмѣсто того и Пушкинъ, и Кольцовъ съ какою-то особенною грустью приступаютъ къ описанію перваго періода любви своихъ героинь: имъ жаль ихъ прекрасныхъ существъ, потому что первые симптомы любви русской женщины уже заключаетъ въ себѣ что-то зловѣщее:

Тоска любви Татьяну гонитъ,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонитъ,
И лѣнь ей далѣе ступить:

Приподнятая грудь, ланиты
Мгновенно пламенемъ покрыты,
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ...

Нѣсколько выше Пушкинъ восклицаетъ:

Татьяна, милая Татьяна!
Съ тобой теперь я слезы лью...

Кольцовъ, въ свою очередь, не совѣтуетъ своей степной красавицѣ прислушиваться къ весеннимъ пѣснямъ птичекъ и заботливо предупреждаетъ ее отъ напасти:

Въ низъ сила есть любовная...

Любовь — огонь, съ огня — пожарь...

Не слушай ихъ, красавица.

Пока твой сонъ, сонъ дѣвичій,

Спокоенъ, тихъ до утра — дня!

Какъ разъ *бѣду* наслушаешь:

Въ цвѣту краса загубится,

Лицо твое румяное

Скорѣй платка износится.

Любовь Кольцовъ называетъ прямо *тоской*:

Запала въ грудь *любовь-тоска*,

Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;

Грудь бѣлая волнуется,

Что рѣченька глубокая —

Песку со дна не выкинетъ,

Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...

Смеркаетъ степь, горитъ заря.

Француженки и нѣмки, не говоря уже объ италианкахъ, всѣмъ существомъ своимъ празднуютъ чувство первой любви, вдохновляются имъ, какъ правомъ на наслажденіе. Отчего же русская женщина принимаетъ его съ какою-то болью, какъ печальную необходимость, какъ страшное условіе вынужденнаго контракта? Не оттого ли, что нѣтъ чувства болѣе свободнаго въ человѣкѣ, особенно въ женщинѣ? Зависимость отъ внѣшности можетъ проявлять во всемъ, кромѣ любви да гениальности. Каково же существу слабонервному, привыкшему съ пеленокъ къ механической подчиненности, вдругъ, безъ всякихъ переходовъ и приготовленій, почувствовать себя личностью, сознать свое до сихъ поръ никѣмъ не признанное *я*, очутиться на совершенно незнакомомъ пути самодѣятельности? Нѣтъ ничего мудренаго, что первая любовь русской женщины всѣхъ состояній часто сопровождается потоками слезъ и нервическими припадками.

Зато какъ и глубока эта страсть, вскормленная

...слезами и тоской!

Она глубока, какъ всякое чувство русскаго человѣка, существа, привыкшаго Богъ знаетъ почему сосредоточивать въ глубинѣ сердца всѣ свои ощущенія и тѣмъ самымъ вынашивать ихъ въ нѣдрахъ своей жизненности до тѣхъ поръ, пока плодъ вполне созрѣетъ и сокъ его начнетъ выступать легкими пятнами изъ-подъ оболочки. Вы знаете, какъ глубоко любила Татьяна, и какъ ничтожны передъ ея любовью православныя страсти италианокъ и испанокъ, гораздо болѣе напоминающія собою кое-какіе параграфы изъ натуральныхъ исторій не для дамъ, чѣмъ тѣ романы и поэмы, въ которыхъ описываются онѣ такъ восторженно и увлекательно! Но немного найдете въ поэзіи произведеній, въ которыхъ сила страсти была бы выражена такъ художественно вѣрно и съ такою энергіей, какъ въ пѣснѣ Кольцова: «Я любила его».

Вотъ какова страсть русскихъ женщинъ! Не даромъ изумленный Вирей сказалъ про нихъ: «*Sous leurs chaudes pelisses elles couvrent des passions violentes*».

Но вотъ что изумительно: какъ согласить эту страстность съ способностью жертвовать страстью, съ щепетильною покорностью всему, что называли мы силой внѣшности? Трудно представить себѣ такую способность къ самоистязанію и такую терпимость, какими на каждомъ шагу поражаютъ насъ русскія женщины. Характеръ Татьяны въ этомъ отношеніи справедливо признанъ типическимъ. Женщины Кольцова всѣ созданы изъ того же элемента. Это существа глубоко страстныя, глубоко нѣжныя, но вмѣстѣ съ тѣмъ существа безъ малѣйшей претензіи на самостоятельность, существа страдательныя и даже гордятся своею страдательностью. Вотъ красную дѣвицу

Силой выдали
За немилаго,
Мужа стараго.

Она горько жалуется на судьбу, но оканчиваетъ свою жалобу словами разочарованія вполне безвыходнаго:

Не расти травѣ Не цвѣсти цвѣтамъ
Послѣ осени; Зимой по снѣгу!

Другую покидаетъ любовникъ. На коварныя слова его она отвѣчаетъ:

Ну, Господь съ тобой, мой милый другъ!
Я за твой обманъ не сѣржуся...
Хоть и женишься — расквѣсься,
Ко мнѣ, можетъ быть, воротисься.

Ни отчаянія ни борьбы! Одно уныніе и покорность, доходящая до бесплоднаго резонерства:

Безъ ума, безъ разума,	Безъ любви, безъ радости
Меня замужъ выдали,	Сокрушалась, мучилась?
Золотой вѣкъ дѣвичій	Говорятъ родимые:
Силой укорѣтали.	«Поживется — слюбится;
Для того ли молодость	И по сердцу выберешь,
Соблюдали, нѣжили	Да горчѣе придется!»
За стекломъ отъ солнышка,	Хорошо, состарѣвшись,
Красоту лелѣяли,	Разсуждать, совѣтовать,
Чтобъ я вѣкъ свой замужемъ	И съ собою молодость
Горевала, плакала,	Безъ расчета сравнивать!

Согласить глубокую страстность русской женщины съ ея фанатическимъ поклоненіемъ дѣйствительности значитъ — объяснить тайну самаго процесса модификаціи человѣческаго типа въ національный характеръ. Но такой задачи не можетъ исполнить человѣческая наука, и потому мы, съ своей стороны, ограничиваемся простымъ указаніемъ на фактъ. Замѣтимъ только, что этотъ фактъ гораздо обширнѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда. Обыкновенно у насъ удивляются покорности женщинъ только тогда, когда онѣ переносятъ безропотно какія-нибудь вопіющія жестокости своихъ грубыхъ властелиновъ. Но въ этомъ ли одномъ выражается ихъ

благоговѣніе къ дѣйствительности? Само собою разумѣется, что жестокое обращеніе съ женщиной, съ успѣхами образованности, дѣлается у насъ, какъ и вездѣ, гнуснымъ исключеніемъ. Но спрашивается: измѣнился ли у насъ до-петровскій взглядъ на ея значеніе? Какъ смотрять на женъ своихъ мужа, которые славятся въ своемъ родствѣ и знакомствѣ примѣрными, нѣжными, преданными, и которыми сами жены не могутъ нахвалиться? Лучше всего этотъ взглядъ выражается въ томъ, чего требуютъ иногда *образованные* господа отъ женщины. «Нужно», — говорятъ они, — «чтобъ женщина, прежде всего, была мила, чтобъ въ ней все было легко, игриво, граціозно, чтобъ все въ ней *нравилось* — и наружность, и умъ, и чувство. Глубокаго ума въ женщинѣ я не жалею: это мужское дѣло. Энергія ей тоже вредить: она тоже дѣлаетъ женщину мужчиной». На основаніи такого взгляда, возникла у насъ даже цѣлая теорія, проповѣдующая, что достоинства женщины должны быть діаметрально противоположны достоинствамъ мужчины. Люди, придерживающіеся отчасти метафизическаго направленія, основываютъ его на психологическомъ законѣ, по которому, какъ утверждаютъ они, намъ можетъ нравиться только то, что противоположно намъ самимъ. Такимъ образомъ, выходитъ, что если мужчина долженъ быть уменъ и силенъ, то женщина, наоборотъ, должна быть глупа и немощна. Но пусть бы такъ и думали наши мужчины: замѣчательно то, что русскія женщины совершенно подчиняются этому взгляду и даже скандализируются всѣмъ, что съ тѣмъ несогласно. Такимъ образомъ, для женщины опредѣленъ у насъ, съ полного ея согласія, особенный кругъ дѣятельности, въ которомъ гложетъ безъ развитія большая часть ея человѣческихъ способностей, и горе той, которая рѣшится преступить заколдованный кругъ такъ называемыхъ *приличныхъ* занятій! Отъ суда женщинъ пострадаетъ она еще болѣе, чѣмъ отъ приговора мужчинъ.

Майковъ.

Природа въ произведеніяхъ Кольцова.

Въ поэзіи Кольцова мы находимъ отраженіе природы широкаго и разнообразнаго пространства Россіи, извѣзаннаго поэтомъ во время его прасольскихъ занятій и поѣздокъ въ столицу: отъ Чернаго моря и предгорій Кавказа до Москвы и Петербурга, отъ береговъ нижняго Поволжья до Югозападнаго края. Какъ въ пѣснѣ, время поэта катилось по полямъ и лугамъ, по селамъ, городамъ; но особенно онъ любилъ останавливаться на степи. Въ раннихъ своихъ стихотвореніяхъ Кольцовъ и себя называетъ «дикаремъ-степнякомъ». Въ вѣкъ юности онъ жилъ въ степяхъ съ коровами. Въ глуши степей отъ селъ далеко, онъ съ любовью созерцалъ и степныя травы: ковыль и перекати-поле и цвѣты въ травѣ, особенно весной, когда степь зеленая съ цвѣтами и съ птичками пѣвуньями полна дыханьемъ чарь,

и осенью, когда особенно приятно было обогрѣться на ночлегѣ у огня чумаковъ, слушать ихъ пѣсни, ѣсть кашу степняка; приходилось бывать Кольцову въ степи и зимой, когда метель закрывала путь снѣгомъ, когда разыгрывались на степи вьюги зимнія-крещенскія. Несмотря на однообразіе степей, Кольцовъ сильно любилъ ихъ, особенно въ весеннюю пору. Въ концѣ стихотворенія «Ночлегъ чумаковъ», находятся драгоценныя подробности для характеристики Кольцова, какъ поэта:

Живаль въ большихъ я городахъ,
Бываль на вашихъ хуторахъ
И замѣчалъ, гдѣ какъ живутъ,
Что горемъ, что добромъ зовутъ,
Съ какою цѣлью вѣкъ трудятся,
Къ чему и тѣ и тѣ... стремятся.
Узналъ, вздохнулъ... и для меня
Приятно въ дождикъ обсушиться

У васъ подѣ буркой близъ огня,
Подѣ возомъ отъ грозы укрыться,
Приятно кашу ѣсть сухую,
Украины слушать рѣчь простую.
Безпечно время проводить...
Въ степяхъ я городъ забываю,
Душой и сердцемъ отдыхаю.

Вѣроятно, не безъ вліянія пѣсенъ чумаковъ Кольцовъ задумался въ степи:

Чья эта могила тиха, одинока,
Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву
Мимо той могилы
Сухую былинку

Перекати-поле;
Будитъ вольный вѣтеръ,
Будитъ, не пробудитъ
Дикую пустыню,
Тихій сонъ могилы.

Изъ степи же Кольцовъ вынесъ одно изъ любимыхъ своихъ сравненій: сохну, вяну я, что трава въ степи передъ осенью или какъ трава подкошенная. Я предполагаю хорошо извѣстнымъ всѣмъ «Косаря» Кольцова. Если кто припомнитъ еще при этомъ навѣянное же степью стихотвореніе «Пора любви», тотъ согласится, конечно, со мной, что трудно найти въ русской литературѣ другого такого пѣвца родныхъ степей. Указать на выдающіяся мѣста у Кольцова въ этомъ отношеніи, значило бы выписать цѣликомъ эти чудныя пѣсни. Кромѣ степей, Кольцовъ любилъ останавливаться на лѣсахъ и поляхъ. Опять-таки я предполагаю, всѣмъ извѣстно стихотвореніе Кольцова «Лѣсъ», посвященное памяти Пушкина; но есть другое стихотвореніе Кольцова, подѣ тѣмъ же названіемъ, въ которомъ оно, подобно Тургеневу въ «Запискахъ охотника», останавливается на дикой красѣ лѣса, съ вопросомъ о тайнѣ, сокрытой въ немъ. Эта тайна навѣваетъ мысль о смерти. Въ лѣсу же являются у Кольцова и лѣшіе и русалки въ поэтической картинкѣ «Домикъ лѣшника»; но чаще Кольцовъ соединяетъ съ лѣсами темными, дремучими удалцовъ-разбойниковъ. Однако, поля, какъ и степи, больше привлекали поэтическія думы Кольцова, чѣмъ лѣса. Одной изъ выдающихся особенностей поэтическаго таланта Кольцова является оживленіе природы чело-вѣческой жизнью. Въ глухихъ широкихъ степяхъ поэтъ отыскиваетъ чумаковъ, косарей и чудную дѣвушку. На поляхъ, среди зеленыхъ

садовъ, среди пашень и высокой ржи, по которой вѣтерокъ плыветъ-лоснится, золотой волной разбѣгается, на гумнахъ, — поэтъ вездѣ отыскиваетъ сельскихъ людей, то пахарей, то молодую жницу; онъ любитъ мирныя думы сельскихъ людей, ихъ тяжелые труды, ихъ отдыхъ и пирушки. Какъ въ природѣ поэтъ видитъ то ясную погоду съ тишиной, то тучи съ страшной грозой, такъ и въ народныхъ характерахъ онъ созерцаетъ то мирныхъ тружениковъ, иногда съ грустнымъ выносливымъ чувствомъ, то удалыхъ молодецвъ, которые, подъ влияніемъ роковой страсти, мстятъ страшно и безповоротнo. Кольцовъ и въ жизни хорошо зналъ и понималъ такихъ молодецвъ. Рассказываютъ, что въ степи раздраженный работникъ собирався убить поэта, но послѣдній лаской и угощеніемъ сумѣлъ отвести отъ себя руку убійцы. Впрочемъ, удалцы Кольцова чаще становятся несчастными отъ злой судьбы, а страсть ихъ выражается въ порывѣ и въ сознаніи иногда полной недостижимости задушевныхъ желаній. Итакъ, личный элементъ въ поэзіи Кольцова соединялся съ образами, воззрѣніями и вообще съ жизнью въ широкомъ смыслѣ русскаго народа, преимущественно крестьянства.

Владимировъ.

Отголоски мифическихъ вѣрованій въ стихотвореніяхъ Кольцова.

При всей простотѣ языкъ Кольцова отличается обиліемъ чрезвычайно смѣлыхъ и даже вычурныхъ оборотовъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующія сравненія при изображеніи очей, думъ и рѣчей:

Въ нихъ (очахъ) огонь неземной,	Нѣтъ, прогляньте, глаза,
Жарче солнца горитъ!	Загоритесь, глаза,
Въ васъ страшнѣе грозы	И огнемъ неземнымъ
Блещутъ искры любви.	Сердце жгите мое и т. д.

Ихъ очи, какъ звѣзды,	Ихъ думы, какъ тучи,
По небу блестятъ,	Ихъ рѣчи горятъ (110).

Сравненіе очей съ солнцемъ, звѣздами, думъ съ тучами и рѣчей съ огнемъ напоминаетъ риторическія фигуры, которыя встрѣчаются въ поэмахъ и одахъ ложноклассическихъ конца прошлаго столѣтія.

Но здѣсь мы имѣемъ дѣло съ инымъ явленіемъ. Эти обороты не Кольцовымъ придуманы. Въ нихъ мы видимъ вѣковѣчные образы, типическія формы народной поэзіи. Въ произведенія Кольцова вошли многія представленія, зарожденіе которыхъ относится къ отдаленной мифической порѣ народной жизни. Для человѣка, оторваннаго чуждою цивилизаціей отъ народа, это — громкія фразы, безсодержательныя фигуры; для человѣка же, проникнутаго народнымъ мировоззрѣніемъ, всѣ эти выраженія заключаютъ въ себѣ опредѣленные реальныя представленія. Это отголоски мифическихъ вѣрованій, которыя не

всегда, можетъ быть, сознательно, но жили въ душѣ Кольцова и противъ его воли находили себѣ выраженіе, главнымъ образомъ, въ языкѣ. Мысли Кольцова о многихъ предметахъ такъ же просты, наивны, какъ проста философія народная, выращенная на почвѣ древнихъ мѣоувъ.

Приведемъ примѣры нѣкоторыхъ народныхъ взглядовъ, выраженныхъ въ произведеніяхъ Кольцова.

Изъ различныхъ представленій души человѣческой самымъ распространеннымъ среди народа является представленіе души въ видѣ огня. Какъ безъ огня, то-есть свѣта и теплоты, немислима жизнь въ человѣкѣ. Метафоры и уподобленія въ народномъ языкѣ указываютъ на сближеніе различныхъ душевныхъ движеній съ огнемъ. Чувство называется горячимъ, теплымъ, пылкимъ; о любви говорится, что она возгорѣлась или погасла; гнѣвный человѣкъ называется вспылчивымъ; о смерти говорится: жизнь погасла.

Подобныя мѣоувскія представленія нерѣдко встрѣчаются въ стихотвореніяхъ Кольцова: «любовь — огонь, съ огня пожаръ (73), пламенѣтъ любовью, горѣтъ огнемъ любви (43), любовь сіяетъ на устахъ (78), много въ сердцѣ огня (86).

И тѣхъ нѣтъ ужъ дней,
Что легѣли стрѣлой,

Что любовью насъ жгли,
Что палили огнемъ (193).

Въ комъ сила есть на радость, на страданье,
Въ томъ духъ огнемъ восторженно горить (119).

Высокая дума — огонь благодатный (133).

Сгори же въ пожарѣ

Презрѣнныхъ страстей (133).

Сорвали улыбку — сіянье души (132).

Если чувство огонь, то отсутствіе его — холодъ.

Сердце замерло отъ холода,
Отъ измѣны моей суженой (78).

Такой же взглядъ переносится и на неодушевленную природу. Обращаясь къ цвѣтку, Кольцовъ говоритъ:

Скажи, зачѣмъ ты такъ алѣешь?
Росой заискрясь, пламенѣешь
И дышишь чѣмъ-то, какъ живымъ?

По древнѣйшему мѣоувскому вѣрованію душа есть искра небснаго огня; слѣдовательно, имѣетъ божественное происхожденіе. Отсюда понятны выраженія:

Быль у ней въ глазахъ небсннй свѣтъ,

На лицѣ горѣлъ любви огонь (99).

И сердца жизнь живая

И чувства огонь святой (146).

Въ связи съ представленіемъ души въ видѣ пламени или огня существуетъ и другое представленіе души въ видѣ звѣзды. Звѣзды по мѣоувскимъ вѣрованіямъ — искры небснаго огня — божества.

У каждаго человѣка есть своя звѣзда, т.-е. душа (искра). Паденіе звѣзды (души) означаетъ смерть, появленіе же новой — рожденіе человѣка.

На небѣ столько звѣздъ, сколько на землѣ людей. Съ другой стороны, символамъ солнца и звѣздъ служило зрѣніе. По вѣрованіямъ народнымъ очи человѣческія создались отъ солнца и звѣздъ. Сближеніе глазъ человѣка съ свѣтилами небесными, солнцемъ и звѣздами, было причиной того, что первые получили сверхъестественную, таинственную силу. Человѣкъ перенесъ на самого себя нѣкоторыя свойства солнца и звѣздъ. Знойный блескъ солнца производитъ засуху, болѣзни и т. п.; та же страшная сила усвоена и человѣческому зрѣнію. Эти представленія народныя отражаются въ стихахъ Кольцова. О глазахъ поэтъ говорить:

Голубые они...

И какъ жарко горять!

Будто яда полны (121).

Вашихъ глазъ я боюсь, какъ огня (16).

Словно въ небѣ звѣзда (118).

Согласно съ народомъ, Кольцовъ смотритъ на природу, какъ на существо живое, которое можетъ вредить или помогать человѣкъ.

Поэтъ часто обращается къ природѣ. Напримѣръ:

Ты прости-прощай,

Съ зимней вьюгою!

Сыр-дремучій боръ,

Одному съ тобой

Съ лѣтней волею,

Надоѣло жить (115).

Разступитесь, лѣса темные,

Запылился ты, путь-дороженька;

Разойдитесь, рѣчки быстрыя;

Дай мнѣ вѣтку, моя пташечка!

Въ стихотвореніяхъ «Урожай» и «Лѣсъ» олицетворены: земли, солнышко, туча, рожь, лѣсъ, буря и пр. Большею частью въ произведеніяхъ Кольцова мы имѣемъ дѣло не съ простыми олицетвореніями, въ смыслѣ риторическихъ фигуръ, а съ живыми предметами, имѣющими въ сознаніи поэта объективное реальное существованіе. Сюда относятся: лѣшій, упырь, домовый, русалка, бѣда, горе и нѣкоторыя другія мифическія существа.

Чтобъ не вшелъ туда рогатый,

Лѣшій страшный и косматый,

Чтобъ не вшелъ туда упырь (174).

Изъ клѣтѣй домовой

Соръ метлою посемель.

Я изъ поля въ лѣсъ дремучій,

Про любовь свою къ русалкѣ

Лѣшій по лѣсу шумить,

Съ быстрой рѣчкой говорить (84).

Образами народной мифологіи Кольцовъ иной разъ пользуется даже въ разрѣзъ съ христіанскими воззрѣніями. Такъ о Богѣ поэтъ въ одномъ мѣстѣ говоритъ:

Кто жъ Онъ, Всемогущій?

Нѣтъ Богу вопроса,

Нѣтъ мѣры Ему! (131).

Въ другомъ же мѣстѣ Богъ изображенъ такъ:

Съ величества трона, Божій образъ — солнце
Съ престола чудесь, Къ намъ съ неба глядитъ.

Подобное представленіе Бога напоминаетъ общеизвѣстное мѣсто изъ стиха о Голубиной книгѣ, гдѣ говорится, что солнце создано «отъ лица Божьяго».

Въ народной поэзіи Бѣда, какъ и Горе, относится къ разряду живыхъ, демоническихъ существъ, которыя неутомимы и неумолимы въ своемъ преслѣдованіи несчастныхъ людей. Кольцовъ изображаетъ это враждебное человѣку существо такъ:

Зла Бѣда — не буря, Ходитъ невидимкой,
Горами качаетъ, Губить безъ разбору (71).

Отъ нея не уйти человѣку, ибо она «въ чистномъ полѣ найдетъ, въ темномъ лѣсѣ сыщеть» (17). Человѣкъ можетъ «разойтись съ бѣдой, зато съ горемъ повстрѣчается». Это изображеніе бѣды почти буквально сходно съ изображеніемъ горя въ народной поэзіи.

Я отъ Горя — въ чисто поле,
Оглянусь я назадъ — Горе за мной идетъ...
Я отъ Горя — въ темны лѣса,
А Горе прежде въ лѣсъ зашелъ,
А я отъ Горя — въ почетной пирь,
А Горе зашелъ, впереди сидитъ и т. д.

Стефановскій.

Думы Кольцова и ихъ органическая связь со стихотвореніями.

Думы вышли изъ глубины души Кольцова. Въ описаніяхъ природы, въ пѣсняхъ любви проблески религіознаго настроенія не бросаются въ глаза. Ихъ заслоняетъ поэтическая покровь, расцвѣченный художественными красками. Въ «Думахъ» свѣтъ религіозности струится изъ каждой строки. Религіозность была въ натурѣ Кольцова, была естественнымъ свойствомъ его характера, его всегда глубокихъ чувствъ, его непреходящей тоски по «небесной родинѣ». Со стихотвореніями о природѣ и съ пѣснями любви эти «Думы связаны органически. Въ нихъ тотъ же общій взглядъ, то же благородство пониманія, но только въ болѣе откровенныхъ, ясныхъ выраженіяхъ. Его «Думы» — не теоретическія соображенія, а выраженіе непосредственнаго человѣческаго чувства, плодъ живого соприкосновенія съ тою тайною, которою окутанъ міръ. Это ощущеніе Божества, — искреннее, правдивое, неизбежное въ человѣкѣ съ его поэтической организаціей, въ человѣкѣ, воспитавшемся на вольномъ просторѣ степей и полей. И тамъ, гдѣ чувство Кольцова облекается въ удачную поэтическую форму, мы имѣемъ стихотворенія поразительныя по возвышенности поэтическихъ образовъ, по силѣ душевнаго волненія, по сдержанности словъ, за которыми воображеніе видитъ простертая

въ отчаяніи руки, слышать вопль простодушной мольбы о свѣтѣ, который озарилъ бы согрѣвающимъ лучомъ его любящее, одинокое сердце. Тутъ не нужно педантически искать вопросовъ и отвѣтовъ. Тутъ вопросъ и отвѣтъ слиты вмѣстѣ въ одинъ аккордъ. Тутъ вопросъ почти не требуетъ отвѣта, ибо все дѣло здѣсь именно въ цѣльности чувства, довѣрчиваго порыва къ божеству, сокрушительной скорби о земномъ существованіи. Достаточно было бы одной «Молитвы» Кольцова, чтобы понять, какія настроенія таились въ его душѣ. Это именно слезы вечерняго моленія, во мракѣ и тишинѣ, когда человѣкъ остается наединѣ съ самимъ собою, съ своей совѣстью, съ смутными сомнѣніями и не разрѣшенными вопросами о жизни и смерти. Теоретическая мудрость можетъ обставить эти вопросы множествомъ логическихъ соображеній. Она подвигается по длинному пути научнаго изслѣдованія къ крайнимъ выводамъ разума. Но и она не можетъ дать конкретныхъ отвѣтовъ на поставленные вопросы. Тѣмъ менѣе поэтъ. Его задача показать настроеніе, создать образъ, вызвать предъ глазами читателя міръ таинственныхъ думъ и внутреннихъ тревогъ во всей его величавости. Искусство дѣйствуетъ не нравоченіями, а искренностью выраженного чувства, живымъ словомъ вдохновенія. Оно поднимаетъ душу не холодными умозаключеніями, а вѣрнымъ изображеніемъ идеальной стороны человѣка...

Что слухъ мой замѣнить?	Остывшего сердца?
Погухшія очи?	Что будетъ жизнь духа
Глубокое чувство	Безъ этого сердца?

Какіе отвѣты можно дать на эти вопросы въ поэтическомъ произведеніи? Какіе отвѣты далъ бы Кольцовъ, если бы судьба наградила его образованностью Майкова или ученостью другихъ критиковъ? По нашему мнѣнію, отвѣтъ Кольцова обнаруживаетъ совершенно исключительную глубину натуры и тонкость философскаго чутья.

На крестъ, на могилу,	Наложилъ печать.
На небо, на землю,	Печать та навѣки,
На точку начала	Ее не расторгнуть
И цѣли твореній	Міры, разрушаясь,
Творецъ всемогущій	Огонь не растопить,
Накинулъ завѣсу,	Не смоетъ вода!

Окружающая насъ жизнь полна зла и суеты, обмана и лжи. Холодность въ родствѣ, притворство, предательство, невѣжество, позорная глупость, вотъ что наполняетъ наше повседневное существованіе.

Поэтъ говоритъ:

Богъ съ ними! Я страну земную	Въ ту жизнь мечту переселилъ.
Съ упрекомъ тайнымъ разлюбилъ,	И странствую безъ дальнихъ нуждъ
Душой постигнулъ жизнь другую,	Земли жилецъ, земного чуждъ.

Что грусть земли, что погибель, что смерть для того, въ комъ живой духъ рвется вонъ изъ тѣсной темницы, въ которую онъ

замкнуть? Есть иная жизнь, вѣра въ которую ободряетъ и поддерживаетъ среди разочарованій и земныхъ невзгодъ.

Въ этой вѣрѣ нѣтъ сомнѣнья,	У меня въ душѣ есть сила,
Ею жизнь моя полна,	У меня есть въ сердцѣ кровь,
Безконечно въ ней стремленье,	Подъ крестомъ — моя могила,
Въ ней покой и тишина...	На крестѣ моя любовь!

Бѣлинскій, Майковъ и другіе видѣли въ стихотвореніи «Не время ль намъ оставить» какъ бы выходъ Кольцова «изъ тумановъ мистицизма» на болѣе вѣрную дорогу здраваго смысла. Не будемъ спорить. Возможно, что подталкиваемый совѣтами здравомыслящихъ людей, Кольцовъ и рѣшился написать стихотвореніе въ духѣ болѣе или менѣе реалистическомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что истинное міросозерцаніе поэта, какъ оно сказалось въ его описаніяхъ природы, въ его пѣсняхъ любви и лучшихъ «Думахъ», было міросозерцаніемъ глубоко-религіознымъ, идеалистическимъ. Это видно даже и по отдѣльнымъ словамъ настоящаго стихотворенія. Слова, призывающія на пиръ жизни, звучатъ слабо и неувѣренно послѣ словъ, написанныхъ въ обычномъ духѣ Кольцова:

Темна, страшна могила	Ни вѣсти ни отзыва
За далью — мракъ густой,	На вопль нашъ роковой?!

Кольцовъ былъ цѣленъ въ жизни и въ своихъ произведеніяхъ. Натура глубокая, страстная, сильная, онъ былъ весь проникнутъ свѣтлыми настроеніями. Всѣмъ существомъ своимъ постигалъ онъ загадочность природы, въ любовь онъ вкладывалъ свою мятежную душу. «Думы» Кольцова вѣрное отраженіе его характера. Онъ здѣсь весь со своею идеальной любовью, со своей тоскою и слезами молитвы. Онъ не могъ быть инымъ и, оторванный отъ своей среды, введенный въ кругъ людей, чуждыхъ ему по строю понятій, онъ едва ли расцвѣлъ бы такъ, какъ расцвѣлъ въ обстановкѣ, въ которой, несмотря на многія дурныя и тяжелыя стороны, была возможность широкаго общенія съ природою. Несправедливо думать, что это талантъ неразвившійся, незаконченный. Какъ истинное, крупное дарованіе, дарованіе Кольцова развивалось наперекоръ многимъ неблагоприятнымъ обстоятельствамъ и достигло замѣчательной высоты. И можно сказать съ увѣренностью, что если бы даже не было біографическихъ свѣдѣній, образъ Кольцова все-таки можно было бы воссоздать по его стихамъ, и при этомъ его «Думы» дали бы наиболѣе цѣнныя, неоспоримыя, осязательныя данныя для обрисовки его настоящей душевной жизни.

Волыинскій.

Отношеніе Кольцова къ предшественникамъ и современникамъ.

Если бы Кольцовъ былъ представленъ самъ себѣ, его творчество приняло бы вполне народныя формы и созданныя имъ «пѣсни» слились бы съ народными пѣснями, вошли въ составъ народнаго поэти-

ческаго фонда. Но судьба столкнула его съ произведеніями Дмитріева, Жуковскаго, Пушкина; они произвели на него впечатлѣніе и оказали вліяніе. Онъ сдѣлалъ рядъ попытокъ подражать имъ, но эти попытки, при отсутствіи необходимаго для этого образованія, вышли неудачными и показались неудовлетворительными самому чуткому Кольцову. Сильный талантъ помогъ ему найти выходъ. Поставленный между живой народной пѣсней и изящными стихотвореніями Жуковскаго и Пушкина, онъ пошелъ своею дорогою и *созданныя имъ «пѣсни» представляютъ собою развитіе народныхъ пѣсенъ, произведенное подъ вліяніемъ Жуковскаго и Пушкина.*

Они прежде всего — отзвукъ допетровской Москвы съ ея памятованіемъ о Богѣ и крѣпкою думою о душѣ.

«Богу знать угодно, говорить у Кольцова старикъ, единственный работникъ въ большой семьѣ, наказать подъ старость меня, горемыку, такой тяготою!» «Сбыть съ двора невѣстокъ, пустить сиротъ въ люди?», спрашиваетъ онъ себя. Но сейчасъ отвѣчаетъ:

Кто у Бога просить
Да работать любить,
Тому невидимо
Господь посылаетъ...

Лиха бѣда — въ землю
Кормилицу ржицу
Мужичку закинуть,
А тамъ Богъ уродитъ,
Микола подеобитъ...

Кольцовскіе герои, не знающіе счастья, преслѣдуемые судьбою, поразительно близки къ герою поэмы о Горѣ-Злосчастіи.

«Зла бѣда — не буря», говоритъ одинъ изъ нихъ, —

Горами качаетъ,
Ходитъ невидимкой
Губитъ безъ разбору,
Отъ ея напасти
Не уйти на лыжахъ;

Въ чистомъ полѣ найдеть,
Въ темномъ лѣсѣ сыщеть.
Чуешь только сердцемъ:
Придетъ, сядетъ рядомъ,
Объ руку съ тобою
Пойдетъ и поѣдетъ».

А въ поэмѣ мы читаемъ то же въ болѣе реальныхъ образахъ

Полетѣлъ молодецъ яснымъ соколомъ,
А горе за нимъ — бѣлымъ кречетомъ.
Молодецъ полетѣлъ сизымъ голубемъ,
А горе за нимъ — сѣрымъ ястребомъ.
Молодецъ пошелъ въ полѣ сѣрымъ
волкомъ,

А горе за нимъ — съ борзыми вы-
жлеці.
Молодецъ сталъ въ полѣ ковыль-трава,
А горе пришло — съ косою вострою...
Молодецъ пошелъ пѣшь дорогою,
А горе — подъ руку подъ правую.

Правда, кольцовскихъ героевъ не избавляетъ отъ злой судьбы «спасенный путь», какъ отъ горя-злосчастія молодца поэмы; они въ концѣ концовъ не идутъ «въ монастырь постригаться», какъ онъ; для нихъ нѣтъ другого исхода, кромѣ упорнаго терпѣнія и выжиданія. «Можетъ, наша радость, говорятъ они, живетъ за горами. Если нѣтъ, у моря сядемъ да дожждемся; безъ любви и съ горемъ жизнью наживемся!».

Бодрость духа, энергія, готовность не останавливаться предъ препятствіями и опасностями, отличавшія допетровскую Москву и, кажется, совсѣмъ уже потерянная преобразованной Россіей, бьютъ ключомъ въ кольцовской поэзіи. Въ кольцовскихъ «пѣсняхъ», какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, постепенно слышится «сердечная тоска», глубокая и искренняя, совсѣмъ не похожая на нытье и вой, часто безпричинные, еще чаще дѣланные, — русскихъ поэтовъ XIX столѣтія. Кольцовскій герой чувствуетъ, что «въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки» онъ «родился на свѣтъ»; но вспоминаетъ, что онъ такое:

У меня ль плечо	Въ молокоѣ загля
Шире дѣдова;	Зорю красную;
Грудь высокая —	Кудри черныя
Моей матушки;	Лежать скобкою;
На лицѣ моемъ	Что работаю,
Кровь отцовская —	Все мнѣ спорится!

И онъ быстро находитъ себѣ блестящій выходъ изъ нагрязнувшей «горести».

Но знакомство съ произведеніями Жуковского и Пушкина не прошло для Кольцова даромъ. Кольцовскія «пѣсни» — отзвукъ и этихъ поэтовъ. Онѣ обязаны Жуковскому и Пушкину смѣлостью и силой своего поэтического языка, гармоніей и оригинальностью стиха, свѣжестью содержанія, всѣмъ тѣмъ, что дѣлаетъ Кольцова поэтомъ-одиночкой, что поставило его особнякомъ въ исторіи русской литературы.

Кольцовъ имѣлъ много желавшихъ ему подражать; послѣ него много было подобныхъ ему писателей изъ народа, писателей-самоучекъ. Но ни одинъ изъ нихъ не далъ ничего похожаго на кольцовскія «пѣсни». Никто изъ нихъ не соединилъ въ себѣ такъ тѣсно народной русской старины съ пушкинской новизною, не переработалъ такъ талантливо своего подъ воздѣйствіемъ чужого и не вышелъ на свой собственный путь. Всѣ они пошли по протореннымъ дорогамъ, слѣдую моднымъ въ ихъ время теченіямъ; не обладая такимъ крупнымъ дарованіемъ какъ Кольцовъ и не превосходя Кольцова образованіемъ, они затерялись въ рядахъ мелкихъ писателей новѣйшей русской литературы и сошли съ исторической арены почти никѣмъ не замѣченные.

А. Соболевскій.

Пѣсня, какъ особый видъ русской искусственной поэзіи, явилась еще въ XVIII вѣкѣ. Но сначала это была пѣсня, представлявшая только подражаніе французской ложноклассической пѣсенкѣ, а народный бытъ появлялся въ этой поэзіи въ идилліяхъ и буколикахъ. Во второй половинѣ XVIII вѣка появилась въ русской литературѣ и народная пѣсня, правда, значительно подправленная и изукрашенная, не только въ пѣсенникахъ, но и комическихъ операхъ. Однако,

въ XVIII вѣкѣ и даже въ началѣ XIX въ русской литературѣ отличали и пѣсни нѣжныя, свѣтскія отъ простонародныхъ. Эти нѣжныя пѣсни явились подъ вліяніемъ сентиментальнаго направленія. И тѣ и другія не имѣли ничего общаго съ русской народной пѣсней, но распѣвались образованнымъ обществомъ вмѣстѣ съ романсами. Нелединскій-Мелецкій, Мерзляковъ, Дельвигъ и Цыгановъ сблизили искусственную пѣсню съ русскою народною пѣсней, но такъ, что перевѣсъ остался на сторонѣ искусственной пѣсни. Въ этихъ пѣсняхъ, большею частью, мы встрѣчаемъ заимствованія изъ народныхъ пѣсень то отдѣльныхъ стиховъ, то сравненій; у Цыганова встрѣчаются даже народныя пѣсни, переправленныя въ языкъ и въ тонъ. Дельвигъ имѣлъ особенное вліяніе на Кольцова, но не только пѣснями, а вообще всей своей поэзіей. Иногда у Дельвига можно найти искусственные мотивы, которые переродились у Кольцова въ народные. Вотъ, напр., слѣдующій, «Хата» Дельвига:

Мѣсяцъ свѣти — не свѣти, а дорогу навѣрно любовникъ
Къ робкой подругѣ найдетъ.
Скрой меня, бурная ночь! заметай слѣды мои, вьюга,
Вѣтеръ холодный бушуй вокругъ хаты Лизеты прекрасной.

У Кольцова:

Мѣсяцъ будь, иль не будь —	И до ночи метель
Конь дорогу найдетъ;	Снѣгомъ путь весь закрой,
Самъ лукавый впотѣмахъ	Безъ дороги, чутѣмъ,
Съ ней его не собьеть.	Сыщеть домикъ онъ твой...

Кольцовъ, какъ и всякій талантливый писатель, бралъ свои нѣкоторые сюжеты изъ сочиненій предшественниковъ и современниковъ. Какъ часто при этомъ замѣчается, сильный талантъ беретъ чаще эти сюжеты изъ сочиненій слабыхъ писателей, чтобы представить ихъ въ лучшей формѣ, въ полномъ развитіи. И въ поэзіи Кольцова можно найти нѣкоторое отношеніе къ стихотвореніямъ русскихъ поэтовъ-самоучекъ. Изъ этихъ стихотвореній въ русской литературѣ 1830 и 31 гг. пользовалась особенной извѣстностью сельская поэма Слѣпушкина, подъ названіемъ «Четыре времени года русскаго поселянина». Поэма была написана, по совѣту и указаніямъ ученыхъ друзей Слѣпушкина, въ родѣ «Четырехъ временъ года» Томсона, Попе и др., но содержаніе ея заключается въ изображеніи трудовъ и удовольствій русскихъ поселянъ. Эта сельская поэзія Слѣпушкина, при всѣхъ ея недостаткахъ, могла имѣть нѣкоторое значеніе въ выборѣ Кольцовымъ сюжетовъ «Урожая», «Косаря», и особенно «Крестьянской пирушки».

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ поэмы Слѣпушкина въ соотвѣстствіи съ «Крестьянской пирушкой» Кольцова:

Гостей старинушка ведетъ,	Ихъ просить пивомъ жатвы новой;
За столъ дубовый ихъ сажаетъ,	Вотъ старики заговорили:
Друзей по лавкамъ, на скамьѣ,	Кто сколько хлѣба съ поля снялъ,
И всѣхъ честить ихъ, угощать.	И много ль сѣна накосили?
И сынъ привѣтливъ молодой,	

Точно такъ же и въ описаніи весенней грозы, послѣ которой:

Испили класы золотые, Отъ влаги зрѣютъ и растутъ.
Озимый потучнѣлъ загонъ, И земледѣльцы счастья ждуть,—
И вотъ посѣвы ярые

можно видѣть слабый намекъ на «Урожай». Эти стихотворенія Слѣпушкина, въ которыхъ на каждомъ шагу проглядываетъ сладенькая идиллія, съ поддѣлкой не столько подъ народный языкъ и воззрѣнія, сколько съ поддѣлкой подъ складъ художественныхъ идиллій Гнѣдича, Дельвига и др., были расхвалены въ 1830 г. въ литературной газетѣ Дельвига за «правду описаній, которыя знакомы пѣвцу-поселянину не по слуху». Дельвигоу становить за это Слѣпушкина выше многихъ второстепенныхъ русскихъ стихотворцевъ, подражателей Пушкина и Баратынскаго. Но съ кѣмъ бы онъ долженъ былъ сопоставить Кольцова, если бы могъ сравнить его описанія съ соотвѣтствующими описаніями Слѣпушкина?

Какъ ни ставятъ высоко поэзію Кольцова, но обыкновенно разсматриваютъ ее внѣ вліянія европейской иностранной литературы.

Кольцовъ могъ имѣть нѣкоторыя свѣдѣнія по журнальнымъ статьямъ 1829 и 1837 годовъ о личности и пѣсняхъ знаменитаго англійскаго народнаго поэта Роберта Борнса. Можно бы найти нѣсколько общихъ мотивовъ у Кольцова какъ съ Борнсомъ, такъ и съ другимъ народнымъ поэтомъ, Беранже, хотя бы, напр., въ изображеніи бѣдняка, въ отношеніи къ земледѣльческому труду, къ произрастанію хлѣба, къ цвѣтамъ, къ животнымъ и проч. Сюда бы можно присоединить и нѣмецкаго поэта Гебеля. Если пѣсни Беранже, которыя долго были неизвѣстны въ русской литературѣ, могутъ быть только сопоставлены съ пѣснями Кольцова, то пѣсни Борнса и стихотворенія Гебеля могли быть и извѣстны Кольцову по переводамъ Козлова и Жуковскаго.

Говорятъ, что Кольцовъ стоитъ одиноко въ русской литературѣ, и сравниваютъ его въ этомъ отношеніи съ Крыловымъ. Но это не совѣмъ справедливо. Вліяніе поэзіи Кольцова живо чувствуется у Некрасова, у Никитина и отражается вообще въ русской литературѣ съ сороковыхъ годовъ. Но, дѣйствительно, и до сихъ поръ поэзія Кольцова сохраняетъ свою особенную прелесть и къ ней приложимо собственное же опредѣленіе поэта:

У тебя ль была...

Заливная пѣнь

Рѣчь высокая,

Соловьиная...

Сила гордая...

Владимировъ.

Кольцовъ и народная лирика.

Исторія русской литературы отводитъ Кольцову видное мѣсто, какъ поэту, воплотившему въ своихъ твореніяхъ русскую народную пѣсню. Въ формахъ и оборотахъ рѣчи, въ стихотворномъ размѣрѣ, въ художе-

ственныхъ образахъ мы слышимъ отзвуки народной лирики. Но нельзя сказать, чтобы народныя художественныя формы цѣликомъ, безъ обработки, были внесены Кольцовымъ въ его поэзію. Тонкое чувство мѣры постоянно сказывается у Кольцова въ выборѣ формъ и образовъ. То же можно сказать и о содержаніи пѣсенъ Кольцова. Извѣстно, что Кольцовъ собиралъ произведенія народнаго творчества. Темы многихъ пѣсенъ Кольцова сходны съ темами народныхъ пѣсенъ, но разработка Кольцова всегда своеобразна. Сличенію Кольцовскихъ и народныхъ пѣсенъ по отношенію къ ихъ содержанію и посвящена настоящая статья ¹⁾

Пѣсни Кольцова составляютъ особый отдѣлъ въ его произведеніяхъ, заключающій въ себѣ слѣдующіе №№ (по Академическому изданію 1909 г.): 3, 4, 9, 16, 27, 52—55, 62, 65, 66, 68, 70—75, 84—87, 89—92, 97, 99—101, 104, 106, 108, 112—115, 118, 119, 121, 123—125, 128—134, 136, 138—141, 143—145, 147, 148, 154, 158. Что касается пѣсенъ, помѣщенныхъ въ Академическомъ изданіи подъ №№ 28, 29, 44, 63 («Теремъ», «Люди добрые, скажите», «Совѣтъ старухи», «Домъ лѣсника»), то онѣ нами оставлены, такъ какъ стоятъ въ непосредственной зависимости отъ поэзіи Жуковскаго и Пушкина. Двѣ «старыхъ пѣсни» (№№ 149, 150 «Старая пѣсня», «Еще старая пѣсня») не относятся къ лирикѣ, а представляютъ попытки Кольцова писать въ эпическомъ родѣ, почему нами тоже не разбираются. Остальныя 63 пѣсни Кольцова можно раздѣлить на 4 отдѣла: 1) пѣсни, гдѣ изображается судьба молодца, 2) пѣсни, гдѣ говорится о любви молодца и дѣвицы, 3) пѣсни, гдѣ говорится о крестьянскомъ трудѣ и хлѣбѣ, 4) одна только пѣсня, «Лѣсъ», гдѣ эпическіе мотивы переплетаются съ высоко лирическимъ одушевленіемъ, для котораго картина природы является подходящимъ объектомъ. Надо сказать, что въ народной лирикѣ мы не встрѣчаемъ соотвѣтственной пѣсни. Отдѣльные мотивы изъ жизни природы весьма обычны, какъ мы увидимъ далѣе, для нашихъ народныхъ пѣсенъ; но того, чуть ли не митическаго проникновенія въ таинства природы, которое мы невольно чувствуемъ въ стихотвореніи Кольцова, нашъ народъ не знаетъ. Воспользовавшись отдѣльными народными формами и образами, Кольцовъ сумѣлъ создать нѣчто совершенно оригинальное. Стихотворенія третьяго отдѣла (№№ 118 «Что ты спишь, мужичекъ?» 62 «Пѣсня пахаря», 71 «Урожай», 54 «Крестьянская пирушка») также не имѣютъ соотвѣтствій въ народныхъ пѣсняхъ; отдѣльныя упоминанія объ урожаѣ, хлѣбѣ, въ нихъ встрѣчаются, но русскій народъ остался чуждъ восторженному объективированью своего труда. Подоб-

¹⁾ Это сличеніе уже отчасти производилось въ нашей литературѣ. См. примѣчанія и библиографію въ Акад. изданіи сочиненій Кольцова, 1909 г. При сличеніи мы пользовались изданіемъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ академика А. И. Соболевскаго. Въ концѣ каждой, приводимой нами, народной пѣсни мы указываемъ, откуда она взята, при чемъ пользуемся слѣдующими сокращеніями: Соб. = Соболевскій, римская цифра означаетъ томъ, арабская — № пѣсни. Вариантовъ не приводимъ.

ные факты сознания присущи лишь глубоко сознающей себя личности и не могут явиться въ народной лирикѣ, гдѣ личность поэта не играетъ никакой роли, гдѣ каждая пѣсня по плечу каждому. Картины пирушки, угощенья свойственны, главнымъ образомъ, любовнымъ народнымъ пѣснямъ и заканчиваются довольно циничными откровенностями. Такимъ образомъ намъ остается заняться сличеніемъ народныхъ параллелей лишь съ тѣми пѣснями Кольцова, которыя мы отнесли къ первому и второму отдѣламъ.

Первый отдѣлъ состоитъ изъ 24 стихотвореній, мотивами которыхъ является описаніе того, какъ молодецъ идетъ въ солдаты; жалобы молодца на горе, его преслѣдующее, на судьбу; тоска по юности, по одиночеству; удалъ молодца.

О молодцѣ, уходящемъ въ солдаты, говоритъ «Военная пѣсня» Кольцова (№ 133). Мотивы прощанья:

Ты прости теперь, отецъ и мать, Ты прости теперь, и степь и лѣсъ,
Ты прости теперь, мой милый другъ, Дорогая жизнь, весь бѣлый свѣтъ,

находятъ себѣ соотвѣтствіе въ народныхъ пѣсняхъ:

Въ барабаны стали бить, Прощай, любезная моя,
Прочь отъ родичей пошли, Прощай, любезная моя!
Прощай мать, прощай отецъ, Не видать больше меня! (Соб. VI, 80)

или

Вы прощайте, мать-отецъ родные, Прощайте, братья и друзья!
Простите сына своего! Ты прощай, душа красна дѣвица!
Ты прощай, любезная сестрица! Ты прощай, родная сторона! (Соб. VI, 108).

Обращеніе къ природѣ, хотя и не въ той формѣ, какъ у Кольцова, встрѣчается въ народной лирикѣ. Молодецъ, отправляясь въ солдаты, обращается къ вѣтру и лѣсу:

Ужъ вы, вѣтры мои, вѣтерочки, Не мотайте, вѣтры, въ бору сосну!
Ваши тонки голосочки! (Соб. VI, 23).
Вы не дуйте, вѣтры, на лѣсочки,

Обращеніе солдата къ штыку, къ саблѣ, какъ къ товарищу, къ сестрѣ:

Гей, товарищъ мой желѣзный штыкъ! Гей, сестра, ты — сабля острая!
вообще, бравое солдатское настроеніе Кольцовской пѣсни несомнѣнно навѣяно извѣстной солдатской пѣсней, въ которой, между прочимъ, говорится:

Наши сестры — штыки, сабли остры (Соб. VI, 151).

«Вторая пѣсня Лихача Кудрявича» (№ 90) говоритъ о горѣ, которое преслѣдуетъ молодца. Начинается пѣсня съ обращенія къ кудрямъ, которые

Съ горести — печали Любить ихъ забота:
Русые сѣкутся; Полюбить забота, —
Ахъ, сѣкутся кудри! Не чесеть и гребень!

Кудри занимають не послѣднее мѣсто въ горестныхъ народныхъ пѣсняхъ. Мотивъ этотъ типично народный.

Ахъ ты, участь моя, участь, Распущу я ихъ по вѣгрю. (Соб. III, 447).

..... А и горе, горе, гореваньще!

Я поѣду во торжочекъ;

Расчешу ль я свои кудри, Не бывать плѣштому кудрявому (Соб. I,

Расчешу ль я свои русы. 446)

Я возьму свои очески,

говорится въ другой пѣснѣ. Горе вездѣ достанетъ человѣка и въ полѣ и въ лѣсу:

Отъ ея напасти Чуешь только сердцемъ:

Не уйти на лыжахъ: Придетъ, сядетъ рядомъ,

Въ чистомъ полѣ найдеть, Объ руку съ тобою

Въ темномъ полѣ сыщеть. Пойдетъ и поѣдетъ...

О томъ же говорить въ народной пѣснѣ дѣвушка:

На меня, бѣдную, навязалось!

А найду я, сыщу тебя, горькую!»

Я не знаю какъ быть,

Не достала, какъ мнѣ горе избыть!

«Порублю я, поѣмку въѣмъ темны лѣса,

Ужъ я отъ горя въ чисто поле;

А найду я тебя, горемычную!» (Соб. I,

Оглянусь я назадъ, горе за мной идетъ,

443).

За мной идетъ, вслѣдъ грозитъ:

А я отъ горя въ темны лѣса —

«Ужъ я выжну, выжну все чисто поле,

А горе прежде вѣкъ зашелъ,

жалуется молодець. Кольцовъ далѣе изображаетъ сердечную боль:

И щемить и ноетъ,

Все — изъ рукъ-вонъ плохо,

Болишь ретивое:

Нѣтъ ни въ чемъ удачи.

Соотвѣтственно этому пѣсня поетъ:

Ахъ ты, сердце мое, сердце

Ничего ты мнѣ не скажешь,

Ретивое, молодецкое,

Что ни радости, ни печали

Къ чему ноешь — завываешь?

И ни той бѣды и напасти! (Соб. VI, 579).

Наконецъ, горе выражается и во внѣшнемъ видѣ человѣка:

Старые лаптишки

На плечи натянешь;

Безъ онучь обуешь;

Бороду вскосматишь,

Кафтанишко рваной

Шапку нахлобучишь.

Народу хорошо извѣстна эта сторона горя:

А и въ горѣ жить — некручинну быть,

А и лыкомъ горе подпоясалось,

Нагому ходить не стыдиться.

Мочалами ноги изопутаны. (Соб. I,

446).

Уже въ этомъ мотивѣ мы видимъ отличие творчества Кольцова отъ народнаго. Народъ самую внѣшность бѣдняка переноситъ на горе и, вообще, выражаетъ горе въ разѣ навсегда опредѣленныхъ фразахъ¹⁾. Кольцовъ же, сопоставляя мотивы отдѣльныхъ пѣсень, создаетъ цѣльный образъ, примѣнимый лишь къ отдѣльнымъ явленіямъ

¹⁾ Ср. также, на ряду съ вышеприведенными пѣснями, и съ поэмой «Горе-зло-счастіе».

нашей социальной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ стихотвореніи Кольцова можно замѣтить массу индивидуальных настроеній, объясняемыхъ личностью автора. Полнаго соответствія стихотворенію Кольцова, не представляетъ ни одна народная пѣсня.

Рядомъ съ пѣсней Лихача Кудрявича, народность настроенія которой была оцѣнена давно, можно поставить еще три пѣсни, выражающія жалобы на горькую долю (№№ 113 «Пѣсня», 123 «Дума Сокола», 143 «Пѣсня»). Въ одной изъ этихъ пѣсень Кольцовъ говоритъ о горькой долѣ, преслѣдующей бѣдняка до сѣдыхъ волосъ:

Горемышной долѣ
Нѣтъ нигдѣ привѣта:
До сѣдыхъ волосъ любовью
Душа не согрѣта.

Доля жъ, моя доля!
Гдѣ ты запропала?
До поры, до время,
Въ воду камнемъ пала?

А народная пѣсня поетъ:

Ты, таланъ ли мой, таланъ худой,
Ужъ ты, участь моя горькая!
На роду ты мнѣ, участь, досталася,
Что отъ молодости вплоть до старости,

До сѣдого бѣла волоса!
Ты, таланъ ли мой, таланъ худой.
Ужъ ты, участь моя горькая. (Соб. IV,
85).

Въ стихотвореніяхъ «Дума сокола» и «Доля бѣдняка» слышатся жалобы на отсутствіе воли, на связанные крылья.

Иль у сокола
Крылья связаны,

Иль пути ему
Всѣ заказаны.

Рѣчи вольныя
Всѣ какъ связаны;

Чувства жаркія
Мрутъ безъ отзыва...

Сопоставленіе воли и крыльевъ встрѣчается и въ народной поэзіи:

Сердечко, да сердеченко,
Сердечко печально,
Тужить безпрестанно
Все по прежней волюшкѣ...

Кабы прежняя волюшка,
Нажила бы крылья,
Крылья лебедины. (Соб. III, 86).

Въ стихотвореніи «Путь» (№ 112) встрѣчаемъ (какъ въ № 113) горькую долю рядомъ съ упоминаніемъ о старости; но это стихотвореніе, глубоко народное по своему выраженію твердости передъ судьбой (вспомнимъ: «А и въ горѣ жить — некручинну быть»), настолько своеобразно по развивающимся въ немъ чувствамъ, что въ народной лирикѣ мы полнаго соответствія не находимъ. То же надо сказать о стихотвореніи «Расчетъ съ жизнью» (№ 139), которое, вообще, отделяется отъ народныхъ мотивовъ.

Вмѣстѣ съ жалобой на горе, которое преслѣдуетъ съ юности до старости, вмѣстѣ съ воспоминаніемъ о прежней силѣ, на первый планъ выступаетъ тоска по молодости. Таково стихотвореніе «Перепутье» (№ 131). Молодость прошла несчастливо, остается домаять вѣкъ въ чужихъ людяхъ.

До чего ты, моя молодость,
Довела меня, домыкала,
Что ужъ шагу ступить некуда,
Въ свѣтѣ бѣломъ стало тѣсно мнѣ!

Что жъ теперь съ тобой, удалая,
Пригадаемъ мы, придумаемъ?
Въ чужихъ людяхъ вѣкъ домаять ли?

Протекшая молодость и тяжесть работы въ чужихъ людяхъ сопоставляются въ слѣдующей народной пѣснѣ:

Молодость молодецкая	За единь часъ, за минуточку.
Молодецкая безотецкая,
Не запомню я, когда ты прошла,	Все прошло мое, прокатилося
Прошла ты, прокатилася!	Не въ гульбахъ, да въ прохладахъ, —
Пера-времечко скоро миновалось —	Во работушкахъ тяжелыхъ,
За единь часъ показалось,	Въ чужихъ людяхъ добрыхъ. (Соб. VI, 75).

Далѣе, въ томъ же стихотвореніи, Кольцовъ указываетъ, что молодость прошла не въ работѣ, а въ гуляньѣ, т.-е. обратно той народной пѣснѣ, которую мы только что привели.

По людямъ ходить, за море плыть —	А у насъ съ тобой давно ихъ нѣтъ;
Надо кровь опять горячую;	Мы, гуляя, — все потратили,
Надо силу, силу прежнюю,	Молодую жизнь, до времени,
Надо волю безотмѣнную.	Какъ попало — такъ и прожили!

Мы видимъ, что молодость потрачена напрасно, когда была еще сила — за море плыть. Здѣсь только намекъ на «чужую дальнюю сторону», а въ народной пѣснѣ объ этомъ говорится прямо:

Ты, молодость, моя молодость,
Молодость молодецкая!	И прошла ты, моя молодость,
Истаскаль я тебя, молодость,	Прошла миновалася.
По чужой дальней сторонѣ,	Не въ корысти она, не въ радости!
По крутымъ горамъ, по горамъ высоко-	(Соб. III, 423).
кимъ,	

Въ другой пѣснѣ поется:

Ой, ты, молодость, моя молодость,	Ты когда прешла, прокатилася?
Моя буйная, разудалая,	Не въ корысти прошла, молодость, не
Красота ли моя молодецкая!	въ радости. (Соб. III, 425).

Въ стихотвореніи «Горькая доля» (№ 91) та же тоска по молодости и сгубленной съ нею силѣ:

Сила молодая
Съ тѣломъ износилася.

Молодецъ терпитъ страданія даже отъ природы:

Какъ былинку, вѣтеръ	Зима лицо знобить,
Молодца шатаетъ;	Солнце — сожигаетъ.

А въ народной пѣснѣ, сравнивающей молодость съ камушкомъ, поется:

Излежался, мой камушекъ,	Противъ солнышка,
Ты на крутой горѣ,	Да ты врозь разсыпался.
Противъ жара, камушекъ,	(Соб. III, 423).

Кончается стихотвореніе «Горькая доля» все той же народной мыслью о безотвязности горя. Но перечисленные мотивы народной поэзіи не составляютъ всего содержанія двухъ приведенныхъ пѣсней Кольцова, изображающихъ тоску по юности.

Одна изъ «Пѣсенъ» Кольцова, № 124, посвященная воспомина- нямъ о той же молодости, весьма близка и по основной мысли и по композиціи къ народной пѣснѣ. Кольцовъ рисуетъ картину при- роды, затѣмъ въ параллель приводитъ молодость, печально прошед- шую безъ «любви—души». Народная пѣсня въ началѣ также обращается къ природѣ, далѣе переходитъ къ горькой молодости, сокрушившейся отъ любви:

Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,	Или участь моя горькая,
Или участь моя горькая,	На роду ли то написано,
Иль звѣзда моя злосчастная...	Чтобъ во все дни горе мыкати;
Высоко звѣзда восходила,	Съ молодыхъ ли дней печаль узнать:
Выше свѣтла мѣсяца.	Старый вѣкъ мой приближается,
Что затмила красно солнышко...	Моя младость сокрушается...
Ахъ таланъ ли мой, таланъ таковъ,	Сокрушила красна дѣвица.

(Соб. VI, 466).

Конечно, картина природы у Кольцова, ея поэтичность и бо- гатство изображенія, гораздо выше, чѣмъ трафаретное сравненіе судьбы со звѣздой, затмившей мѣсяць и солнце; но Кольцовъ та- лантливо и своеобразно развиваетъ мотивъ, уже данный въ народ- ной лирикѣ. Тотъ же мотивъ слышится въ другой «Пѣснѣ» (№ 136), но настолько самостоятельно разработанной, что мы не видимъ ей соотвѣтствія въ народномъ творествѣ. Стихотвореніе «Размышленіе поселянина» (№ 66), въ которомъ воспоминанія о ^м молодости пере- плетены съ благоговѣйными представленіями о «кормилицѣ-ржицѣ», имѣетъ только отдѣльныя выраженія, сходныя съ народными. Мотивъ «Пѣсни старика» (№ 55), кажется, вовсе чуждъ народнымъ пѣснямъ.

Къ пѣснямъ, выражающимъ жалобу на свою долю, непосредственно примыкаютъ пѣсни, гдѣ горькая доля опредѣляется одиночествомъ.

Стихотвореніе «Раздумье селянина» (№ 85) уже сличалось съ народными пѣснями. Сближеніе съ пѣсней, начинающейся словами:

Да спасибо тебѣ, синему кувшину:
Разогналъ ты мою-всю тоску-кручину!

на мой взглядъ не вполне удачно. У Кольцова вовсе не указы- вается на столѣ синій кувшинъ. Въ дальнѣйшемъ же содержаніи пѣсни о синемъ кувшинѣ (см. Соб. III, 524—527) мы видимъ, дѣй- ствительно, выраженіе желанія взять себѣ «жену молодую»; но въ народной пѣснѣ молодая жена приходитъ на смѣну умершей, оставившей плачущихъ дѣтей, которымъ новая мать — «мачеха ли- хая». Грусть-тоска въ народной пѣснѣ — результатъ горькой семей- ной жизни, а въ пѣснѣ Кольцова — результатъ одиночества. Мотивы содержанія той и другой совершенно различны. Близко къ стихо- творенію Кольцова стоитъ другая пѣсня, гдѣ молодець именно въ одиночествѣ размышляетъ о женитьбѣ:

Ты, дума моя, думушка,	Пригадай, дума крѣпкая:
Ты, дума моя, крѣпкая!	Жениться ль добру молодцу,
Ты, придумай мнѣ, думушка,	Иль вѣкъ холосту быть?

(Соб. III, 403).

Велѣдъ за вступительной мысли пѣсня Кольцова говоритъ:

Нѣтъ у молодца

Друга вѣрнова,

а въ другой народной пѣснѣ поется:

А какъ при горѣ, при кручинѣ,

Еще нѣтъ у молодца друга и брата.

(Соб. III, 231).

Но какъ только Кольцовъ касается «бороны-сохи, коня-пахаря», такъ мы уже не находимъ аналогій въ народной поэзіи. Въ концѣ пѣсни Кольцова минорный тонъ усугубляется воспоминаніемъ о чужихъ людяхъ, среди которыхъ вся сила истрачена. Народная лирика также представляетъ тому примѣры:

Что кручиненъ добрый молодець, печалень:

Сударыни-матушки не помню;
Вспоили вскормили чужіе люди.

Малешенекъ отъ батюшки остался;

(Соб. III, 232).

Подобнымъ мотивомъ о тяжелой жизни средь чужихъ людей начинается стихотвореніе Кольцова «Тоска по волѣ» (№ 114), главнымъ содержаніемъ котораго является упрекъ покинувшимъ молодца товарищамъ.

Гдѣ жъ друзья мои — товарищи?

А теперь, какъ крылья быстрыя

Куда дѣлись? разлетѣлись?

Судьба злая мнѣ подрѣзала,

.....

И друзья, мои товарищи,

Знать забыли время прежнее

Одново меня всѣ кинули...

.....

Совершенно сходный мотивъ представляетъ народная пѣсня:

А я ли, добрый молодець — неудачный...

А какъ нынѣ добру молодцу безвременье:

Когда было молодцу пора и время,

Отецъ и мать дѣтинушку не влюбили;

Отецъ и мать меня любили,

Весь родъ-племя удалаго не узнали;

Сестры, братья и родъ-племя хвалили,

Друзья всѣ и пріятели позабыли.

Друзей у молодца было много.

(Соб. III, 263).

Двѣ пѣсни Кольцова (№№ 128, 132) изображаютъ, одна — дѣвицу, а другая — молодца, тоскующихъ въ одиночествѣ, которое особенно тяжело въ темну ночь.

То ли дѣло — вдвоемъ

Друга жаркой рукой

Зимню ночь коротать,

Ко груди прижимать,

говорить одна пѣсня, а другая —

Во сырой мглѣ,

Въ эту пору.

За туманами,

Непогожую,

Только ночка

Одному жить —

Лишь чернѣется...

Сердцу холодно.

Народной поэзіи подобный мотивъ свойственъ.

Ахъ ты, ноченька, ночка темная,

Какъ осеннюю проводить будетъ?

Ты, темная ночка осенняя!

Нѣтъ ни батюшки, ни матушки,

Какъ мнѣ ноченьку коротать будетъ,

Нѣтъ ни брата, ни родной сестры...

(Соб. III, 233).

Конечно, въ народной поэзіи нечего искать того богатства и своеобразія разработки этого сюжета, какое мы видимъ у Кольцова въ только что упомянутыхъ пѣсняхъ.

Въ «Пѣснѣ» № 144 Кольцовъ говоритъ отъ лица молодца, жившаго въ лѣсу и до зари ходящаго «подъ дорогой». Очевиденъ намекъ на принадлежность пѣсни разбойнику; ему надоѣла безпкойная жизнь, онъ хочетъ жениться. Народная пѣсня тоже поетъ о желающемъ жениться разбойникѣ, хотя тоже не называетъ его прямо таковымъ; въ этомъ заключается особый художественный приемъ народной лирики, отлично понятый Кольцовымъ. Но у Кольцова пѣсня кончается свѣтлой надеждой:

И начну съ ней жить —
Припѣваючи...

а народная пѣсня — печально. Приведемъ ее въ сокращеніи:

Головка — головушка побѣдненькая,
Безъ отца росла, безъ матушки...	Завитны кудерышки, по плечамъ ле-
Голова побѣдненькая, молодецкая, жать,
Кто жъ тебя, головушку, вскормиль-	Развиться хотятъ, жениться велятъ:
.....
.....	Радъ бы я жениться, — некого взять:
Незнакомая — Волга-матушка	Крестьяночку взять — лѣтъ я работать.
Волга-матушка, легка лодочка!	(Соб. III, 234).

Мы отмѣтили у Кольцова пять пѣсенъ, въ которыхъ выражена тоска одиночества, и которыя находятъ себѣ соотвѣтствіе въ мотивахъ народныхъ пѣсенъ. Одна пѣсня Кольцова, № 138, такого соотвѣтствія не имѣетъ. Ея содержаніе состоитъ изъ противоположенія обилія внѣшнихъ благъ одинокой грусти сердца. Нѣсколько искусственный мотивъ этой пѣсни отзывается романтизмомъ въ послѣднемъ куплетѣ.

Разсмотрѣнныя нами пѣсни съ сюжетомъ «Тоска по своему одиночеству» близко подходятъ къ любовнымъ пѣснямъ, составляющимъ большую часть пѣсенъ Кольцова. Но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, обратимъ вниманіе на тѣ пѣсни, которыя изображаютъ удалъ молодца; ихъ всего четыре (№№ 68, 89, 104, 148).

Пѣсня «Удалецъ» (№ 68) представляетъ собой разбойничью пѣсню. Несмотря на то, что русскій народъ знаетъ не мало ухарскихъ разбойныхъ пѣсенъ, нѣтъ ни одной, которая бы подошла къ вышеупомянутой пѣснѣ Кольцова.

Другой пѣсней, воспѣвающей удалъ, является «Первая пѣсня Лихача Кудрявича» (№ 89). Среди народныхъ мотивовъ можно указать тотъ, который любовно рисуетъ намъ кудри молодца. Вспомнимъ популярно въ народѣ пѣсню «Кому мои кудри, кому мои русы достанутся расчесать?» Но эта пѣсня по своему содержанію не представляетъ никакого соотвѣтствія «Первой пѣснѣ Лихача Кудрявича», для которой, вообще, не существуетъ народныхъ параллелей.

То же мы должны сказать и о пѣсняхъ подъ №№ 104 «Въ полѣ вѣтеръ воетъ»... и 148 «Какъ здоровъ да молодъ». Напоминаемъ здѣсь, что мы не говоримъ о сходствѣ отдѣльныхъ образовъ, выражений, языка; въ этомъ отношеніи можно было бы подыскать множество сходнаго въ народной лирикѣ. Мы же ищемъ въ народной лирикѣ и у Кольцова сходаства отдѣльныхъ пѣсенъ хотя бы въ общихъ чертахъ и мотивахъ ихъ содержанія. Почему мы не находимъ этого въ тѣхъ пѣсняхъ Кольцова, гдѣ выражается удаль молодца? Мнѣ думается, что это можно объяснить фактами біографіи Кольцова. Мы знаемъ, какъ рѣдко могъ проявлять Кольцовъ какую бы то ни было удаль; у него постоянно были «крылья связаны». Поэтому-то всякій мотивъ воли, широкаго размаха, былъ настолько имъ выстраданъ, что въ своемъ выраженіи принималъ глубоко субъективный отпечатокъ, оставляя далеко въ сторонѣ наивность народнаго творчества.

Перейдемъ теперь къ любовнымъ пѣснямъ Кольцова, которыхъ всего 34, на слѣдующіе мотивы: ожиданіе и встрѣча молодца и дѣвицы, дѣвица не идетъ къ разбойнику, запрещеніе молодцу любить дѣвицу и разлука молодца съ дѣвицей, прощанье молодца и дѣвицы, измѣна, женитьба, выходъ замужъ, воспоминанія другъ о другѣ, печальная любовь молодца и похищеніе дѣвицы молодцемъ.

Пѣсня Кольцова (№ 130), начинающаяся словами

Не на радость, не на счастье,
Знать, съ тобой мы, другъ мой, встрѣтились,

имѣетъ темой печальную любовь молодца; но эта печаль не отъ любви, а отъ бѣдности, отравляющей любовь. Для насъ представляется несомнѣннымъ, что эта пѣсня, можетъ быть болѣе тѣсно, чѣмъ всякая другая, связана съ личною жизнью поэта, и мы напрасно стали бы искать ей соответствія въ народной поэзіи.

Обратимъ вниманіе на слѣдующія двѣ строки:

На грудь полную ручкой бѣлоу
Ты во снѣ меня всю ночь зовешь.

Пожалуй, это единственная подробность въ чисто народномъ духѣ.

Стихотвореніе «Бѣгство» (№ 108) также не имѣетъ схожихъ народныхъ пѣсенъ. Бѣгство дѣвицы съ молодцемъ нерѣдко воспроизводится въ нашей народной лирикѣ, но тамъ никогда не встрѣтится того романтическаго и, въ дѣйствительности, лженароднаго тона, которымъ отличается данное стихотвореніе Кольцова, съ его попытками затронуть мотивы народной миеологіи. Двѣ указанныя пѣсни представляютъ исключеніе изъ любовныхъ пѣсенъ Кольцова, которыя по своему содержанію довольно близко стоятъ къ народнымъ пѣснямъ.

Ранѣе мы говорили о пѣсняхъ Кольцова, въ которыхъ выражается тоска по прошедшей молодости, одиночество. Это одиночество часто связано съ отсутствіемъ любимой дѣвушки. Одна народная

пѣсня, которую мы не привели выше, очень близка къ Кольцовскимъ пѣснямъ:

Сѣдина ль моя, сѣдинушка,	Изошелъ-то я, добрый молодець,
Сѣдина моя молодецкая,	Съ устья до вершинушки
Ты къ чему рано появилась,	Всю сибирекую сторонушку;
Во черны кудри вселилася?	Не нашель-то я, добрый молодець,
Ахъ ты, молодость моя, молодость,	Ни батюшки, ни матушки,
Ахъ ты, молодость молодецкая!	Ни братцевъ-то, ясныхъ соколовъ,
Я не чаялъ те измыкати;	Ни сестриць-то, бѣлыхъ лебедушекъ;
Ахъ, измыкалъ я свою молодость	А нашель-то я, добрый молодець,
Не въ житьѣ-бытьѣ, богатствѣ, —	Полоняночку красну дѣвицу.., (Соб. VI,
Во проклятомъ одиночествѣ!	12).

Съ этой пѣсней мы переходимъ къ пѣснямъ разбойничьимъ, къ которымъ могутъ, пожалуй, быть отнесены нѣкоторыя уже разсмотрѣнные нами стихотворенія Кольцова (№№ 108, 114). Особенно типична «Пѣсня разбойника» (№ 106). Начинается она съ описаній картинъ природы въ краткихъ, но яркихъ выраженіяхъ. Въ народныхъ разбойничьихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ то же:

Ой вы, доли мои, доли подкошенные,
Ой вы, горы мои, горы, горы свершенные! (Соб. VI, 11).

Среди этихъ картинъ Волга занимаетъ главное мѣсто. Волга — издавна арена дѣйствія нашихъ разбойниковъ.

А по Волгѣ, моей матушкѣ,	Вмѣстѣ съ братьями, за добычью
По родимой, по кормилицѣ,	На край свѣта леталъ соколомъ,

говорить Кольцовъ, а народная пѣсня поетъ:

Изошелъ я Волгу-матушку изъ конца въ конецъ (Соб. VI, 11).

Упомянутое Волги въ разбойничьихъ пѣсняхъ такъ часто и общеизвѣстно, что можно не приводить другихъ примѣровъ.

Въ цѣломъ, «Пѣсня разбойника» разработана Кольцовымъ внѣ связи съ народными мотивами. Дымка романтизма облекаетъ все стихотвореніе. Отказъ дѣвицы итти къ молодцу изъ-за боязни Страшнаго Суда не находитъ себѣ соотвѣтствія въ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ дѣвушки довольно скоро становятся «атамановыми полюбовницами». Правда, есть пѣсни, гдѣ дѣвица хочеть отвязаться отъ разбойниковъ, но вовсе не подъ давленіемъ какихъ-либо особенно глубокихъ религиозно-нравственныхъ соображеній, а просто влѣдствіе страха за свою участь и желанія воли, которой дѣвица не имѣетъ у разбойниковъ. Потому въ народныхъ пѣсняхъ слова дѣвушки къ разбойнику не отличаются той повышенной чувствительностью, которую мы видимъ у Кольцова, и направлены на предметы конкретные:

Посреди лодки — полоненая красная	«Атаманушка, родной мой батюшка!
дѣвица,	Не приказывай меня казнить — вѣ-
Есаулова родная сестрица,	шать,
Атаманова сполюбовница.	Прикажи меня поить кормить.
Она плачетъ, какъ рѣка льется;	На волю выпустить» (Соб. VI, 413).
Во слезахъ дѣвка слово молвила;	

Отъ пѣсни, гдѣ дѣвица не хочетъ любить молодца, перейдемъ къ другой «Пѣснѣ» Кольцова (№ 52), гдѣ молодцу запрещаютъ любить дѣвицъ. Стихотвореніе это написано несомнѣнно подъ вліяніемъ сентиментально-романтической поэзіи. Возьмемъ хотя бы такія выраженія: дѣвы милыя цвѣтутъ красотой, плѣняютъ добрыхъ юношей; сердца холодныя; любовь — богиня нѣжныхъ душъ, и дѣвъ и юношей святыня и кумиръ. Но основной мотивъ пѣсни — запрещеніе любить — находитъ себѣ мѣсто и въ народныхъ пѣсняхъ:

Злые люди говорятъ,
Любить дружка не велятъ (Соб. IV, 75).

Какъ и пѣсня Кольцова, русская пѣсня возстаетъ противъ этого запрещенія:

Не велятъ мнѣ, добру молодцу, Ходить буду, ходить,
За рѣченьку ходить. Красныхъ дѣвушекъ любавушекъ
За рѣченьку за быструю Любить буду, любить! (Соб. III, 242).

Мы допускаемъ, что этотъ мотивъ народной лирики послужилъ толчкомъ къ созданію разбираемой «Пѣсни» Кольцова, но и только. Кольцовское стихотвореніе и по формѣ и по духу является совершенно не народнымъ.

Два стихотворенія Кольцова говорятъ намъ о молодцѣ, котораго разлучили съ дѣвицей. Стихотвореніе «Деревенская бѣда» (№ 101) относится къ тѣмъ произведеніямъ Кольцова, которыя представляютъ намъ противорѣчія жизни бѣднаго крестьянина и трагедію, которая разыгрывается вслѣдствіе этого. Эти стихотворенія Кольцова находятъ мало соотвѣтствій въ народной лирикѣ. Вышеупомянутое стихотвореніе таковыхъ вовсе не имѣетъ; разработанное въ видѣ небольшого повѣствованія, оно сплошь представляетъ вымыселъ автора. Одинъ лишь мотивъ имѣетъ нѣкоторое сходство съ народнымъ творчествомъ. Авторъ, рисуя душевное состояніе своего героя, разлученнаго съ дѣвицей, дважды говоритъ типичной фразой:

Точно, грустно было на сердцѣ.

Близкими къ этой фразѣ словами характеризуются переживанія молодца при тѣхъ же обстоятельствахъ и народной пѣсней:

Соловей — соловейко молодой, Самъ не знаю, молодчикъ почему;
Ты не пой-ка рано весной, Только знаю, думаю: по той,
Не пой шибко, не пой громко, — По любезной по своей.
Не столь тошно будетъ молодцу, Что моя-то ли милая,
Не столь тошно, не столь грустно, Удалилась она отъ меня. (Соб. IV, 678).

Настроеніе разлученнаго съ дѣвицей молодца особенно сильно выражено Кольцовымъ въ его знаменитой пѣснѣ «Косарь» (№ 75). Пѣсня эта не разъ совпадаетъ съ мотивами народныхъ пѣсней, но какъ разъ въ ней отлично видно, какъ народные элементы своеобразно комбинируются Кольцовымъ по его собственнымъ вкусамъ и настро-

Кольцовъ, отъ лица косаря, обращается къ степи, какъ живому лицу:

Въ гости я къ тебѣ
Не одинъ пришелъ.

Въ народной поэзіи можно указать примѣръ такого же образа гостепріимной степи въ той казацкой пѣснѣ, которую мы только что цитировали:

Потихохоньку мы, помирнехоньку по камышь-травкѣ гуляли;
Мы просилися, казаченьки, у камышь-травки почевати.

(Соб. VI, 207).

Кольцовъ въ концѣ стихотворенія сравниваетъ подкошенную траву и засохшіе цвѣты съ молодцомъ, сохнущимъ отъ любви. Нѣчто подобное въ народной поэзіи мы уже приводили выше. Косарь прямо высказываетъ пожеланіе:

Зашуми, трава,	Головой землѣ!
Подкошбная	На ряду съ травой
Поклонись, цвѣты,	Вы засохните.

Въ одной народной пѣснѣ молодець говорить:

Сохни, блекни, подкошенная мелка трава! (Соб. III, 509).

Вслѣдъ за пѣснями, рисующими разлуку молодца съ дѣвицей, остановимся на тѣхъ пѣсняхъ Кольцова, которыя изображаютъ женитьбу молодца. Ихъ всего двѣ. Одна, «Женитьба Павла» (№ 73), рассказываетъ о томъ, какъ каждый изъ нѣсколькихъ молодцовъ хочетъ взять себѣ дѣвицу, которая прельстила ихъ своей пляской и пѣньемъ, и какъ дѣвица выбираетъ одного, дарившаго ей подарки. Пѣсня кончается свадебнымъ пиромъ. Народная поэзія имѣетъ пѣсни, гдѣ дѣвица привлекаетъ къ себѣ поклонниковъ своей красотой и пѣніемъ, при чемъ приводится и самая пѣсня дѣвицы, чего нѣтъ у Кольцова:

Крестьянская дочь,	«Ты рости, моя коса,
Худо выучена,	До шелкова пояса,
Очень вышколаена;	Всему городу краса,
Она по полу ходитъ,	Молодцамъ сухота,
Голову чешетъ,	Старымъ оханье,
Русу косу плететь,	Нездорованье!» (Соб. VI, 180).
Приговариваетъ:	

Есть въ народѣ пѣсни, которыя изображаютъ, какъ дѣвица выходитъ замужъ за молодца, предварительно узнавъ о немъ, каковъ онъ. Пѣсня кончается предложеніемъ играть свадьбу. Мотивъ, схожій съ Кольцовскимъ, но отличающійся тѣмъ, что инициатива выбора принадлежитъ молодцу, что, впрочемъ, предполагается и Кольцовымъ, хотя бы въ описаніи одаренія молодцемъ дѣвицы. Приведемъ народную пѣсню:

Ходилъ-гулялъ донской казакъ, самъ въ скрипку игралъ;
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ.
«Хорошая, пригожая, поди за меня!
Не пойдешь ты, — успокаешься, вспомнешь меня!» —

— «Пойтить было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя...
Сосѣдушки, голубушки, каковъ человѣкъ?...
Сосѣдушки, голубушки схвалили тебя:
Вино кури и пиво вари, — иду замужъ за тебя!» (Соб. II, 224).

Въ приведенной пѣснѣ нѣтъ изображенія того, какъ дѣвица красуется передъ молодцами; но эта пѣсня вмѣстѣ съ предшествующей исчерпываетъ все содержаніе стихотворенія Кольцова. Что касается перечисляемыхъ Кольцовымъ подарковъ, то почти все они встрѣчаются и въ народныхъ пѣсняхъ. Мы не нашли только «касандрику» (народная передѣлка названія матеріи «александрійки»). Китайка не разъ упоминается въ народныхъ пѣсняхъ:

Привезу тебѣ подарки —
Кумачу, китайки (Соб. IV, 353),

или

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо! (Соб. IV, 763).

Черевички также встрѣчаются въ народной пѣснѣ:

Я принесъ тебѣ обновки:
Черну шубу съ соболямъ,
Черевички со кистямъ. (Соб. IV, 417)

То же надо сказать и о платочкѣ;

Намъ подарочки носили,
Намъ на шею-то платочки
А на ручки перстенечки (Соб. IV, 296).

Очень часто встрѣчается перстень и именно золотой, вмѣсто котораго у Кольцова золотой вѣнецъ.

Пѣсня подъ названіемъ «Всякому свой таланъ» (№ 134) рисуется горькую долю молодца, взявшаго сварливую жену добровольно, хотя

Было кромѣ много дѣвушекъ,
И хорошихъ и талантливыхъ.

Несчастная женитьба на сварливой женѣ и ея противоположеніе сердечной дѣвушкѣ встрѣчается въ нашихъ пѣсняхъ, но чувства въ нихъ выражаются энергичнѣе, чѣмъ у Кольцова; нѣтъ его разслабленности и мечтательности:

Нападала роса на темны лѣса;
Нападала грусть-тоска на мила дружка,
Что на милаго дружка, все на Ванюшку.
Говорила я дружку, говорила, все приказывала:
Не женись-ка, мой дружокъ, ходи холостой, парень!
Если женишься, мой другъ, — впокоаешься;
Неравно тебѣ жена-жененка шельма те навязется!
Навязалась мнѣ жена — что лютая змѣя;
Что журить меня, бранить день до вечера (Соб. III, 426).

Кольцовъ указываетъ на разность сословій и состоянія, какъ на причину ссоръ. Жена, змѣя лютая, проживаетъ мужнино состояніе

на свою «боярскую» жизнь. Ближе стоит къ этому мотиву народная пѣсня о женѣ-модницѣ:

Родился маленекъ,	Взялъ жену модницу,
Женился глупенекъ,	Посадилъ во горницу (Соб. III, 445).

Но это единственный отрывокъ, сколько-нибудь подходящій къ стихотворенію Кольцова. Упомянутое о «талантливыхъ» дѣвушкахъ, столкновение на почвѣ сословности, жалоба на бѣдность, а особенно дѣланное остроуміе простонародныхъ разговоровъ выдають личный колоритъ творчества Кольцова.

Отъ несчастной женитьбы перейдемъ къ несчастному замужеству. Ему Кольцовъ посвятилъ двѣ пѣсни (№№ 99, 121). Особенно замѣчательна пѣсня:

Ахъ, зачѣмъ меня	За немилова —
Силой выдали	Мужа старова?

Уже указывалось на близость этой пѣсни къ народной — «Кабы на цвѣты да не морозы». Можно указать и другія пѣсни, близкія къ данному стихотворенію. Разберемъ его по порядку. Горе, причиной котораго является старый мужъ, не чуждо народнымъ мотивамъ:

Меня отдали	Голова болитъ;
Мужу старому.	Голова болитъ,
У меня молодой	Худо можетея (Соб. II, 392).

Въ народныхъ пѣсняхъ, какъ и у Кольцова, вышедшая замужъ дѣвица посѣщаетъ свой домъ и рассказываетъ матушкѣ о своемъ горѣ. Возможность такихъ посѣщеній предвидится заранее:

Матушка моя, я нѣга твоя,	Я по воду пойду, къ тебѣ забѣгу,
Не отдавай ты меня далеко отъ себя,	Про свое горе расскажу (Соб. II, 261).
Хоть отдай меня поближе къ себѣ!	

Иногда невѣстка превращается въ птичку и летитъ рассказать о своихъ слезахъ своей матушкѣ:

Я вскинусь пташечкой-кукушечкой,	Своими слезами я садъ затоплю;
Полечу я къ матушкѣ во зеленый садъ,	Своими причетами матушку взбужу
Сяду я на яблоню на любимую;	(Соб. III, 19).

Воспоминанія о родномъ домѣ, гдѣ женщина жила дѣвушкой, о родной матушкѣ, съ которой она дѣлится своей печалью, весьма типичны и часты въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ. Несомнѣнно, Кольцовъ много имъ обязанъ своимъ стихотвореніемъ. Упрекъ отцу, матери за то, что они позарились на чужое богатство и сдѣлали дочь несчастной, а вмѣстѣ съ тѣмъ безповоротность судьбы, сравниваемой съ морозами для цвѣтовъ, мы находимъ и у Кольцова и въ народной пѣснѣ, очень популярной:

Ахъ, кабы на цвѣты не морозы,	Не сидѣла бы я подпершия,
И зимой бы цвѣты расцвѣтали;	Не глядѣла бы я въ чисто поле,
Охъ, кабы на меня не кручина.	И я батюшкѣ говорила,
Ни о чемъ бы я не тужила,	И я свѣту своему доносила:

Не давай меня, батюшка, замужъ, Не съ хоромами жить, — съ чело-
Не давай, государь, за незаровню, вѣкомъ;
Не мечись на большое богатство, Не съ богатствомъ жить мнѣ. —
Не гляди на высоки хороми: съ совѣтомъ! (Соб. III, 14).

Другая пѣсня Кольцова (№ 121 «Безъ ума, безъ разума») о несчастномъ замужествѣ не такъ близка къ только что разсмотрѣнной, но и въ ней можно уловить мотивы народныя. У Кольцова пѣсня начинается словами

Безъ ума, безъ разума
Меня замужъ выдали,

а народъ поетъ, что мать,

Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала (Соб. III, 22).

Молодость, по пѣснѣ Кольцова, представляется женщиной временемъ нѣгъ. То же и въ народной пѣснѣ:

Матушка моя, я нѣга твоя,

говоритъ дѣвушка, готовясь выйти замужъ; а выйдя, вспоминаетъ о томъ, какъ мать

На колѣна ложила,
Головоньку чесала,

Во чужи люди отдала (Соб. III, 38).

На слезы молодой женщины мало обращаютъ вниманія:

Говорятъ родимые:
Поживется — слюбится.

То же и въ народныхъ пѣсняхъ:

Плакать не смѣю, тужить не велятъ;

Только велятъ по маленьку вздыхать,

Только велятъ по малешеньку (Соб. III, 3).

Четыре пѣсни Кольцова имѣютъ содержаніемъ измѣну. Пѣсня подъ названіемъ «Размолвка» (№ 4) не находитъ своему содержанию соответствія въ народной лирикѣ; эта пѣсня относится къ 1828 г., когда талантъ Кольцова недостаточно еще выработался, и народныя настроенія его пѣсенъ еще вполне застигались романтической дѣланностью. Пѣсня «Ночь» (№ 141), хотя относится къ позднимъ годамъ, написана въ стилѣ романтической баллады съ небольшими налетами народности въ отдѣльныхъ выраженіяхъ. Надо сказать, что подобное соединеніе не служитъ въ пользу стихотворенія, которое не представляетъ художественно-цѣльнаго произведенія и является, на нашъ взглядъ, однимъ изъ слабыхъ. Соответствій въ народной лирикѣ оно не имѣетъ. Пѣсня «Измѣна суженой» (№ 97) рисуетъ намъ настроеніе молодца, узнавшаго объ измѣнѣ дѣвицы. Надо сказать, что народныя пѣсни чаще говорятъ объ измѣнѣ молодца, въ зависимости отъ чего и содержаніе и колоритъ этихъ пѣсенъ другой, нежели въ стихотвореніи Кольцова; но и къ нему можно подобрать нѣсколько сходныхъ чертъ. Кольцовъ начинаетъ съ обращенія къ природѣ:

Жарко въ небѣ солнце лѣтнее,
Да не грѣетъ меня молодца!

Народныя пѣсни объ измѣнѣ очень часто имѣютъ въ началѣ подобныя обращенія, напริมѣръ:

Сохнетъ и вянетъ въ полѣ травка,
Она вянетъ безъ дождя (Соб. V, 63).

Молодецъ въ стихотвореніи Кольцова обращается за помощью къ людямъ, къ могилѣ отца и матери. Подобнаго мотива въ народной лирикѣ мы не встрѣтили.

Замутился свѣтъ въ глазахъ моихъ,
Я упалъ въ траву безъ памяти.

Образъ молодца, павшаго на землю если не подъ тяжестью измѣны, то все же не безъ помощи дѣвицы, извѣстенъ народу:

Я боюсь тебя, красна дѣвица, изведешь меня:
Пропадетъ-то моя головушка не за денежку;
Навалается тѣло бѣлое по чисту полю (Соб. V, 328).

Сочетаніе бури и отправленія въ дальній путь молодца, чѣмъ и оканчивается стихотвореніе Кольцова, имѣется и въ концѣ народныхъ пѣсень на ту же тему измѣны дѣвицы. Но у Кольцова молодецъ уѣзжаетъ неизвѣстно въ какіе края и послѣ измѣны, съ цѣлью

Горе мыкать, жизнью тѣшиться,
Съ злою долей перевѣдаться...

Такихъ тонкостей психики народная пѣсня не знаетъ; тамъ и дѣвица-то измѣняетъ, пользуясь случаемъ отсутствія молодца:

Въ чистомъ полѣ буйны вѣтры,
Что буйны вѣтры со вихрями;
На синемъ морѣ погодушка.
Есть у дѣвушки зазнобушка;
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши, онъ въ походъ пошелъ,
Что въ путь, въ землю Турецкую
(Соб. V, 217).

Какъ видимъ, молодецъ въ народной пѣснѣ не
Безъ дороги въ путь отправился,

а уѣхалъ прямехонько въ землю Турецкую, по всѣмъ вѣроятіямъ, воевать съ турками.

Характеръ баллады имѣетъ стихотвореніе Кольцова «Хуторокъ» (№ 115), конечно, значительно выходящее за рамки народныхъ пѣсень по развитію своего сюжета и настроенію. Подробно развивающіеся разговоры, а съ ними и психологія героевъ — рыбака и купца, — встаети сказать, нѣсколько романтически приукрашенныхъ, затѣмъ трагическій, повидимому, конецъ, антитезой чего является соловьиное пѣнье, — все это чуждо здравому смыслу народа. Тѣмъ не менѣе данное стихотвореніе, написанное на тему измѣны, связано съ народной поэзіей тѣснѣе, чѣмъ предыдущее. Прежде всего народу отлично извѣстна вдова, живущая въ теремѣ и угощающая путниковъ:

По надъ моремъ, надъ глубокимъ
Стоялъ теремъ;
Тамъ ходила вдова,
Черноброва, молода,
Кубокъ меду носила
Казаченька поила (Соб. IV, 351).

Хуторокъ вдовы стоитъ иногда близъ лѣса, гдѣ поютъ птицы, какъ и у Кольцова; и вдова пускаетъ къ себѣ ночевать, хотя и не сразу, а нѣсколько поломавшись:

Закатилось красно солнышко
За темные лѣса.
Въ лѣсу пташки пріумолкли,
Всѣ сѣдѣли по мѣстамъ,
По такимъ же по мѣстечкамъ, —
По ракушечнымъ кустамъ.
Какъ подъ елкой, подъ ветелкой
Стойтъ хижина нова;
Въ этой хижинѣ живетъ
Горькая вдова.
Тутъ шли, прошли три ероля,
Подходили они подъ окно.

«Ты, любезная наша хозяйюшка,
Ты пусти насъ ночевать!»
— «Вы, любезны мои ероли,
Прошу милости въ хату взойтить!
Три дни, два дни хату не топила,
Ничего не варила!»
— «Любезная хозяйюшка,
Намъ не нужно твоего ничего,
Намъ было желательно
Пріотдохнуть у тебя!»
— «Когда вы желаете, прошу милости
въ хату взойтить!» (Соб. I, 340).

Замѣтимъ, что у Кольцова вдова тоже хочетъ отговориться тѣмъ, что

Не топила избы.

Въ стихотвореніи Кольцова вдова, которую посѣщаетъ молодець, живетъ за рѣкой. Эта особенность встрѣчается и въ народной пѣснѣ:

Гдѣ живетъ моя милая, тамъ привольна сторона.
На привольной на сторонкѣ разливалась вода.
Разливалась-растекалась, крутымъ бережкамъ ровна.
Я на эту полую воду легкую лодочку найму,
Легку лодку, бѣлозерку, переѣду за рѣку.
На той на сторонкѣ изповыстроень теремъ,
Повыстроень теремъ со косячатымъ окномъ,
Со косячатымъ окномъ, со периланымъ крыльцомъ (Соб. IV, 562).

Всѣ варианты народныхъ пѣсенъ, которые мы приводили, относятся лишь къ частностямъ стихотворенія Кольцова. Есть въ народѣ пѣсня, говорящая, правда, о дѣвушкѣ, а не о вдовѣ, гдѣ мы видимъ, какъ молодець въ окно подглядѣлъ измѣну своей милой съ двумя дружками любезными. Такимъ образомъ канва Кольцовскаго стихотворенія и пѣсни одна и та же, но что за различные узоры по ней вытканы! Если въ пѣснѣ Кольцова все окутано дымкой романтической поэзіи и нѣсколько дѣланный разгулъ кончается трагедіей съ нѣсколько сентиментальнымъ эпилогомъ, то въ народной пѣснѣ совершенно реальныя образы сопровождаются энергичными, подходящими къ мѣсту, рѣчами:

Какъ я нынѣче, добрый молодець, всю ночь не спалъ,
Какъ ходилъ я, гулялъ вдоль по улицѣ,
Какъ приходилъ я, добрый молодець, къ новому терему,
Да восходилъ я, добрый молодець, на высокій крылецъ,
Какъ глядѣлъ я, смотрѣлъ въ окошечко,
Какъ стукать-то я, стукать своимъ золотымъ кольцомъ объ окошечко.
Ты спишь, моя болѣзная, или такъ лежишь? —
— «Я спать-то не сплю, больше такъ лежу,
Какъ и тебя-то, добраго молодца, на умѣ держу!» —

— Какъ врешь ты, врешь, красная дѣвочка, врешь, облыгаешься!
Да и кто у тебя, моя разболѣзная, кто за столомъ сидѣлъ? —

— «Были у меня, красной дѣвушки, два гостя да любимые, два братца
родимые!» —

— Какъ врешь ты, врешь, красная дѣвушка, врешь, облыгаешься:

Были у тебя два гостя, два любимые — два дружка любезные! (Соб. V,
277).

Замѣтимъ, что эта пѣсня, давшая, можетъ быть, толчокъ Кольцову къ созданію его стихотворенія, записана на югѣ Россіи, въ Донской области.

Одна «Пѣсня» (№ 147 «Разступитесь, лѣса темные») Кольцова имѣетъ своимъ содержаніемъ мнимую измѣну молодца. Дѣвица увѣрена въ его вѣрности и рисуетъ себѣ картину, какъ молодецъ, разбогатѣвши, пріѣдетъ къ ней. Какъ и въ другихъ пѣсняхъ, останавливающихся на вопросѣ объ отношеніи бѣдности и богатства въ крестьянскомъ быту, эта пѣсня Кольцова не находитъ себѣ соотвѣтствія въ народной лирикѣ. Можно указать лишь отдѣльные элементы даннаго стихотворенія, схожіе съ народными. Дѣвица обращается за справками о своемъ возлюбленномъ къ птичкѣ:

Дай мнѣ вѣстку, моя пташечка!

Мотивъ, чрезвычайно популярный въ нашей народной лирикѣ:

Туть летѣлъ соловьюшка, Тужить ли по мнѣ милой,
Летѣлъ съ поля молодой. Тужить ли, горюеть ли
Спрошу у соловьюшка, Миль-сердечный обо мнѣ.

(Соб. III, 348).

Иногда сама дѣвица обращается въ птичку и летитъ къ своему милому:

Желаю быть я, Саша, пташкой; Не буду тосковать;
Слетаю въ армію, Я тамъ про все узнаю,
Въ армеюшку слетаю, Какъ мой милый воевалъ.

(Соб. V, 576).

То же мы видимъ у Кольцова:

Полечу горой за облакомъ,
На край свѣта; на край бѣлова —
Искать стану друга милова...

А милый, по выраженію Кольцова, въ полѣ вихремъ вѣтется. Нашъ народъ любитъ сопоставлять молодца съ вѣтромъ. Откуда вѣтеръ вѣетъ, тамъ и молодецъ:

Гдѣ мой милый ѣдетъ?
Съ которой сторонюшки дуетъ вѣтерокъ? (Соб. IV, 449).

Возвращеніе молодца сопровождается у Кольцова нѣжными рѣчами, съ нѣсколько торжественнымъ описаніемъ богатствъ молодца, что и доказываетъ его вѣрность. Ничего подобнаго нѣтъ въ народныхъ пѣсняхъ; тамъ не разсуждаютъ, не анализируютъ своихъ поступковъ, а чувствуютъ; потому и рѣчи коротки и просты. Вотъ

окончаніе одной пѣсни, гдѣ молодець возвращается къ покинутой имъ дѣвицѣ:

Здравствуй, Саша, здравствуй, Маша, Не забуду, не спокину,
Здравствуй, милая моя! Возьму замужъ за себя.
Не забуду я тебя, (Соб. III, 341).

«Пѣсня» (№ 154), начинающаяся словами

Я любила его
Жарче дня и огня,

есть также тоска по молодцѣ, и такъ же, какъ и въ предыдущемъ стихотвореніи, дѣвица въ своей фантазіи рисуетъ картину свиданія съ молодцемъ, но уже не будущаго, а прошедшаго. Стихотвореніе это настолько состоитъ изъ личныхъ переживаній автора, что мы не найдемъ сходныхъ мотивовъ въ народной лирикѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, которыя скорѣе относятся къ поверхностнымъ трафаретнымъ формамъ выраженія, нежели къ глубинѣ содержанія. Таково воспоминаніе о любви, ночахъ и лунѣ.

Только съ нимъ лишь однимъ	Что за ночь, за луна,
Я на свѣтѣ жила;	Когда друга я жду!
Ему душу мою,	Вся блѣдна, холодна,
Ему жизнь отдала!	Замираю, дрожу!

Народной лирикѣ извѣстенъ этотъ мотивъ:

На свѣтѣ я взираю	Того я лишилась;
Сердцемъ обмираю.	Я съ кѣмъ забавлялась,
Пропали утѣхи,	Того миновалась;
Съ кѣмъ я веселилась;	Съ кѣмъ ночки сидѣла,
Я съ кѣмъ веселилась,	Того ужъ не стало...

(Соб. IV, 725).

Что въ народѣ для свиданій выбираются ночки лунныя, свидѣтельствуемъ намъ другая пѣсня:

Какъ свѣтель мѣсяць взошелъ,
Миль къ сударушкѣ пошелъ. (Соб. IV, 763).

Второе сходство пѣсни Кольцова съ народной лирикой заключается въ томъ, что любовь сравнивается съ огнемъ. Мы уже приводили первыя двѣ строки Кольцовскаго стихотворенія. Въ концѣ молодець говоритъ:

Милый другъ, погаси	И безъ нихъ, при тебѣ,
Поцалуи твои!	Огнь пылаетъ въ крови.

Одна русская пѣсня образно говоритъ:

Раскладываль я огонушекъ на твоей груди. (Соб. V, 23).

Очень часто въ народныхъ пѣсняхъ поется:

Не трава растеть, не огонь горить,	По душѣ ль, душѣ, по лебедушкѣ,
Не огонь горить, — ретиво сердце,	По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
Ретиво сердце молодеческое,	По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ахъ, горить, горить, какъ смола кипить,	(Соб. V, 721).

Впрочемъ, надо сказать, что сравненіе любви съ огнемъ такъ обычно, что можетъ быть вліяніе народной поэзіи на Кольцова въ данномъ случаѣ совершенно не при чемъ, особенно если мы обратимъ вниманіе на то, что вмѣсто «огонь» у Кольцова сказано «огнь», — форма, сильно отзывающаяся книгой. Если приведенная пѣсня Кольцова съ воспоминаніемъ о ночахъ весьма далека отъ народныхъ пѣсенъ, то еще дальше послѣдняя «Пѣсня» Кольцова (№ 158), говорящая намъ тоже о ночномъ свиданіи. Пѣсня эта скорѣе напоминаетъ романсъ съ попыткой придать ему народность посредствомъ отдѣльныхъ словъ и выраженій. Среди русскихъ пѣсенъ встрѣчаются такія, которыя говорятъ о дѣвицѣ, ожидающей къ себѣ молодца; онѣ уже въ началѣ расходятся съ пѣсней Кольцова:

Ой, матушка, тошно, сударыня, грустно!

А я съ той тоски-печали не могу ходити,

Сердечнаго-любезнаго не могу забыть!

Объщался мой милый другъ вечеръ въ гости быти.³

(Соб. IV, 439).

Конецъ этой пѣсни, который мы опускаемъ, ничего общаго не имѣетъ ни съ содержаніемъ ни съ настроеніемъ пѣсни Кольцова.

Четыре пѣсни Кольцова изображаютъ намъ прощанье молодца съ дѣвицей. Одна пѣсня, называемая «Два прощанья» (№ 92), не находитъ соотвѣтствія въ народной лирикѣ по той причинѣ, что пѣсня эта слишкомъ придуманная, а не вылившаяся непосредственно изъ сердца автора. Послѣдній называютъ героиню своей пѣсни «мудреной»; но «мудрена» не героиня, а пѣсня, то-есть самъ авторъ. Если и правдоподобна въ психологическомъ отношеніи большая любовь дѣвушки къ нелюбящему ея молодцу, чѣмъ къ любящему, то неправдоподобенъ тотъ психологическій анализъ, который вложенъ въ уста героини; въ народной поэзіи подобныхъ мотивовъ и разсужденій нѣтъ вовсе.

Стихотвореніе Кольцова «Послѣдній поцалуй» (№ 100) по роскоши и сложности своихъ красокъ не предполагаетъ соотвѣтствій въ народной лирикѣ; мы ихъ не знаемъ.

Третья пѣсня Кольцова (№ 119 «Говорилъ мнѣ другъ, прощаючись»), изображающая прощанье, находитъ себѣ почти тождественную, конечно, по содержанію, а не формѣ, народную пѣсню. Кольцовъ въ своемъ стихотвореніи изображаетъ сцену прощанья, во время котораго молодецъ увѣряетъ дѣвицу въ своей любви, но затѣмъ дѣвица узнаетъ, что молодецъ покинулъ ее ради другой, богатой вдовы; дѣвица не сердится на молодца, даже призываетъ имя Божіе на него, но не сомнѣвается, что молодцу не посчастливится послѣ измѣны. Приблизительно то же содержаніе имѣетъ и народная пѣсня; приводимъ ее цѣликомъ:

Не вечеръ ли, моя радость,
Ты игралъ, душа, со мной?
Не вечеръ ли восхищался

Рѣчью дѣвицы души?
Не вечеръ ли помѣнялся
Ты своимъ кольцомъ со мной?

дѣйствіями представляется ему сама по себѣ, какъ предметъ анализа. Эту-то замѣчательную сторону въ Кольцовѣ намъ необходимо отмѣтить особенно при разборѣ стихотворенія: «Пора любви». Всего болѣе и надо удивляться въ этой пьесѣ тому, какъ Кольцовъ съ своимъ высшимъ взглядомъ на природу умѣлъ соединить первобытную вѣру въ ея вліяніе. Но и тутъ онъ остался вѣренъ только самъ себѣ, не переступивъ за рубежъ, на которомъ сталъ между вѣрою и знаніемъ. Можно сказать, что онъ уже не былъ народнымъ, поднявшись выше этой точки. Такъ въ прекрасномъ стихотвореніи: «Царство мысли» Кольцовъ является представителемъ новыхъ идей общественнаго развитія; но эти идеи Фауста уже слишкомъ отдѣляютъ его отъ массы, — единственный случай, гдѣ Кольцовъ, такъ сказать, превзошелъ самого себя.

Въ пьесѣ «Пора любви» мы покамѣстъ имѣемъ дѣло только съ двумя первыми строфами, какъ относящихся къ нашему настоящему предмету. Въ нихъ представлено волшебное вліяніе чудесныхъ пѣсень, которыхъ смысла не вѣдаетъ красавица. «Не слушай ихъ, красавица; какъ разъ бѣду наслушаешь» — такъ могучи весеннія пѣсни степныхъ птичекъ. Вы готовы вѣрить въ силу этого волшебства природы; но вы его понимаете, потому что степь «вся разубрана цвѣтами и полнымъ полна летучими птичками», потому что пѣсни ихъ чудесныя (двойкій смыслъ этого слова уже не принадлежитъ народу), и хотя чудесность эту можно бы объяснить, но для красавицы въ чистотѣ ея дѣвственнаго чувства (сонъ дѣвичій и пр.) тѣ пѣсни волшебныя. Мы видимъ, сколько тутъ есть данныхъ и для того, чтобы вѣдать смыслъ этихъ пѣсень, и для того, чтобы вѣрить ихъ волшебству въ отношеніи красавицы. Послѣ этого вступительнаго объясненія, Кольцовъ уже могъ прямо перенестись въ народную среду, изображая «дыханіе горъ», которыми мгновенно овѣяна душа дѣвушки. Но и тутъ послѣ стиха «Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ» (срав. у Пушкина: «и въ слухѣ шумъ и блескъ въ очахъ») картину, начерченную такою твердою мастерскою рукою, великолѣпно заканчиваетъ стихъ: «Смеркаетъ степь, горитъ заря»... Природа здѣсь опять является волшебною только въ смыслѣ волшебной красоты, чарующей душу. Чтобы понять всю силу этого послѣдняго стиха не довольно одной дѣтской вѣры въ чудесное, нуженъ и глубокой художественный тактъ, съ какимъ намъ становится ясною вся обстановка прекрасной картины. То же самое можно сказать о другихъ подробностяхъ. Народное представленіе о зельяхъ и корняхъ, о нашествіи и прислушиваніи замѣнилось болѣе идеальными: «Дыханіемъ чаръ овѣяна»; вмѣсто «тяжелехонько вздыхаетъ», согласно съ идеей о чарахъ сказано: «нейдетъ съ души тяжелый вздохъ». Наконецъ стихи:

Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая —
Песку со дна не выкинетъ.

вмѣстѣ съ невольнымъ обаяніемъ любви прямо выражаетъ и стыдливое сознаніе чувства, которое въ одной народной пѣснѣ обозначено простыми словами: «про кручинушку не скажетъ». И такъ вообще отличіе Кольцова состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Въ полномъ художественномъ развитіи образа.

2) Въ изображеніи идеальной стороны чувства: поэтъ не довольствуется однимъ описаніемъ факта, но и представляетъ внутренніе его мотивы.

3) Въ изображеніи природы, независимомъ отъ ея чувственного вліянія на человѣка. «То, что мы обыкновенно называемъ «сверхчувственнымъ» и происходитъ отъ того чувственного состоянія, въ которомъ человѣкъ не различаетъ себя отъ природы. Конечная природа и не предъявляетъ намъ своего закона иначе, какъ черезъ чувства; но, смѣшивая это чувство съ предметомъ, его производимъ, мы создаемъ тѣ символы, которыми такъ богатъ востокъ и вообще младенчество всякаго народа. Идеальный взглядъ начинается тамъ, гдѣ то же самое чувство восходитъ въ ясную раздѣлительную идею, разграничивающую внѣшнее постоянное отъ внутренняго, случайнаго, предметъ отъ его зыбкаго отраженія: тогда символъ измѣняется въ простую аллегорію. Измѣненіе это уже замѣтно и въ народныхъ пѣсняхъ; но постоянство, неподвижность однихъ и тѣхъ же олицетвореній ясно указываетъ въ нихъ на первоначальный символизмъ. Такого свободнаго изображенія природы, какъ, напримеръ, въ стихотвореніи Кольцова «Урожай», гдѣ картина бури осмыслена идеей сельскаго труда, мы не находимъ въ пѣсняхъ. Сравненія, начинающіяся отрицаніемъ не: «какъ не лебедь ходитъ бѣлая, ходитъ красна дѣвица душа» — прямо свидѣтельствуютъ о попыткѣ народа внести начало анализа въ свои наблюденія надъ природой (или — что здѣсь все равно — надъ своими личными впечатлѣніями); но этотъ анализъ не простирается далѣе обыкновеннаго сравненія.

Мы переходимъ теперь къ народнымъ пѣснямъ, изображающимъ долю женщины въ ея супружескомъ состояніи. Замѣчательно, что у насъ судьба или рокъ, ни въ какомъ обстоятельствѣ жизни, ни въ какихъ столкновеніяхъ общественныхъ, не употребляется такъ часто и не играетъ такой важной роли, какъ въ супружествѣ. Судьба царствуетъ тамъ, гдѣ, кажется, болѣе всего прилично дать мѣсто свободному выбору. Въ семейныхъ узахъ она такъ же «всесильна», какъ въ смерти: «Суженаго конемъ не объѣдешь», говоритъ пословица, согласно съ другимъ изреченіемъ: «Рокъ головы ищетъ».

Это языческое понятіе о судьбѣ выросло у насъ съ вѣками вълѣдствіе семейнаго деспотизма, который намъ такъ ясно рисуютъ народныя пѣсни. Разсмотримъ это зло въ его корнѣ, въ народной жизни. Что необходимо было для старинной свадьбы? Женихъ пріѣдетъ самъ — семъ съ боярами, а восьмую возьметъ свашеньку, а девятую присватую (Свад. пѣсни № 22) и будетъ у него жена вѣковѣчная ключница, вѣковѣчная платьемойница. Дѣвушка всему

выучена: и ткать, и прять, и золотомъ шить по атласу, по бархату (Свад. пѣсни № 60). Завидная невѣста! Вотъ она одѣвается въ цвѣтное платье, умывается ключевой водой, бѣлится, румянится, сурмится и расплетаетъ, передъ зеркаломъ стоячи, свою русую косу (Свад. пѣсни № 8). Женихъ приносить на дѣвичникъ подарки — деликатное убранство: полтора аршинъ лентъ, розовыхъ, алыхъ, померанцевыхъ, желтыхъ... стѣнное зеркальце, рѣзной гребень и вѣеръ, двое шелковыхъ чулокъ, черевички бархатныя, перчаточки шелковыя, корицы, гвоздики, мятнаго масла и двѣнадцать горшечковъ порошковъ румянъ (Свад. пѣсни № 115). Свадебка уже снаряжена: «девять печей хлѣба испечено, десятая печь тертыхъ калачей; девять четвертей пива наварено, десять четвертей зелена вина» (Свад. пѣсни № 118). Послѣ того начинаются безконечные обряды, которыхъ главная цѣль, какъ будто, заглушить въ конецъ всякое дѣвственное чувство.

Что же думаетъ въ эту минуту дѣвушка? Зачѣмъ обманула она подружекъ, сказавши, что пойдетъ съ ними въ монастырь? На что жъ прельстилась она: на орѣшки ль, аль на прянички? (Свад. пѣсни № 140). Нѣтъ! Запоручили ее родимый батюшка и матушка за поруки за крѣпкія, за замки вѣковѣчные (Свад. пѣсни № 19). Никогда не является столь трогательнымъ образъ женщины, какъ въ эту минуту. Мѣняя свою дѣвичью красоту на бабью (не даромъ это слово получило у народа значеніе чего-то грязнаго) она, какъ будто, чувствуетъ, что вмѣстѣ съ волею утратить и всю наивную красоту своего сердца. «Пой, мой громкій соловей, во всю ночь, во всю мѣсячную! Ужъ не долго тебѣ меня тѣшити!» говоритъ она (Свад. пѣсни № 119). Этихъ нѣжныхъ отношеній къ цвѣтамъ и соловью ужъ не ищите въ будущей грозной матери и свекрови. Оттого и тоска ея выражается сильною рѣчью:

Помрачило ретиво солнце,

Облегло тоской со кручиною! (Свад. пѣсни № 121).

Съ какою кротостью и любовью умоляетъ она родителей не отдавать ея въ невѣдомый домъ, на чужую сторону! Тутъ не одна только обрядная притворная горестъ, потому что

Чужіе отецъ съ матерью

Безталантливы уродились:

Безъ огня у нихъ сердце разгорается,

Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается (Свад. пѣсни № 18).

«Кинулся ты, мой батюшка», говоритъ она, «на золото, на серебро! Кормилица, моя матушка — на цвѣтное платье! избываете вы своего слугу вѣрнаго, безотвѣтнаго (Свад. пѣсни № 83, 139, 174). Иногда въ тяжеломъ раздумьи спрашиваетъ она: «Государь мой, родной батюшка, не возможно ль того сдѣлать, меня, дѣвицу, не выдать». Но батюшка при наибольшей кротости сваливаетъ всю вину на сваху разлучницу. И такъ волей-неволей нужно ей итти на чужую сторонушку, а «чужая-то сторонущка горемъ вся изнасѣяна, слезами

поливана, печалью огорожена (Свад. пѣсни № 159). Простившись съ подружками, съ которыми ужъ ей «не ночевать темныхъ ночекъ и не говорить тайныхъ рѣчей» (Свад. пѣсни № 126), забываетъ она также волю батюшкину, нѣгу матушкину, пріятство сестрицыно (Свад. пѣсни № 137). Она теперь раздумываетъ объ одномъ: «какъ быть да жить въ чужихъ людяхъ? какъ назвать свекра лютаго? Какъ величать свекровь лютую? (Свад. пѣсни № 123). И вотъ ее учать: «Держи голову поклонную, а сердце покорное» (Свад. пѣсни № 75). Незавидна ея жизнь въ чужой семьѣ: свекорь, свекровь, деверья, золовухи — всѣ къ ней не ласковы, угрюмы, перешептываются, пересмѣиваютъ; молвить ли слово — начать передразнивать, сядетъ ли за столъ — всѣ куски во рту сочтутъ, замолчить ли — назовутъ дурочкой (Свад. пѣсни № 161 и 172). Такъ сѣрые гуси щиплютъ лебедь, зачѣмъ не умѣетъ по-гусиному кликати (Свад. пѣсни № 122). А какой радости ждать ей отъ мужа? Извѣстно, что припѣваетъ любимая народная пѣсня молодымъ молодкамъ:

Первый разъ ударить, такъ семь рубцовъ,

Другой разъ ударить, такъ четырнадцать,

Третій разъ ударить, такъ двадцать одинъ (Разг. № 14).

Между тѣмъ лихая свекровь, «кривошлыка непривѣтливая, каблукомъ сѣни проламываетъ», да учить сына своего, какъ невѣстукѣ «съ головы до ногъ кожу спустить», и рѣдко найдется такой добрякъ мужъ, что отвѣтитъ: «Не бѣда мнѣ уча жену свою, съ головы до пять кожу спустить, да съ нею мнѣ вѣкъ будетъ изжить». (Разг. пѣсни № 18). Какъ рѣдко встрѣтитъ сомнѣніе, можно ль жить съ женою, спустивъ съ нея кожу, также рѣдко случается и въ женѣ встрѣтить какую-нибудь ласку къ мужу; называя свою ладу дуракомъ, она отважно говоритъ ему: «Хоть я сгину, воли не покину» (Разг. пѣсни № 13). Надо признаться, что при рабскихъ отношеніяхъ разныхъ членовъ семейства, и мужу приходится ни сколько не лучше. Благодарить ли онъ жену, что, бывши у попа въ гостяхъ, не забыла, пила за его здоровье, съ какимъ сарказмомъ отвѣтитъ она: «Какъ тебя забыть! Ты у меня, какъ бѣльмо на глазу! Какъ бы вѣра та была, продала бы я тебя». (Разг. пѣсни № 20). Съ другой стороны, хотя бы красота и не досталась старому мужу, на бѣдной женщинѣ, тѣмъ не менѣе, тяготятъ всѣ язвы общественнаго неустройства. Ей приходится выражать подобныя жалобы на добраго молодца.

Ты къ чему рано упиваешься?

Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,

Изъ кабака идешь, самъ валяешься. (Разг. пѣсни № 6).

Или, завивая кудри дороднаго супруга, гадаетъ она «про свое замужье бездѣльное», пеняетъ на батюшку, что отдалъ «не въ согласную семью, непокрытую избу» (Семейн. пѣсни № 20).

Можетъ быть, многихъ поразитъ противоположность, въ какой является образъ женщины въ ея дѣвичьемъ быту, и ея характеръ,

какъ матери, мачехи и свекрови. Еще мать сохраняетъ свои прекрасныя, женственныя черты: она плачетъ, какъ рѣка льется, объ убитомъ сынѣ; она не жалѣетъ денегъ, чтобъ выкупить его изъ темницы. Но и тутъ обычай, беспощадный обычай губить всякое свободное чувство; въ воспитаніи дѣтей господствуетъ одинъ страхъ; несчастная пословица свидѣтельствуеетъ, что за битаго даютъ двухъ небитыхъ. Уже дѣвушкой, женщина является въ непріязненномъ отношеніи къ новой хозяйкѣ въ дому, къ женѣ своего брата, и какъ ей имѣть какое-нибудь уваженіе къ этой жертвѣ семейнаго деспотизма, къ проданной въ домъ работницѣ! Но ее ждетъ та же участь, и тѣмъ ненавистнѣе ей новая родственница; она знаетъ, что ей самой нужно будетъ держать голову поклонную, и требуетъ отъ другихъ того же. Наступитъ свадьба — утомительный обрядъ, въ которомъ продажныя свахи восхваляютъ ея долю: тутъ все ложь и лицемеріе, и характеръ насилія тѣмъ ненавистнѣе, что они облакаются въ праздничныя формы торжества, что даже искреннія слезы подчинены мертвымъ правиламъ обряда. Согласимся, что при этомъ переворотѣ въ жизни, отрывающемъ женщину отъ родной семьи и не дающемъ ей ничего въ защиту прежняго, сколько-нибудь сноснаго, положенія, уже должна заглухнуть душа, а послѣ нѣсколькихъ годовъ угнетенія и бабья красота высказывается въ полномъ цвѣтѣ. Какъ ни ограничены права дѣвушки, она можетъ еще мечтать о миломъ, она не испытала еще на себѣ всей гнусности семейныхъ дразгъ; послѣ свадьбы ей предстоитъ печальная борьба, изъ которой выноситъ она только ненависть въ загрубѣломъ сердцѣ. На комъ же вымещать эту ненависть, какъ не на дѣтяхъ и на будущей невѣстукѣ?

Горемычная доля женщины въ супружеской жизни изображена у Кольцова только въ двухъ стихотвореніяхъ, да и то въ общихъ чертахъ, рисующихъ одно чувство безъ отношенія къ опредѣленному событію. Въ стихотвореніи:

Ахъ, зачѣмъ меня
Силой выдали

За немилаго —
Мужа стараго.

Жалобы женщины на свое житье-бытье горемычное выражены красками, совершенно соответственными тому же изображенію въ народныхъ пѣсняхъ; но въ послѣднихъ эта тема развивается несравненно полнѣе.

Такъ отношенія матери къ дочери, отданной въ чужой домъ и къ зятю, прекрасно выставлены въ цѣлой поэмѣ: «У Спаса къ обѣднѣ звонять» (Разг. пѣсни № 28). Теща снаряжается въ церковь, идетъ помалешеньку, съ ноги на ногу поступаетъ, на башмачки посматриваетъ. Видно, на душѣ у ней крѣпкая дума; всѣ церкви прошла, а Николѣ Мясницкому челомъ; всѣ люди прошла, а зятю челомъ, чтобъ не билъ дочь ея, не проливалъ горячу кровь, не гнѣвилъ сердце материно. Но зять не глядитъ и не говоритъ съ ней, не доволенъ онъ подарками тещи: ни кафтаномъ изъ камки,

ни сарафаномъ для дочери. Тогда теща дарить ему три каменные палаты съ серебряными маковицами, съ позолоченными крышами, — и зять сталъ ласковъ и выговорилъ: «Богоданная матушка!» Ты подитко живи у меня, а работы не робь; только бани топи, да воду носи, да ребеночка качай. Этотъ разсказъ какъ нельзя лучше служить дополненіемъ къ стихамъ Кольцова:

Небось весело

Утирать мои

Теперь матушкѣ...

Слезы горькія.

Въ другомъ стихотвореніи Кольцова на ту же тему повторяется тотъ же упрекъ родителямъ, но еще болѣе общими словами. И здѣсь выраженіе «Безъ ума, безъ разума меня замужъ выдали» соотвѣтствуетъ народнымъ: «Не собравшись съ разумомъ замужъ отдала (Сем. пѣсни № 27). Разница съ первою пѣснью та, что въ ней родители, хотъ и поздно, обвиняютъ судьбу, ворожатъ, сулятъ радости; а здѣсь утѣшаютъ пословицей: «Стерпися — слюбится». Такъ и въ одной народной пѣснѣ (Сем. пѣсни № 43) матушка съ торгу зашла мимоходомъ къ дочери и спрашиваетъ: каково жить въ чужихъ людяхъ? Дочь отвѣчаетъ: «Государыня, моя матушка, отдавши въ люди, стала спрашивать!» — и разумѣется передаетъ ей, что свекоръ больно билъ, а свекровь, ходя, похвалялась. Любопытно, что тутъ ужъ не денежный расчетъ былъ причиною неудачной свадьбы, а дѣвушку выдали замужъ... ради ближняго перепутьца.

Водовозовъ.

Кольцовъ и Бэрнсъ.

Въ обширномъ кругу западныхъ поэтовъ изъ народа одинъ лишь подходитъ всего ближе къ типу и творческому складу Кольцова, — Робертъ Бэрнсъ. Параллель между ними ставится сама собой, — еще въ замыслы Тургенева входило, послѣ блестящаго сравненія такихъ величественныхъ фикцій въ міровой литературѣ, какъ Гамлетъ и Донъ-Кихотъ, перейти къ сличенію такихъ реальныхъ поэтическихъ величинъ, какъ вдохновенный пѣвецъ шотландскаго народа и Кольцовъ, высоко цѣнимый всею тургеневскою современностью...

Деревня, крестьянство, родная природа, еще сильнѣе, чѣмъ у его русскаго сверстника, составили основу поэзіи Бэрнса. Онъ землепашецъ, фермеръ, недолгая пора опьяняющихъ его успѣховъ въ Эдинбургѣ, гдѣ національно настроенныя высшія сословія Шотландіи носили на рукахъ интереснаго, самобытнаго импровизатора, пока неподатливый его демократизмъ не порвалъ съ этимъ любезно-нисходительнымъ покровительствомъ и не увлекъ его въ его настоящую среду, къ народу, — и послѣдняя пора жизни Бэрнса, проведенная имъ поневолѣ, послѣ кризиса его земледѣлія, на службѣ, объѣздомъ въ корчемной, береговой стражѣ (опять близко къ народу), — единственныя исключенія въ исторіи его судьбы, почти всецѣло дере-

венской. Она не дала ему извѣдать суровую, самовластную обстановку отцовскаго дома, угнетавшую Кольцова, и прелестная во всей своей правдивости идиллія «Субботняго вечера поселянина» съ ея картиной дружной семьи, дѣтей и рабочихъ, окружающей патриархальную личность старика-отца съ библіей въ рукахъ, озаряетъ дѣтство и отрочество поэта мягкимъ свѣтомъ. Но трудъ былъ тяжелый, борьба съ почвой напряженная. Какъ въ жизни Кольцова, на упорную рабочую затрату силъ ушли первые двадцать лѣтъ, прежде чѣмъ пробудился поэтическій даръ, такъ Бэрнсъ отдалъ ей шестнадцать лѣтъ непрерывнаго напряженія, — и на пашнѣ слышалась первая сложенная имъ пѣсня, — пѣснь любви къ дочери кузнеца, зажегшей въ немъ неизвѣданную страсть. Онъ шелъ со своимъ плугомъ въ одной бороздѣ, — рядомъ, въ другой, шла она, и пѣсня вырвалась изъ глубины души, подъ открытымъ небомъ, вольная, сильная. И часто потомъ слагалась она, когда, опершись на рукоятку плуга, онъ задумается, и слова пѣсни сами пойдутъ къ нему...

Какъ для Кольцова — Дмитріеву, такъ для Бэрнса — Пѣпу съ его благозвучнымъ классическимъ формализмомъ пришлось явиться первымъ образцомъ правильной поэзіи, ободрившимъ его къ творчеству, но ни того ни другого пѣвца знакомство съ книжнымъ стихотворствомъ не закрѣпостило и не обезличило. Бэрнсъ, горячо, страстно любившій свою родину, достигавшій художественнаго совершенства на ея языкѣ, — тогда какъ англійскія его стихотворенія гораздо слабѣе, — пѣлъ о народѣ и для народа, и вся его масса знала и любила своего поэта. Ему не пришлось, какъ Кольцову, при помощи книжной, гуманной культуры постепенно, за то надежно, проникать въ мысль и чувство народа, — онъ былъ «героемъ деревни». Явленіе музы, блѣдно скользнувшей въ воображеніи Кольцова въ видѣ «воздушной подружки», получило въ одномъ изъ «Видѣній» Бэрнса живую красоту деревенской дѣвушки, вдохновляющей его на служеніе народу, на заступничество за обездоленныхъ и бѣдныхъ, на защиту человѣческаго достоинства; она украсила его лобъ простою повязкой изъ древесныхъ вѣтвей съ рдѣющими на нихъ кистями красныхъ ягодъ и скрылась, растаяла въ облакѣ.

Въ первыхъ же напечатанныхъ стихахъ своихъ онъ захотѣлъ раскрыть людямъ, «что думаетъ и чувствуетъ пахарь», и показать полную его равноправность въ этомъ съ иными общественными слоями. Какъ ни самостоятельно прозвучитъ его поэтическая рѣчь, онъ хранитъ связь съ исконной поэзіей, собираетъ народныя пѣсни, и въ одинъ изъ выдающихся періодовъ своей работы идетъ въ горы искать старыхъ рапсодовъ и учиться у нихъ.

Такая же «кипучая натура», какъ Кольцовъ, съ «огненными» глазами, поражавшими съ перваго взгляда, онъ еще горячѣе отдавался игрѣ страстей, и жизнь его была полна всевозможныхъ увлеченій, смѣло боровшихся противъ пуританства и чопорной нравственности и внесшихъ въ его пѣсни много красоты и мятежной силы.

Но, самородно развившійся, безъ правильной литературной школы, онъ не только становится глашатаемъ политической независимости Шотландіи и пѣвцомъ ея былой героической поры («Ода Роберта Брюса къ его воинамъ» являлась шотландской марсельезой), но откликается на общечеловѣческое освободительное движеніе XVIII вѣка, привѣтствуетъ паденіе стараго порядка во Франціи. Второе его «Видѣніе» — уже не муза-вдохновительница, а «строгий, могучій призракъ Свободы», вызывающій его на великую борьбу за народъ. Поэтъ деревни, труда и природы, страстный пѣвецъ любви, отдается этой борьбѣ, ликуетъ, вѣщаетъ, зоветъ впередъ, подрываетъ неосторожностью свое скромное общественное положеніе, и гаснетъ, нераскаянный, но подавленный, среди торжества англійской реакціи, оздоровлявшей страну послѣ французской революціонной отравы.

Такъ въ обширномъ циклѣ европейской народнической поэзіи былыхъ временъ сходясь отдѣльными чертами творческаго склада лишь съ Бэрнсомъ, когда его не увлекаютъ горячій донъ-жуанизмъ, борьба съ пуританствомъ, или патріотическая романтика, или искреннее, но не перебродившее революціонное воодушевленіе, Кольцовъ и въ оправдѣ мірового творчества сохранить, при всей кажущейся скромности своихъ стихотворныхъ средствъ, независимое, выдающееся положеніе, завоеванное истиннымъ вдохновеніемъ, великой народной связью, примѣчательнымъ въ самородкѣ развитіемъ художественности благороднымъ идейнымъ содержаніемъ его поэзіи. Потомство же въ родной его странѣ не перестанетъ называть его имя, какъ символъ творческой народной силы, на ряду съ свѣтлыми именами великихъ мастеровъ русскаго слова.

Веселовскій.

Кольцовъ и Никитинъ.

Понятно, что поэзія Кольцова, сколько по богатству и новизнѣ содержанія, столько по своеобразности ея формы, не могла пройти безъ вліянія на русскую литературу вообще, а на поэзію особенно. Кольцовъ не вызвалъ въ русской поэзіи особой школы; у него даже не было сколько-нибудь замѣчательныхъ подражателей, какъ у Пушкина, Лермонтова, Некрасова, даже у Бенедиктова и Хомякова, но вся новѣйшая художественная литература носитъ на себѣ слѣды его вліянія. Своими «пѣсенными стихотвореніями» Кольцовъ открылъ для русской литературы новые горизонты, до тѣхъ поръ невѣдомые ей: крестьянскую жизнь и крестьянскую душу, и вліяніе его на литературу сказалось обращеніемъ ея къ крестьянству не только какъ къ безправной и безличной рабочей силѣ, а какъ къ совокупности полноправныхъ человѣческихъ личностей. Только послѣ Кольцова въ нашей литературѣ явно обнаружилось признаніе человѣческаго достоинства въ русскомъ мужикѣ, пробудился интересъ къ народу и возникла живая потребность изученія народной жизни, народнаго

творчества, народной души. Подражать Кольцову, пожалуй, и невозможно, потому что онъ унесъ съ собой въ могилу тайну проникновенія народнымъ духомъ, возвышенія личнаго творчества до творчества народнаго. У насъ обыкновенно сближаютъ и ставятъ рядомъ съ Кольцовымъ, какъ однороднаго и даже равносильнаго съ нимъ поэта, Никитина. Но это чистое недоразумѣніе, которое первоначально возникло по причинамъ чисто внѣшнимъ. Оба поэта уроженцы одного города (Воронежа); оба вышли изъ одного сословія (изъ мѣщанства); оба воспѣвали, между прочимъ, степь и касались народнаго быта. Десятка два стихотвореній Никитина, написанныхъ явно въ подражаніе Кольцову, съ поддѣлкой подъ содержаніе и форму его своеобразной поэзіи, и довольно слабыхъ («Наслѣдство», «Измѣна», «Весна въ степи», «Пѣсня», «Русь» и др.), повели это внѣшнее сближеніе дальше: въ Никитинѣ стали видѣть продолжателя Кольцова, даже «второго» Кольцова. Въ сущности же между Кольцовымъ и Никитинымъ, говоря безъ всякаго намѣренія унизить послѣдняго, мы не видимъ ничего общаго, кромѣ того, что они оба родились и умерли въ Воронежѣ и вышли изъ мѣщанскаго сословія. Напротивъ, эти два человѣка и поэтъ представляются совершенно противоположными. Небольшія выдержки изъ біографіи Никитина, написанной его пріятелемъ Де-Пуле («Сочиненія Никитина», изданіе 1866 года), поясняетъ нашу мысль.

«Молодой человѣкъ», говоритъ Де-Пуле о Никитинѣ, «развивался на счетъ одного ума, сердце черствѣло и замыкалось; по душѣ Никитина прошла сильная струя холода, оставившая въ ней на всю жизнь неизгладимый слѣдъ; она была постоянной помѣхой, по которой вспыхивающая въ душѣ его страсть никогда не разгоралась пламенемъ общаго пожара. Причины этой преждевременно развившейся рефлексіи могли лежать и въ самой его натурѣ; но главнѣйшимъ образомъ онъ развился подъ вліяніемъ домашняго и школьнаго воспитанія». «Никитинъ», говоритъ Де-Пуле въ другомъ мѣстѣ своего біографическаго очерка, «почти не выѣзжалъ изъ заставы Воронежа, мѣщаниномъ онъ былъ только по названію, а дворникомъ по одной профессіи; его воспитали — не сермяжная Русь, о которой онъ судилъ только по заѣзжавшимъ на его (постоялый) дворъ извозчикамъ, не степи, которыхъ онъ никогда не видалъ, а литература сороковыхъ годовъ».

Все это совершенно противоположно тому, что мы видѣли въ Кольцовѣ по свидѣтельствамъ лицъ, знавшихъ его такъ же близко, какъ Де-Пуле зналъ Никитина.

Такая же противоположность существуетъ и въ произведеніяхъ двухъ воронежскихъ поэтовъ. «Струя холода» прошла и по всей поэзіи Никитина; изъ него вышелъ поэтъ «головной», съ сильнымъ оттѣнкомъ рефлексіи и отрицанія. Понятно, что онъ говоритъ только за себя и отъ себя, а не за народъ и не отъ народа, какъ Кольцовъ, съ его непосредственнымъ творчествомъ, которому совер-

красивую фразу автора фактами его біографіи. Стихотвореніе это было написано во время самаго разгара, такъ называемой, «гражданской скорби» и полного господства въ русской поэзіи Некрасова, котораго Никитинъ, по словамъ Де-Пуле (біогр., стран. 65), особенно любилъ; съ его-то голоса преимущественно Никитинъ и пѣлъ о жизни и страданіяхъ народа, котораго самъ вовсе не зналъ и почти не видалъ, оттого и стихи его о народѣ отзываются дѣланностью и риторикой.

Вообще отсутствіе искренности и самостоятельности, большая доля ходульности и подражательности, составляютъ главные и рѣзкія отличія Никитина отъ Кольцова, какимъ послѣдній является въ своихъ «пѣсенныхъ стихотвореніяхъ».

У Никитина былъ свой маленькій мірокъ для поэтического творчества, которымъ онъ не хотѣлъ ограничиться, отвлекаясь то и дѣло въ совершенно чуждыя ему области, потому что у него не было такого надежнаго руководителя, какимъ бы былъ для Кольцова Бѣлинскій. Онъ воспѣвалъ то океанъ, то степь, то народныя страданія, которыхъ никогда не видалъ, — конечно, съ чужого голоса, подражая то Лермонтову, то Некрасову, то Кольцову, даже Фету и Полонскому, — и только въ послѣдніе годы жизни (послѣ 1853 г.) обратился къ тому мірку, гдѣ обнаружилась его самобытная творческая сила. Такимъ міркомъ для него была жизнь низменнаго бѣдствующаго городского населенія. Изображая эту жизнь, которая искажаетъ и унижаетъ человѣческую личность, а въ душѣ поэта возбуждаетъ глубокую скорбь, не напускную, а истинную, пережитую, Никитинъ является не простымъ версификаторомъ, набившимъ руку въ писаніи гладкихъ и звучныхъ стиховъ, а недюжиннымъ самобытнымъ поэтомъ. Сюда относятся: поэма «Кулакъ», стихотворенія «Портной», «Хозяинъ», «Мать и дочь» и нѣкоторыя другія.

Не только Никитина, но и поэта гораздо болѣе крупнаго, «пѣвца народной скорби» Некрасова, нельзя ставить рядомъ съ Кольцовымъ. Некрасовъ пѣлъ о народѣ не съ чужого голоса, никому не подражая. Его побуждала къ тому наболѣвшая «дворянская» душа, близко стоявшая къ народу, къ страданіямъ его подъ тяжестью крѣпостного права, и озаренная гуманными идеями подъ вліяніемъ лучшихъ людей времени. Но потому-то самому поэзія его все-таки не голосъ самого народа, не народное творчество, какъ поэзія Кольцова, а голосъ посторонняго человѣка. Какъ поэзія посторонняго художника, она и захватываетъ преимущественно тѣ стороны и явленія народной жизни, которыя въ то время были въ глаза постороннимъ наблюдателямъ и составляли злобу дня для лучшихъ людей времени. Кольцовъ, открывая новые горизонты для русской поэзіи, возбуждалъ въ обществѣ и литературѣ, можетъ быть совершенно безсознательно, новые интересы и чувства, а Некрасовъ былъ только эхомъ, талантливимъ выразителемъ злобы дня, тѣхъ интересовъ и чувствъ, которые уже были возбуждены и бродили въ общественномъ сознаніи помимо его.

Поэзія Кольцова, захватывая самую суть народной жизни, коренныя свойства народнаго духа и характера, нисколько не устарѣла для русскаго человѣка черезъ пятьдесятъ лѣтъ, да навѣрно и долго еще не утратитъ своей свѣжести, силы и красоты. Поэзія Некрасова едва ли можетъ претендовать на такую долговѣчность; отражая по преимуществу временныя, чисто случайныя явленія, формы и краски жизни, она необходимо должна утрачивать свою жизненность по мѣрѣ того, какъ народная жизнь освобождается отъ уродливыхъ и случайныхъ явленій, въ родѣ крѣпостнаго права. Уже и теперь, въ значительной степени, утратили свой смыслъ и свою обаятельную силу такія крупныя произведенія Некрасова, какъ «Забытая деревня», «Орина мать солдатская», «Въ дорогѣ»: они не могутъ производить такого поражающаго и глубокаго впечатлѣнія на поколѣніе, нынѣ вступающее въ жизнь, какое производили въ свое время на поколѣніе отживающее. Но «Пѣсня пахаря», «Что ты спишь мужичокъ», «Косарь» и другія пьесы Кольцова сохранять свою захватывающую силу, свою жизненность и обаятельную прелесть еще для многихъ поколѣній, хотя самъ Кольцовъ, конечно, всего менѣе думалъ объ этомъ.

Имѣлъ ли Кольцовъ съ его поэзіей влияние на русское общество? Можно ли говорить о его «общественномъ» значеніи?

Мы полагаемъ, что въ этомъ едва-ли можно сомнѣваться, несмотря на скромную форму и скромные размѣры поэзіи Кольцова.

Кольцовъ ни однимъ словомъ не обмолвился о крѣпостномъ правѣ и о страданіяхъ народа подъ бременемъ этого права; но онъ первый показалъ русскому обществу русскаго мужика, какъ человѣка; онъ помогъ русскому обществу подняться до уразумѣнія человѣческаго достоинства въ мужикѣ. Когда въ литературѣ послышались голоса о человѣческихъ правахъ крестьянства, объ ужасахъ крѣпостнаго права, о страданіяхъ народа и о необходимости освобожденія его, — освободительныя идеи, какъ извѣстно, нашли подготовленную почву для ихъ воспріятія и роста. Въ подготовкѣ этой почвы поэзія Кольцова, безъ сомнѣнія, имѣла значительную долю участія, хотя самъ поэтъ вовсе не сознавалъ этого.

Если новѣйшая, такъ называемая, «тенденціозная» поэзія или поэзія «гражданской скорби», съ Некрасовымъ во главѣ говорила русскому обществу своими образами, какъ страдаетъ крестьянинъ отъ безправія и попранія его человѣческаго достоинства, то эта рѣчь могла быть понятною, произвести опредѣленное впечатлѣніе и вызывать желаемые результаты только послѣ того, какъ Кольцовъ своей поэзіей сказалъ обществу: «Смотрите, кромѣ баръ, на русской землѣ есть еще люди, много людей, — это вотъ тѣ пахари, косари, жницы, которыхъ вы считаете за грубую, неодушевленную рабочую силу, — но вы ошибаетесь: это настоящіе живые люди. Смотрите и слушайте: вотъ какъ они размышляютъ, мечтаютъ, чувствуютъ, любятъ и ненавидятъ, желаютъ, стремятся къ счастью и молятся, что не мѣшаетъ имъ трудиться и въ потѣ лица добывать хлѣбъ свой!»

Только послѣ того, какъ Кольцовъ показалъ все это въ живыхъ образахъ, производя ими благотворное впечатлѣніе, можно было, съ надеждою на вниманіе и успѣхъ, говорить о необходимости возвратить крестьянству его человѣческія права.

Языкъ Кольцова¹⁾.

А. В. Кольцовъ прекрасно зналъ народный языкъ, съ его характерными особенностями, которыя умѣлъ переносить въ свои пѣсни. Даже его письма, иногда поражающія своими неправильностями въ отношеніи языка литературнаго, блещутъ нерѣдко удачными сравненіями, народными пословицами и поговорками, которыя могли бы составить значительное дополненіе къ пословицамъ, собраннымъ по-этомъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ такихъ поговорокъ: «Дай-ка мнѣ еще распахнуться нынѣшній годъ; а на слѣдующій пойдетъ покосъ добрый» (214); «дай Богъ все горькое пить, да на смерть не упиться» (191); «буду биться до конца краю» (218); «желанью сѣнца не подложишь» (162); «да почему жъ передъ ними на колѣно не понизить своихъ обстоятельствъ» (189); «худо крылья опустить» (193); «мнѣ даны отъ Бога море желаній, и съ кузовой души» (191); «я бы не нашелъ слѣдка, не только что дорожки» (201); «перегорить да выгорить, такъ лѣтъ черезъ сто будетъ славная пѣсня» (167); «роса зари ему не въ помочь» (188); «уже море — ближе берегъ» (201); «пусть ихъ отуманитъ утро, а оно все-таки разведрится опять» (198), «что день — то горе; что шагъ — то напасть» (183).

Литературная рѣчь до конца жизни Кольцова не вполне давалась поэту, хотя онъ и сдѣлалъ въ ней значительные успѣхи. Приведа въ своей статьѣ одно письмо поэта, Бѣлинскій замѣчаетъ: «Такъ писалъ онъ всегда и почти такъ говорилъ. Рѣчь его была всегда нѣсколько вычурна, языкъ не отличался опредѣленностью; но зато поражалъ какою-то наивною и оригинальною». Остановливаясь на этомъ сужденіи критика, А. Н. Пыпинъ, съ своей стороны, прибавляетъ: «Этотъ недостатокъ опредѣленности происходилъ отъ непривычки къ литературному языку, котораго онъ никогда не слышалъ въ своемъ обыкновенномъ кругу; онъ самъ нерѣдко сознавалъ, что ему трудно высказать свою мысль, когда требовалась нѣсколько отвлеченная форма выраженія, а въ той «наивности и оригинальности», которую затруднился опредѣлить Бѣлинскій, участвовало между прочимъ удивительное мастерство въ настоящемъ народномъ языкѣ, которое даетъ такую силу выраженія поэзіи Кольцова, и нерѣдко чувствуется въ его перепискѣ»²⁾.

¹⁾ Ссылка вездѣ приводится на страницы по академическому изданію; для стихотвореній указывается и стихъ, такъ, напр., ссылка «56, 15» обозначаетъ 56-ю страницу и 15-й стихъ.

²⁾ А. Пыпинъ. Бѣлинскій. (2-е изд., стран. 328—329).

Итакъ, и сила и интересъ языка Кольцова — въ народномъ элементѣ.

Правда, въ его стихотвореніяхъ и письмахъ мы найдемъ заимствованныя изъ литературнаго языка слова; напр.: бардъ (166), зефиръ (6, 14), изящность (27, 27), лира (27, 51), Парнасъ (27, 25), сцена свѣта (26, 7), филомелы гласъ (16, 5), фіалъ (27, 19), фортуна (26, 8; 41, 29) и др.

Встрѣчаются въ стихахъ К. и обычные въ поэзіи XVIII и начала XIX вѣка славянизмы и архаизмы; напр.: брегъ (36, 10), бытіе (12, 2), горѣ (39, 22), вѣщать (18, 22), золото (11, 4; 12, 29); младая кровь (14, 15), огонь (16, 8; 35, 16); озлащать (14, 8), хладный (20, 19). Такія слова не рѣдкость встрѣчать въ первыхъ стихотвореніяхъ Кольцова; въ послѣдующихъ число ихъ уменьшается.

Переходимъ къ особенностямъ народнаго элемента въ языкѣ поэта. Считаемо нужнымъ оговориться, что приводимъ примѣры для характеристики языка Кольцова, не имѣя возможности достигнуть исчерпывающей полноты.

Обратимся къ лексическому составу словъ, заимствованныхъ Кольцовымъ изъ народнаго языка или отличающихся чисто-народною окраскою въ произношеніи ихъ.

Имена существительныя: арипей (165; у Дикарева, н. соч., № 177; въ словарикѣ *А. Поликартова* въ «Пам. кн. Ворон. губ. на 1906 г.» (стран. 29): аряпей), беремя (219), *брага* (46, 20), *бражка* (121, 52), по весельямъ ѣздите (23, 61), голосъ (=музыка, стран. 169), *кльть* (120, 137), кошара (овечій заводъ, загонъ для скота, стойло — по *Далю*, 43, 22), *мочи нѣтъ* (167), набережье (70, 68), непогодъ (85, 61), *полымя* (62, 1), *помочь* (188; 114, 15; 97, 9), Рожество (168, 234; ср.: «два раза не рожался хлѣбъ», 43, 17), таганъ, таборъ (8, 13 и 17), *таланъ* (134, 164), хороводчикъ (169), улица (=игра, 101, 13), земь (93, 41), *зорька* (53, 5), китаечки конецъ (66, 5), Микола (57, 46), *присуха* (83, 73).

Имена прилагательныя: *безталанный* (44, 26; 208), водяной (10, 16, по *Далю*: напитанный водою, содержащій лишнюю воду), вострый (70, 61), *залитная тѣнь* (84, 27), *качливая* лодка (36, 11), мочный (=мощный, 204), наглазный (видный, 222), оржанный (у *Дикарева*, н. соч., № 175, и *А. Путинцева* «Словарь» въ «Пам. кн. Ворон. губ.», 17: «аржаной»), пододонная (115, 29; см. стран. 199), *полночный* (=южный, 27, 3), разымчивый (143, 4), сыченный (47, 32), талантливый (88, 10), шершеватый (190) и шероховатый (48, 13; 165), задней головою (58, 18), кручинный (97, 6), непогожая пора (133, 14), распашныя ворота (54, 4), семьянистый (57, 41).

Глаголы: ботѣтъ (=толстѣтъ; 132, 17), владать (160), гуторить (47, 36; въ словарѣ *Путинцева*, н. соч., 19), лизу далъ (190), жалиться (=жаловаться; 212), сердечко запрядало (23, 50; у *Далю*: запрядать=запрыгать), завихриться (146, 12), маялъ битвами (85, 68), пилатить (149, 31), это ему не показалось (т.-е. не понравилось, 174),

пужалъ себя (178), пушай (99, 27; 181), пущаетъ (203), не разговившись казной (66, 21), заиграть свадьбу (104, 55), домыкать (133, 2).

Нарѣчія: все (=все-таки, 198), гой (115, 29; 199), дюже (168, 170), зачередь (въ свою очередь, 168), лъзя (201), малова (=немного; ср. однава=однажды, въ словарѣ *Путинцева*, н. соч., 17), семъ, семка (семъ-ка я тебя накормлю — въ «Пам. кн. Ворон. губ.» 1906 г., стран. 30), эдакъ (162, ср. *Путинцева*, н. соч., 20).

Кольцовъ любитъ употреблять уменьшительныя слова. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: отъ дождя въ шалашигѣ (22, 24), буйная головка (113, 3), долинушка (37, 13), кормилица ржица (57, 43), что ты спишь, мужичокъ (119, 1), лошадокъ (120, 15), старушка (120, 20), ковшикъ, бражка (121, 52), смазливенькимъ личикомъ, умильными глазками (23, 42—43), характеръ добренькій (24, 28), сердечко пылкое (23, 42), сердечко удалое (24, 4).

Переходимъ къ морфологическимъ особенностямъ въ *именахъ существительныхъ*. У Кольцова находимъ слѣдующія формы: третьяго дни (223), два дни (170, 206; ср. *Дикаревъ*, 2348), много захватилъ кредиту (221), въ кипятку страстей (190), скучно, други, въ мірѣ жить (37, 2), вѣки (вм. вѣка, 60, 11), обычи (44, 9), за добычью (106, 11), всѣ раза буду (211), людьми (10, 3; 35, 28; 72, 10), людьми (73, 24), къ Михайлѣ Александровичу (187), въ любви муки познавая (43, 19), къ рѣкѣ Гайдарѣ (36; ср.: «катися, свѣтлая Гайдарь» 37, 25), озера (36, 9), ворота (222), копыты (174), селы (162), черевушки (168), на легкихъ крылахъ (181), выше темя горъ (62, 8), нѣтъ время (167), много надо время (162), и съ міра и съ время (142, 17), краснымъ полымемъ (62, 1).

Имена прилагательныя часто употребляются въ краткой формѣ: сине море (13, 1), печально бытіе (13, 42), чисто золото (45, 8), въ дальню сторону (47, 6), про широку степь (61, 4), дни желанны (38, 9), лѣса молчаливы (18, 7), низовы края (19, 18), ворота те-совы (46, 1).

Именительный падежъ именъ прилагательныхъ мужескаго рода часто оканчивается на *ой*; напр.: покровъ сонливой (14, 4), умъ твой строгой (29, 3); приблизительно съ 1836 г. Кольцовъ нерѣдко употребляетъ и окончаніе *ий*.

Родит. падежъ именъ прилагательныхъ оканчивается на *ова*; напр.: земнова чуждъ (16, 28), удалова молодца (24, 10), воску ярова (45, 2), мужа старова (98, 4).

Любопытенъ родительный падежъ: Украйны вольныя сыновъ (9, 36).

Въ сравнительной степени находимъ у Кольцова такія формы: богатѣй (43, 5), простѣй (23, 66), тяжельше (18, 1; 223).

Примѣры формъ мѣстоименій: мому (=моему) дѣду (примѣч. къ стих. № 133), безъ ней (32, 19), у ней (33, 6), кромѣ ихъ (216), обои (вмѣсто обычной формы: оба, стран. 163), всякъ (49, 7), съ ничего взятыся (217).

Глаголы нерѣдко употребляются въ многократномъ видѣ, напр.: горе мыкиваль (23, 18), я въ Воронежѣ ѣзживаль (22, 27), о могилѣ вгадывать (37, 4), пѣсни игрываль (101, 6).

Окончаніе *ся* часто не сокращается въ *сь*; напр.: смирился съ дѣтской простотою (26, 17), я силюся (42, 5), затоскуюся (45, 14), растворились (46, 2), сойдуся (203); интересно отмѣтить формы: поджавшись (8, 15), ей приходило тѣсно очень (224), жить приходитъ невыносимо тяжело (231), надо всѣми подсмѣиваетъ (221), найти (36, 31; 42, 7), итить (169, 229), дремать (64, 79), сыпится (359), воротють (171), хочуть (17, 225), гдѣ ты запропала (13, 14), мой путь перебѣгъ (18, 6), топъ (=тонуль) въ нихъ по самыя уши (276), понахмурилась (6, 1), понахлынули (85, 76), вспомянешь брата (28, 13), зацарюеть (73, 26), аль не потъ съ лица посыпится (101, 21), отложите этотъ вопросъ (190); формы причастій и дѣепричастій: забратыя деньги (156), прощаючись (121, 1), улыбаючись (144, 18) сидючи (101, 25), встрепенувшися (84, 49).

Неопредѣленное наклоненіе употребляется иногда вмѣсто будущаго времени; напр.: не забыть мнѣ никогда (15, 13), не расти травѣ послѣ осени, не цвѣсти цвѣтамъ зимой по снѣгу (99, 29—32) мнѣ васъ болѣ не встрѣчать (9, 2).

Отмѣтимъ нѣкоторыя особенности въ употребленіи *предлоговъ и приставокъ*: разбросайте по нихъ книжку (164), во саду дорожка (14, 2), съ издѣтскихъ лѣтъ (29, 21), косы кольцо, лентой *первитое* (15, 24), *преселенцы* (39, 20), полразрушенный (41, 16).

Укажемъ нѣсколько особенностей въ согласованіи: положень дитя (78, 24), хозяйинъ съ женой низко кланялись (46, 5—6), поклонись, цвѣты, головой землѣ (71, 100), никого не живетъ (117, 60).

Родительный падежъ существительнаго, имѣющей, значеніе опредѣленія, иногда ставится передъ опредѣляемымъ; напр., скрываютъ солнца свѣтъ (12, 8), небесъ вдохновеннымъ блескомъ, огня животворною силой (166), счастья звѣзда (49, 1), любви огонь (130, 4).

Въ управленіи словъ есть также любопытныя особенности; напр.: кумира ихъ вы ухватили (212), какъ, недруга, пренебрегай (31, 7), онъ пренебрегъ земли законы (41, 17), я ей (т.-е. ею) свяшенно дорожилъ (182), копѣйкой не нуждалась (43, 10), смѣются, други, вамъ (44, 12), не смѣйтеся любви (45, 16) и бѣдной, горестной мольбѣ смѣются въ перекоръ судьбѣ (41, 19—20).

Кольцовъ часто избѣгаетъ подчиненія предложеній, чѣмъ также приближаетъ свой языкъ къ народному. Укажемъ примѣры: я чувствовалъ, въ душѣ моей рождалась новая, невиданая сила (51, 41—42), суму дадутъ,—не спорь съ судьбой (26, 15);

Уступить вѣтеръ, и оно

Сравниется какъ полотно (13, 1);

Посему пѣтухи

Перекликнулись;

Призатихъ говоръ, шумъ

Въ темной горенкѣ. (47, 47—50).

А тряхнулъ кудрями—

Въ одинъ мигъ поспѣло (87, 19—20).

А сегодня во коварствѣ
Ты ужь менѣ измѣнилъ,
За богатство полюбилъ другую!
Я не такъ, мой другъ, богата,
Какъ престестница твоя:
Нѣтъ ни жемчугу, ни злата;

Неужли жъ безъ сердца я?
Веселися, — я страдаю;
О какой клятой залогъ!
Веселися, милой, знаю:
За меня отплатитъ Богъ!
(Соб. V, 318).

Пѣсня эта записана въ Вологодской губерніи, что можетъ говорить въ пользу ея народнаго происхожденія; но все же въ ней чувствуются мотивы сентиментальной лирики, особенно въ послѣднихъ строкахъ, говорящихъ о златѣ, сердцѣ и «клятомъ» залогѣ.

Стихотвореніе Кольцова «Разлука» (№ 129) имѣетъ въ себѣ отдѣльныя черточки несомнѣнно народныя. Въ разлукѣ съ дѣвицей молодець обращается къ природѣ, къ дубравѣ, степи и зарѣ:

Хороши вы — когда нѣтъ ея,
Когда съ вами дѣлится грусть — тоску!
А при ней васъ — хоть бы не было.

Въ этомъ отрывкѣ Кольцовскаго стихотворенія есть и сходство и различіе съ народными мотивами. Русскій народъ обращается къ природѣ и при счастливой и при несчастной любви. У Кольцова же молодець признается, что природа ему пріятна лишь при тоскѣ, которую онъ можетъ природѣ повѣрить, съ природой раздѣлить; въ народной лирикѣ гореванье вмѣстѣ съ природой занимаетъ видное мѣсто.

Безъ тебя, мой другъ любезный, я измучилась тоской.
Я съ того горя-кручины пойду въ зеленъ садикъ погулять,

(Соб. V, 6),

поется въ одной пѣснѣ. Въ другой пѣснѣ отчаянье разставанья соединено съ картиной грустной природы:

Любила я друга, милѣй его нѣтъ;	Въ лѣсахъ пользы нѣту: листья всѣ
Стала разставаться, не милъ бѣлый	шумять,
свѣтъ...	Древа, какъ нарочно, печальны стоятъ,
.....	Печальны стоятъ, печаль говорятъ,
Пойду, млада, въ лѣса, разгуляюся,	Печаль говорятъ, забыть мнѣ велеть.
Я съ милымъ дружечкомъ повидаюся.	(Соб. V, 468).

Не только лѣсъ, но и степь-трава, какъ и у Кольцова, сочувствуетъ разлукѣ любящихъ:

Я вечеръ дружка милаго	Темнымъ лѣсомъ проходила,
Провожала далеко,	Мнѣ казался алый цвѣтъ;
Провожала я милаго,	Не шелкова въ полѣ травка
Вздохнула тяжело;	Застилаетъ за мной слѣдъ, —
Тяжелешенько вздохнула,	Застилаетъ-заплетаетъ
Слезно плакала по немъ...	Полынь горькая трава.
Не знала куда притти...	(Соб. VI, 102).

Особое мѣсто занимаютъ тѣ пѣсни Кольцова, тему которыхъ можно опредѣлить, какъ «встрѣчу молодца съ дѣвицей».

Прежде всего мы должны отмѣтить пѣсню Кольцова (№ 16), изображающую молодца, сидящаго у окошка, смотрящаго вдаль и

переговаривающагося съ своей милой. Образъ человѣка, смотрящаго вдаль подѣ вліяніемъ сильнаго чувства, весьма обыченъ въ русской народной пѣснѣ. У Кольцова этотъ мотивъ встрѣчается дважды, въ вышеупомянутой пѣснѣ и въ стихотвореніи «Дума сокола» (№ 123). Въ собраніи великорусскихъ народныхъ пѣсней, изданномъ акад. А. И. Соболевскимъ, есть одна пѣсня (V, 130), иногда дословно совпадающая съ пѣсней Кольцова; народная пѣсня нѣсколько короче Кольцовской. Приведемъ первую пѣликомъ, сравнивая съ подходящими строками произведенія Кольцова.

Народная пѣсня начинается:

Спротивъ дома садъ цвѣтеть, въ томъ саду дорожка;
На нее бы все смотрѣль въ залѣ изъ окошка!

У Кольцова начало такое:

По-надъ Дономъ садъ цвѣтеть, На нее бы все глядѣль,
Во саду дорожка; Сидя, изъ окошка...

Далѣе народная пѣсня поетъ:

Со цвѣтами, со вѣнками Маша проходила
И, забывши про вѣнокъ, съ головки сронила.
И, потупивъ томный взоръ, съ милымъ говорила.

У Кольцова этому соотвѣтствуютъ слѣдующія строки:

Такъ съ кувшиномъ за водой
Маша проходила, Изъ кувшина въ забыты,
Томный взоръ потупивъ свой, Воду проливала...
Со мной говорила.

Далѣе, въ народной пѣснѣ:

Молвиль, молвиль Машѣ я: «Будь моя сестрица!
Сплю и вижу я тебя въ голубымъ платьѣ,
И злато твое кольцо лентой перевитое!»

У Кольцова соотвѣтственно этому читаемъ:

«Маша, Маша!» молвиль я: Платье голубое,
«Будь моей сестрою!» Страстный взглядъ, косы кольцо,
. Лентой перевитое!
Сплю и вижу все ея

Народная пѣсня кончается словами:

«Ты умрешь, — умру, милая, съ тобою!
Я любовь докажу — три раза поцѣлую».

А у Кольцова окончаніе слѣдующее:

Сладкой мигъ мой, возвратись! Ахъ, нигдѣ ужъ, никогда
Съ Дономъ я прощаюсь... Съ ней не повстрѣчаюсь!...

Народная пѣсня перепечатана акад. А. И. Соболевскимъ изъ сборника народныхъ пѣсней, записанныхъ въ Казани и тамъ же изданныхъ въ 1886 г. Мы увѣрены, что народная пѣсня является народной передѣлкой стихотворенія Кольцова. Это обстоятельство имѣетъ

для насъ особое значеніе. Мы въ правѣ ожидать, что народъ наложитъ на передѣлку печать своей психики. Въ какомъ направленіи эта передѣлка происходитъ? Что отличительнаго отъ Кольцовской пѣсни мы замѣчаемъ въ этой народной передѣлкѣ? Во-первыхъ, народъ уничтожилъ выраженіе «По-надъ Дономъ» и замѣнилъ его болѣе простымъ указаніемъ «Спротивъ дома», а неловко употребленное въ качествѣ придаточнаго предложенія «сидя» — обстоятельствомъ мѣста «въ залѣ», что можетъ быть нѣсколько вульгарно. Кувшинъ съ водой для народа остался вовсе непонятенъ. Какая же русская крестьянская дѣвушка ходитъ по воду съ кувшиномъ?! Корней этого кувшина, на нашъ взглядъ, надо искать еще въ ложноклассической поэзіи. Русскій народъ замѣнилъ кувшинъ вполне понятнымъ ему вѣнкомъ, который падаетъ съ головы, когда дѣвушка отъ смущенія наклоняется. Этотъ образъ несомнѣнно удачнѣе романтически выплескивающейся изъ кувшина воды. Далѣе, герой Кольцова видитъ во снѣ голубое платье Маши, а герой народа саму Машу въ голубомъ платьѣ. «Страстный взглядъ», какъ и многое другое изъ нѣсколько сентиментальнаго стихотворенія Кольцова, народомъ опущено. Непонятое народомъ, «кольцо косы, лентой первитое», было замѣнено обычнымъ народнымъ образомъ «злата кольца, лентой перевитого». Сентиментально-неопредѣленная тоска въ концѣ стихотворенія Кольцова была уже не передѣлана, а прямо замѣнена истинно-народнымъ чувствомъ, требующимъ конкретныхъ проявленій. Если милой умирать, такъ умирать и молодцу, а ужъ если любить, такъ цѣловаться, и не менѣе трехъ разъ! Однимъ словомъ, народъ снимаетъ съ стихотворенія Кольцова всѣ налеты сентиментально-романтической школы; но намъ важно, что эти налеты существуютъ.

Особенно сильно сказывались различныя литературныя вліянія на тѣхъ пѣсняхъ Кольцова, которыя относятся къ раннимъ годамъ его поэтической дѣятельности. Таковы двѣ его пѣсни, имѣющія содержаніемъ встрѣчу молодца съ дѣвицей. Одна начинается словами:

Если встрѣчусь съ тобой,

Иль увижу тебя (№ 3);

другая —

Увижу ль я дѣвушку,

Увижу ль я красную (№ 27).

Обѣ пѣсни носятъ отпечатокъ сентиментально-романтическаго направленія и, вообще, написаны не въ народномъ духѣ. Въ народной лирикѣ мы соотвѣтствій имъ не находимъ. Только начало пѣсень, повторяющее дважды одну и ту же фразу, для показанія силы чувства при встрѣчѣ съ любимой дѣвушкой, имѣетъ нѣкоторое подобіе начала народной пѣсни, изображающей встрѣчу дѣвицы съ молодцемъ¹⁾. Вотъ это начало:

Выйду ль я на рѣченку,
Выйду ль я на быструю;

Не увижу ль я милаго,
Сердечнаго, дорогого.

(Соб. IV, 528).

¹⁾ Подобное повтореніе — обычный приемъ народной лирики.

Извѣстное стихотвореніе Кольцова «Молодая жница» (№ 74), также имѣющее своей темой встрѣчу молодца и дѣвицы, не имѣетъ вовсе себѣ соотвѣтствія въ народной лирикѣ¹⁾. Русскій хлѣбопашецъ не склоненъ воспѣвать ни свою рожь, ни своихъ жницъ, и на поэтическій мотивъ любви, связанной съ представленіемъ о ржи, откликнулся лишь шутовской прибауткой, которую мы видимъ въ слѣдующей пѣснѣ:

Ты, верба, ты, верба моя, вербочка,	Ходить Ваня на межи,
Не расти, верба, во ржи,	Кличетъ дѣвушку во ржи!
Рости, верба, на межи!	Не ходи, Ваня, во ржи,
Не расти, верба, во ржи:	Да ходи, Ваня, на межи...

(Соб. IV, 609).

Пѣсня «Пора любви» (№ 86), для которой указываютъ литературныя параллели²⁾, представляетъ типичный плодъ личнаго творчества и не имѣетъ народныхъ параллелей.

Намъ остается разсмотрѣть еще 7 пѣсень Кольцова, которыя можно объединить темой «Воспоминанія молодца и дѣвицы другъ о другѣ». Этотъ мотивъ обыченъ для русской пѣсни; Кольцовъ также удѣлилъ ему много вниманія. Остановимся прежде на двухъ пѣсняхъ, гдѣ воспоминанія возникаютъ при видѣ кольца. Первая изъ этихъ пѣсень, «Кольцо» (№ 53), находитъ нѣкоторыя соотвѣтствія въ народной лирикѣ. Вообще говоря, кольцо милаго занимаетъ крупное мѣсто въ русской народной пѣснѣ; оно — обычный подарокъ милаго:

...мой миленькій идетъ,	Подарочекъ дорогой —
Мнѣ подарочекъ несетъ,	Съ руки перстень золотой.

(Соб. IV, 523).

Иногда дѣвица даетъ кольцо милому, какъ залогъ неразрывной связи:

Не мной бы дрянному владовати,	Я котораго въ дѣвицахъ любила,
Владовати бы мною любезному,	Золотымъ рѣзнымъ колечикомъ дарила.

(Соб. II, 278).

Въ стихотвореніи Кольцова видъ кольца напоминаетъ дѣвицѣ о разлукѣ съ молодымъ:

Что взгляну, то вздохну,	Возвратится ли онъ?
Затоскуюся,	Или вѣсточкой
И залыбятся глаза	Оживить ли меня
Горькимъ горемъ слезъ.	Безутѣшную?

Этотъ мотивъ, только въ нѣсколько иномъ тонѣ, встрѣчается въ народной пѣснѣ:

На прощеньице милой оставилъ	На ночь клала его въ головахъ;
Съ руки перстень золотой.	Поутру я, Маша, рано вставала,
День на ручушкѣ его носила,	Заливалась горькою слезой.

(Соб. V, 515)

¹⁾ Впрочемъ, среди малороссійскихъ пѣсень, кажется, встрѣчаются схожіе мотивы.

²⁾ Кольцовъ. Сочиненія. Акад. Изд. 1909 г. Примѣчанія, стр. 356.

И въ Кольцовской и въ народной пѣсняхъ кольцо воскрешаетъ воспоминанія о миломъ и сознание разлуки съ нимъ.

Главнымъ мотивомъ содержанія пѣсни Кольцова является желаніе дѣвушки растопить кольцо, которое безъ милаго ей не надобно. Въ народѣ не встрѣчается вполне тождественной пѣсни. Приведемъ пѣсню, въ которой распаявшееся кольцо является дурнымъ признакомъ въ глазахъ дѣвушки, разлученной съ молодымъ:

Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся: На правой рукѣ, на мизинчикѣ,
Ужъ кабы у меня у младешеньки, Распаялся мой золотъ перстень.

(Соб. V, 1).

Въ другой народной пѣснѣ дѣвушка не расплавляетъ кольца вслѣдствіе разлуки съ молодымъ, а досадуетъ, что стала лить это кольцо, такъ какъ молодецъ не любитъ ее. Въ этой пѣснѣ есть выраженіе, чрезвычайно близкое къ Кольцовскому. Вспомнимъ начало стихотворенія:

Я затеплю свѣчу	Распаяю кольцо
Воску ярова.	Друга милова.

Въ пѣснѣ же поется такъ:

Какъ бы я знала, млада, вѣдала,	Я не жгла бъ свѣчи воску яраго,
Непріятство друга милаго,	Не ждала бы я друга милаго;
Нелюбовь друга сердечнаго,	Не топила бы краснаго золота,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,	Не лила бы золота перетня.

(Соб. V, 59).

Несомнѣнно, Кольцовъ воспользовался чисто народными мотивами, подчинивъ ихъ въ художественно-цѣльномъ стихотвореніи одной идеѣ. Въ послѣдней строфѣ мы встрѣчаемся съ совершенно оригинальнымъ настроеніемъ поэта: въ звонѣ невредимаго кольца слышится скорбная «вѣчная память».

Во второй пѣснѣ (№ 84) Кольцовъ говоритъ о перстенецкѣ, на который глядится влюбленный и замѣчаетъ его измѣненія. Въ народной пѣснѣ кольцо также дарится для любованья имъ:

Пришло, пришло, молодецъ, перстенецекъ золотой;
Какъ тебѣ сгрустнется, — перстенецекъ поноси,
При радости, дѣвица, на портретецъ посмотри. (Соб. V, 537).

Однако въ данномъ случаѣ рекомендуется смотрѣть не на измѣненія перстенька, а на портретецъ, который, можетъ быть, вдѣланъ въ перстенецъ. Но есть въ русскомъ народѣ пѣсни, гдѣ съ измѣненіемъ, правда, не самого перстенька, а лишь его положенія, связаны и измѣненія судьбы любящаго или любящей:

На водѣ перстень не тонетъ;	Ванюшку любить велить.
У Катюши сердце ноетъ,	Перстенецъ пошелъ ко дну;
Сердце ноетъ и болитъ,	Знать любилъ Ванька одну!

(Соб. IV, 735).

Содержаніе обѣихъ пѣсенъ о кольцѣ разработано нашимъ поэтомъ самостоятельно, но для него не прошли безслѣдно мотивы на-

родныхъ пѣсень. Психологія послѣднихъ очень близка къ психологіи пѣсень Кольцова.

«Пѣсня» (№ 65) Кольцова, гдѣ молодець посылаетъ соловья летѣть на родину, къ окну дѣвицы, находитъ себѣ соотвѣтствіе въ народныхъ пѣсняхъ только по отношенію къ мотиву посланія птицы. Но въ народной пѣснѣ птицу, соловья или голубя, посылаетъ дѣвица, а не молодець. Вотъ одинъ примѣръ:

Соловешка премилый,	Сядь поближе ты, голубь, къ дружкѣ;
Ты вездѣ можешь летать:	Ты скажи-ка дружкѣ милому,
Полетай въ страны веселы,	Отъ меня ты скажи низкій поклонъ;
Въ славный городъ леги Ярославль,	Во-вторыхъ, скажи любезному,
Тамъ взыщи-ка дружка милаго,	Про несчастьице скажи про мое.

(Соб. II, 285).

Далѣе говорится о предполагаемомъ замужествѣ дѣвушки. Все сердечное настроеніе молодца, посылающаго соловья къ своей возлюбленной, разработано Кольцовымъ самостоятельно и оригинально.

«Пѣсня» (№ 9) Кольцова, начинающаяся словами:

Очи, очи голубья!

не находитъ себѣ соотвѣтствія въ народной поэзіи; правда, обращеніе къ очамъ въ ней встрѣчается, на примѣръ:

Ой вы, очи мои, очи!
Не ходите ко мнѣ ночи! (Соб. IV, 428).

Но, во-первыхъ, въ какой же лирикѣ не встрѣчается обращенія къ очамъ? Во-вторыхъ, вся дальнѣйшая часть стихотворенія Кольцова, т.-е. вся пѣсня, ничего общаго не имѣетъ ни съ психологіей народной лирики, ни даже съ ея языкомъ. Тамъ мы видимъ и «дни золотой весны» и «хладное сердце». Пѣсня эта относится къ началу поэтической дѣятельности Кольцова (къ 1828 г.) и носитъ на себѣ слѣды литературныхъ вліяній; такъ, указываютъ вліянія Дельвига¹⁾.

Стихотвореніе «Грусть дѣвушки» (№ 140), служащее какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ стихотворенія «Молодая жница», не имѣетъ себѣ полного соотвѣтствія въ народныхъ пѣсняхъ все по той же причинѣ, что Кольцовъ выдвигаетъ на первое мѣсто серпъ, косцовъ и прочіе атрибуты крестьянской идилліи, которой простонародье не понимаетъ. Но образъ дѣвушки, покинутой своимъ возлюбленнымъ, въ то время какъ другія дѣвушки наслаждаются счастьемъ, — общій и Кольцову и народной пѣснѣ. У Кольцова мы читаемъ:

На селѣ косцы	Только нѣтъ его,
Давно женятся;	Ясна сокола!

А народная пѣсня поетъ:

Ужь вы, дѣвушки подружки,	Да безъ милаго дружка...
Вы придите, посидите у меня,	Я безъ милаго дружка, —
Подумайте-погадайте, про меня.	Одоляетъ грусть-тоска,
Обо мнѣ ли обь несчастной!	Одоляетъ грусть-тоска,
Только я — одна, сиротка,	Кручинушка велика...

(Соб. III, 341).

¹⁾ Кольцовъ. Сочиненія. Акад. Изд. 1909 г. Примѣчанія, стран. 341.

Рядомъ съ воспоминаніями жницы о покинувшемъ ее молодцѣ можно поставить стихотвореніе Кольцова, начинающееся словами:

Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ! (№ 70).

Косарь отъ своихъ степныхъ впечатлѣній обращается къ воспоминаніямъ о любимой дѣвицѣ, которой нѣтъ съ нимъ. Въ народной лирикѣ существуютъ пѣсни, въ которыхъ специфическія переживанія косаря связаны съ тоской по отсутствующей дѣвицѣ:

Ужъ какъ ныѣшняго лѣтечка	Проливалъ слезы горячія,
Жарокъ сѣнокось;	Знаю, для кого...
Не отпущать меня, молодца,	Ужъ какъ знаю-пемышляю,
Гулять во всю ночь.	Кого я люблю.
Размолоденькій мальчишка	Люблю раскрасавицу,
Слезы проливалъ,	Да нѣтъ ее при мнѣ.

(Соб. III, 343).

Но въ народной пѣснѣ косарь тоскуетъ въ своей любви потому, что сѣнокось ставитъ препятствія: косаря могутъ не отпустить гулять во всю ночь. Косарь же у Кольцова именно въ своемъ занятіи черпаетъ силу для своей любви, а когда послѣдней нѣтъ, то и самое занятіе ему не мило. Слѣдовательно, сходство народной и Кольцовской пѣсенъ чисто внѣшнее, такъ сказать, предметное: и тамъ и здѣсь косарь, и тамъ и здѣсь тоска по отсутствующей дѣвицѣ. Психологическое же содержаніе у Кольцова оригинально, мы съ нимъ уже встрѣчались; это мотивъ все той же темы «крестьянской идилліи», съ которымъ мы имѣли дѣло въ пѣснѣ «Косарь». Замѣтимъ, что шумъ ржи не встрѣчается въ народныхъ пѣсняхъ въ сопоставленіи съ сердечной тоскою, но есть сопоставленіе послѣдней съ шумомъ дубравы:

Что не шумить, не гремитъ зелена дубровушка;
Что болитъ-болитъ буйная головушка;
Не по батюшкѣ болить, болить не по матушкѣ;
Что болитъ-болитъ о своемъ горѣ,
О своемъ дружкѣ сердечномъ. (Соб. IV, 473).

Характеристика очей возлюбленной въ пѣснѣ Кольцова имѣетъ нѣкоторое сходство съ народной пѣсней. Кольцовъ говоритъ о сладости очей, полныхъ думъ.

Сладко было мнѣ Въ очи, полныя
Глядѣть въ очи ей, Полобовныхъ думъ!

Въ народной пѣснѣ очи молодца постоянно встаютъ передъ дѣвицей, рождая у нея думы:

Ясны твои очи не дадутъ покою въ ночи;
Мнѣ нельзя спокойной быть, принуждаютъ васъ любить;
Рождаетъ много думъ, отнялъ у меня умъ. (Соб. IV, 460).

Горе молодца, по пѣснѣ Кольцова, заключается въ томъ, что дѣвица умерла. Въ народной лирикѣ не мало пѣсенъ на эту тему. Мы приведемъ одинъ вариантъ. Любопытно, что у Кольцова душев-

ное настроеніе косаря начинается съ упоминанія о степи. Въ народной пѣснѣ сперва упоминаются цвѣты и трава, отъ нихъ пѣсня переходитъ къ душевному настроенію, которое уже затѣмъ объясняется смертью дѣвицы. Такимъ образомъ констракціи Кольцовскаго стихотворенія и народной пѣсни совпадаютъ. Приведемъ послѣднюю:

Подъ тобою ли, подъ рябинушкой,	По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава растеть,	По голубушкѣ красной дѣвицѣ.
Не трава растеть, не огонь горить,	Ты, душа ль, душа красна дѣвица.
Не огонь горить, — ретиво сердце,	На зарѣ ль, зарѣ, зарѣ утренней,
Ретиво сердце, молодеческое,	При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Ахъ, горить, горить, какъ смола кипить,	Не простившия съ отцемъ, съ матерью,
По душѣ ль, душѣ, по лебедушкѣ,	Не выдавшия съ добрымъ молодцемъ,
	Живнь оставила, скончалася.

(Соб. V, 721).

Обратимся теперь къ «Пѣснѣ» (№ 125 «Не скажу никому»), въ которой собраніе цвѣтовъ связано съ радостями любви. Вспомнимъ слова Кольцова:

Та весна далеко,	Изъ которыхъ мы съ нимъ
Тѣ завяли цвѣты,	Завивали вѣнки!

Мотивъ заплетанія вѣнковъ любящей дѣвушкой извѣстенъ русской народной поэзіи:

По горамъ было по высокімъ,	Одинъ поалѣе всѣхъ.
По лужкамъ зеленымъ,
Расцвѣтали тамъ цвѣточки,	Ужъ я своему милому
Все цвѣты алые.	Стану-буду вѣнки плестъ.
Еще все цвѣты аленьки,	(Соб. IV, 357).

Изъ этой пѣсни мы не видимъ, чтобы дѣвушка собирала цвѣты вмѣстѣ съ милымъ. На это есть указаніе въ другой народной пѣснѣ:

По цвѣтикамъ ходила,	Не нашла я, не нашла одного —
По алымъ гуляла;	Не нашла милаго своего.

(Соб. IV, 436).

По народной психологіи весьма оказывается естественнымъ, если дѣвушка, покинутая милымъ, пойдетъ собирать цвѣты:

Сидѣла Маша, горевала, мало ночь спала,
 Мало ночи, дѣвка, до полночи, до второго часу.
 Во второмъ часу-минуткѣ пойду за цвѣтами,
 Пойду за цвѣтами, зальюся слезами... (Соб. IV, 362).

Въ стихотвореніи же Кольцова дѣвушкѣ не до цвѣтовъ:

Не скажу никому	По полямъ и лугамъ
Отчего я весной	Не собираю цвѣтовъ.

Подобное настроеніе не чуждо и народной поэзіи:

Я при миленькомъ рѣзва и весела,	Мнѣ не милы въ саду розовы цвѣты,
Безъ любезнаго печальна и грустна.	Омерзѣли всѣ ракиговы кусты,
И я съ той поры гулять не выхожу,	Обвалились всѣ малиновы листы.
Во прекрасный садъ въ окошко не гляжу;	(Соб. IV, 36).

не ихъ главнымъ образомъ; цѣлый рядъ темъ и настроеній Кольцовскихъ пѣсенъ не имѣетъ никакого себѣ подобія въ народной лирикѣ. Многіе народные мотивы вовсе у Кольцова отсутствуютъ или измѣнены, можно сказать, смятчены. Эти особенности объясняются отчасти личностью поэта, отчасти литературными вліяніями. Въ Кольцовѣ вовсе не было той народной непосредственности, о которой хочется думать, имѣя въ виду форму и языкъ его пѣсенъ. Ихъ содержаніе говоритъ намъ противное. Кольцовъ стоитъ подѣ вліяніемъ основныхъ теченій русской литературы и гораздо ближе къ сентиментально-романтическому, чѣмъ къ реалистическому ея лагерю. Налетъ сентиментальныхъ и романтическихъ чертъ сильно сказывается во всѣхъ стихотвореніяхъ вплоть до послѣдняго. Кольцовъ взялъ у народа форму пѣсенъ и часть ихъ содержанія. Послѣднее онъ добавилъ и переработалъ соответственно своему складу и вкусу, довольно далекимъ отъ склада и вкуса народа; и лишь въ такомъ видѣ пѣсни Кольцова стали достояніемъ русской литературы.

А. Некрасовъ.

Семейный бытъ въ пѣсняхъ Кольцова и народной лирикѣ.

Народныя пѣсни раскрываютъ намъ добрую и дурную сторону народной жизни, объясняютъ многое, чего не узнаешь изъ сухого разсказа о событіяхъ. Въ нихъ высказывается высокое самоотверженіе сердца и неодолимая сила воли, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ печальныя картины семейнаго разлада и общественнаго неурядиства: рядомъ съ прекраснымъ типомъ доброй, любящей дѣвушки передъ вами непривлекательный образъ злой, лихой свекрови; молодецкая удалъ нерѣдко выражается въ горькомъ горѣ, въ разбоѣ и хмелинущкѣ. Народная пѣснь есть выстраданное вѣками чувство былого и настоящаго — былъ, которая выросла вмѣстѣ съ народомъ, и отчего она сложилась такъ, а не иначе, должна объяснить вамъ исторія; образованіе, государственное устройство, разныя событія — все это имѣетъ вліяніе на жизнь народа и народность, какъ кровь, которая обращается въ жилахъ, принимаетъ въ себя и здоровье и болѣзнь изъ воздуха, которымъ человѣкъ дышитъ.

Кольцова называютъ народнымъ поэтомъ, потому что онъ сумѣлъ въ своихъ пѣсняхъ ярко выставить многія черты русской народности. Наше дѣло показать, насколько сближается онъ съ народомъ, какія стороны русской жизни онъ изображаетъ, что новаго онъ внесъ въ народную пѣснь, какъ поэтъ художественный, воспитанный по произведеніямъ Жуковскаго и Пушкина? Любопытно видѣть, какъ въ народныхъ пѣсняхъ мы находимъ всѣ темы стихотвореній Кольцова; горемычная любовь дѣвушки, любовь-тоска молодца, удалство съ его презрѣніемъ къ долѣ и самая горькая доля. Но всѣ эти темы во многомъ измѣнены и развиты своеобразно: успокаивающій идеаль мирнаго сельскаго труда и семейнаго довольства радостно

рисуетъ вамъ посреди зловѣщихъ образовъ молодецкаго разгула. Лиризмъ Кольцова кладетъ на все нѣжный покровъ утонченнаго чувства, тогда какъ въ народной лирикѣ вы чаще находите ту эпическую форму, которая, представляя фактъ, мало касается его внутренняго мотива. Но при самомъ разборѣ пѣсенъ мы яснѣе покажемъ, какъ эти, такъ и другія различія. Мы на этотъ разъ рассмотримъ только пѣсни, относящіяся къ семейному быту.

Въ народныхъ пѣсняхъ, изображающихъ любовь дѣвушки, — преобладаетъ грустный тонъ элегій¹⁾. Вотъ покинутая дѣвушка думаетъ слить себѣ крылышки да летѣть на чужой городъ, чтобы кликать кличъ: кто научить ее забыть милаго друга? Вотъ повѣряетъ она свое горе дубровѣ: ея судьбу пѣсня сравниваетъ съ судьбою горемычной кукушки, у которой залетный соколъ разорилъ гнѣздо и разогналъ дѣтокъ. Иногда гадаетъ она, свивая вѣнокъ изъ грушитцы и бросаетъ его въ рѣку; но вѣнокъ тонетъ: знать-то дружокъ нашелъ другую повѣжливѣе да попривѣтливѣе. Въ горѣ одинъ ей отвѣтъ:

Ненаполнишь ты синя моря слезами, Не воротишь друга милаго словами.

Безъ милаго завяль ея прекрасный садикъ, и соловей, что пѣлъ въ немъ, улетѣлъ; красное солнце рано закатилось за лѣсъ. Тутъ особенно трогательно кроткое чувство, съ которымъ добрая дѣвушка обращается къ другу:

Коли лучше меня найдешь — позабуду- Коли хуже меня найдешь — вспомя-
дешъ, нешь.

Въ этомъ и Кольцовъ вѣренъ народному духу; и у него дѣвушка даритъ кроткимъ словомъ на прощаньи:

Ну Господь съ тобою, мой милый Я за твой обманъ не сержуся...
другъ! Хоть и женишься — раскаешься...

Въ другой пѣснѣ, гдѣ женщина задумывается и плачетъ надъ своимъ серпомъ по одному горькому предчувствію, грусть ея выражена, между прочимъ, слѣдующими стихами:

Не къ добру жъ тоска Нѣтъ не къ радости,
Давитъ бѣду грудь, Плакать хочется.

Въ народной поэзіи, въ противоположность этому, высказывается болѣе реальное горе:

Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу пе- И онъ налилъ очи ясныя слезами,
чали, Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

Пѣсня: «Разступитесь, лѣса темные» особенно замѣчательна по своему народному мотиву:

Я рѣкой пойду по бережку, На край свѣта, на край бѣлаго —
Полечу горой за облакомъ, Искать сгану друга милаго.

¹⁾ Въ собр. Сахарова, семейныя пѣсни №№ 1, 2, 3, 12, 16, 17, 25, 29, 35, 38, 39, 40, 42, 46, 47, 51.

Этотъ образъ напоминаетъ слова народной пѣсни:

Я слила бы себѣ крылышки, Что искать себѣ друга милаго.
Полетѣла бь на иной городъ

Лучшая изъ пѣсенъ Кольцова на ту же тему безъ сомнѣнія: «Кольцо». Тутъ поэтъ прекрасно воспользовался народнымъ обычаемъ гадать по кольцу, чтобы выразить задушевную тоску дѣвушки:

Я затеплю свѣчу Растоплю кольцо
Воску яраго, Друга милаго.

Въ соотвѣтствіе этому въ народной пѣснѣ поется:

Я не жгла бы свѣчи воску яраго, Не топила бь красна золота
Не ждала бы друга милаго, Не лила бы золота кольца.

Судя по другому народному стихотворенію, потеря дорогого кольца служить печальнымъ предвѣстіемъ дѣвушкѣ: видно быть ей не за милымъ, когда привидѣлся сонъ, что распаялся золотой перстень и выкатился дорогой камень... расплетутъ ея русую косу — и она обращается къ буйнымъ вѣтрамъ, чтобъ отнесли къ другу печальную вѣсточку. Согласно словамъ Кольцова: «Любовь — огонь, съ огня — пожаръ», и народная пѣснь говоритъ:

Ты гораздъ, душа, огонь высѣкать, Скоро трутъ загорается.
Часто искры сыплются,

Такъ въ лучшихъ своихъ произведеніяхъ Кольцовъ близокъ не только духомъ, но и самыми выраженіями къ народной лирикѣ, и при всемъ томъ его произведенія не какой-нибудь наборъ простонародныхъ словъ, а живыя созданія, гдѣ природа, сохраняя всю свою первобытную простоту, преобразуется нерѣдко въ лучшіе типы.

Но вообще говоря, у нашего поэта далеко нѣтъ того разнообразія, съ какимъ высказывается чувство женщины въ народной лирикѣ. Пылкое самоотверженіе составляетъ главный его характеръ. Другія его свойства (исключая, такъ называемыхъ, разгульных пѣсенъ, имѣющихъ предметомъ, большею частью, грубую сатиру): нѣжность, скромность, грація. Вотъ, батюшка запираетъ дѣвицу въ темницу, а она проситъ сдѣлать три окошечка: одно въ чистое поле, другое—въ садъ зеленый, третье—къ синю морю. Въ чистомъ полѣ ничего не видно, въ саду жалобненько распѣвають пташки, а по морю плыветъ корабликъ, на которомъ сидитъ ея другъ, и она машетъ платкомъ и «ручужкой» на прощаніе¹⁾. Скромность чувства мы встрѣчаемъ и при описаніи свиданій: кто кого любить, садится противъ друга на дубовой скамеечкѣ, тяжелехонько вздыхаетъ, про кручинушку не скажетъ. Мы видимъ, что простодушная грація любви доступна и простому народу. И дѣйствительно, не-

¹⁾ Сахаровъ, «Удалая пѣсни», 20.

справедливо было бы сказать, что, вслѣдствіе страшной порчи, накопившейся съ вѣками, совсѣмъ утратилась въ немъ первобытная простота поэзіи. Всего неожиданнѣе встрѣчаемъ мы здѣсь ту глубокую нѣжность, которая, казалось бы, должна принадлежать чело-вѣку съ нѣскольکو высшимъ развитіемъ. Въ этомъ отношеніи особенно хороша пьеса, гдѣ дѣвушка сравнивается «съ тонкою, бѣлою, кудреватю березою, которую ни солнышко, ни мѣсяцъ не грѣютъ, ни усыпаютъ частыя звѣзды, а поливаетъ только крупными дождями, да ломить буйнымъ вѣтромъ».

Какъ не ласточка къ ней съ вѣстью прилетала,
Не радостную касаточка приносила,
Что лежитъ моя надежа трудень-болень.

Въ тоскѣ своей она молится Богу о здоровьѣ друга и мечтаетъ, какъ бы сплетала ему вѣнки и говорила:

Не разлучимся мы, надежа, до смерти,
Мы простимся съ бѣлымъ свѣтомъ навѣки.
Какъ останутся такія про насъ вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько,
Мы и умерли съ тобою, другъ, вѣрненько.

Эта вѣрность, высказанная здѣсь нѣскольکو идеально, составляетъ предметы лучшихъ пѣсенъ нашей народной лирики. Женщина здѣсь способна не только страдать и покоряться, но и сильнымъ протестомъ высказать свое страданье. Изнемогая въ этой борьбѣ твердой воли души съ упрямымъ насиліемъ, она призываетъ смерть, какъ послѣднее убѣжище. Самая рѣчь становится здѣсь выразительнѣе, изображая то страстный порывъ тоскующей души, то мрачную глубину отчаянія, но тамъ, гдѣ тоска выше словъ, которыми можно ее выразить, поэзія переходитъ въ юморъ.

Вотъ младъ ясенъ соколъ ушибъ, убилъ сизаго голубя.

Онъ кровь пустиль по сыру дубу, Какъ растужится, разворкуется
Онъ кидаль перья по чисту полю, Сизая голубушка по голубѣ
Онъ и пухъ пустиль по поднебесю. По голубчикѣ мохноноженькомъ.

Говоря объ этой силѣ выраженія, мы должны припомнить прекрасное стихотвореніе Кольцова, подъ названіемъ «Разлука» (стр. 137). Особенно его окончаніе поражаетъ полнотою выливагося прямо изъ души чувства: «Вмигъ огнемъ лицо все вспыхнуло, бѣлымъ снѣгомъ перекрылося, и проч.» Но, отложивъ въ сторону художественное развитіе образа, мы не можемъ не замѣтить, что и характеръ чувства у Кольцова совсѣмъ измѣняется. Сравнивши съ этой пьесой народные стихи: «Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ», которые также описываютъ прощаніе, мы поймемъ разницу между тѣмъ и другимъ настроеніемъ. Тогда какъ мечта любви, ея радостная, поэтическая сторона придають у Кольцова какой-то свѣтлый тонъ самой картинѣ отчаянія, въ народной лирикѣ вы видите жизнь, подавлен-

ную тяжелымъ гнетомъ дѣйствительности, вамъ чудится саркастическая улыбка надъ разрытою могилой:

Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго;
На столѣ стоитъ новъ тесовый гробъ,
Во гробу лежить красна дѣвица.

Та же мрачная мысль высказана и въ пѣсѣ: «Туманно красно солнышко, туманно». «Тогда я разлюблю друга», говоритъ дѣвица, «какъ засыплются глаза мои песками, закроются бѣлы груди досками»; но здѣсь, по крайней мѣрѣ, нѣтъ той безнадежной шутки, что только смертью можно изъяснить покорность волѣ родительской; здѣсь видна и готовность дѣйствовать въ защиту правъ своего сердца. Эта дѣятельная любовь служить содержаніемъ и нѣкоторыхъ другихъ народныхъ пѣсень. Такъ въ пѣсѣ: «Ты воспой, воспой, младъ жавороночекъ»¹⁾, рассказано, какъ добрый молодецъ, сидя въ темницѣ, пишетъ грамотку къ отцу—къ матери, и поручаетъ жаворонку отнести его письмо, въ которомъ онъ молить родителей выкупить своего сына; но отецъ, мать и весь родъ-племя отъ него отрекаются: только красная дѣвица, получивъ грамотку, воскликнула въ сердечной тревогѣ:

Ахъ вы нянюшки, мои матушки,	Отмыгайте скорѣе кованы ларцы,
Мои сѣнныя, вѣрныя дѣвушки!	Вы берите казны сколько надобно,
Вы берите мои золоты ключи,	Выкупайте скорѣй добра молодца.

Наконецъ, въ народныхъ пѣсняхъ, женщина иногда является и грозной мстительницей за оскорбленное чувство. Какъ ни рѣдки подобные случаи, пѣснь «Хорошо тому на свѣтѣ жить» свидѣтельствуется, что любовь у нашего народа способна къ этому мрачному трагизму.

Изъ предыдущаго разбора видно, какую полноту въ развитіи женскаго чувства представляетъ намъ народная лирика. Мы видѣли также, что Кольцовъ коснулся не многихъ сторонъ этой богатой жизни; но мы еще ничего не говорили о двухъ совершеннѣйшихъ его стихотвореніяхъ на разобранную нами тему: «Пора любви» и «Молодая жница». Мы не упоминали о нихъ потому, что, несмотря на ихъ вполне народный складъ, этими стихотвореніями Кольцовъ всего болѣе удаляется отъ характера народной лирики, или, лучше сказать, въ нихъ та же народность, но уже обновленная идеаломъ своего поэта.

Главнѣйшая разница состоитъ въ томъ, что Кольцовъ рисуетъ намъ внутреннюю психологическую сторону чувства, его таинственное рожденіе въ душѣ, между тѣмъ какъ народная лирика имѣетъ дѣло только съ событіемъ, изображаетъ, преимущественно, внѣшнюю сторону факта. Народъ не имѣетъ обычая долго вдумываться въ свою мысль, слѣдить за всѣми ея измѣненіями въ душѣ: для него пѣснь—

¹⁾ Сахаровъ, Пѣсни удалыя, № 13.

быль въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Онъ создаетъ вѣчный мемуаръ своей жизни, путевыя замѣтки, на которыхъ виденъ свѣжій слѣдъ испытаннаго; но не ищите художественнаго анализа впечатлѣній. Фактъ, взятый живьемъ, тѣмъ не менѣе говоритъ за себя, тѣмъ не менѣе ясно глядитъ идея, его озаряющая; но никогда идея эта не возносится надъ фактомъ. Оттого полнѣйшая пластика составляетъ необходимое свойство народныхъ произведений. Мы лучше объяснимъ это при разборѣ.

Описаніе чувства въ народныхъ пѣсняхъ почти ограничивается словами: «У душечки, красной дѣвушки, много въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки». Послѣ синонимическихъ распространеній той же мысли сейчасъ слѣдуетъ разсказъ, на примѣръ, о томъ, какъ дѣвица черпаетъ воду у ключика и вдругъ, поставивши ведерцы, призадумалась, да заплакала, что нѣтъ у нея ни роду-племени ни друга.

Но народъ не мастеръ изображать таинственныя тревоги, не слышно возникающія въ душѣ; ему нуженъ многозначительный фактъ: измѣна, смерть, муки ревности. Художественно изобразивъ въ двухъ своихъ пьесахъ психическую сторону любви, Кольцовъ сталъ на такую идеальную точку, до которой народъ никогда не возвышался.

Душно дѣвицѣ на полѣ, «горитъ гормо лицо бѣлое», голова клонится на грудь, колосъ изъ рукъ валится, она глядитъ въ сторону, забывается...

Охъ болить у ней
Сердце бѣдное,

Зародилось въ немъ
Небывалое!

И когда молодець вздохнулъ, запѣлъ пѣсню грустную:

Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицы

Отзволась она
И запала въ ней.

Мы указываемъ главнѣйшія черты этого прекраснаго образа. Нельзя сказать, чтобы въ нихъ что-нибудь противорѣчило духу народности; но ихъ утонченный выборъ и чистая прелесть цѣлаго художественнаго развитія уже напоминаютъ изящное творчество Пушкина. Припомнимъ хоть бы слѣдующее мѣсто изъ Онѣгина:

Тоска любви Татьяну гонить,
И въ садъ идетъ она грустить,
И вдругъ недвижны очи клонить
И лѣнь ей далѣе ступить:

Приподнялась грудь, ланиты
Мгновеннымъ пламенемъ покрыты.
Дыханье замерло въ устахъ,
И въ слухъ шумъ и блескъ въ очахъ.

У Кольцова нѣтъ такихъ словъ, какъ «недвижный, ланиты», вмѣсто «лѣнь ей ступить» находимъ черту, согласную съ положеніемъ деревенской дѣвушки: «нѣтъ ей охоты жать колосистой ржи, колосъ срѣзанный изъ рукъ валится» вмѣсто «ланиты покрыты пламенемъ» читаемъ «горитъ гормо лицо бѣлое» и т. д. Бойкость и сила выражений, тонъ удалства, разлитый въ пѣлой пьесѣ, принадлежитъ Кольцову, какъ поэту народному: но нельзя не замѣтить, что полнота и законченность рисунка и нѣжный его колоритъ,

происходящій отъ гармоническаго соединенія красокъ, сближаетъ нашего поэта съ Пушкинымъ.

Еще болѣе удаляется Кольцовъ отъ народной лирики въ стихотвореніи «Пора любви». Мысль представить дѣйствіе весны на сердце человѣка уже сама по себѣ такъ утончена, требуетъ такого глубокаго психическаго анализа, что ея художественное возсозданіе доступно только вполнѣ развитому чувству. Народъ, конечно, живетъ въ тѣсномъ сближеніи съ природою; всѣ ея вліянія глубоко въ немъ отражаются. Оттого и природа для него олицетворенна, принимаетъ участіе во всѣхъ тревогахъ его жизни, чему доказательствомъ можетъ служить почти всякая народная пѣсня. Глядитъ ли дѣвушка въ садъ изъ своей темницы: «Жалобнехонько въ саду пташки распѣвали».

Тоскуетъ ли она о своемъ неудачномъ супружествѣ:

Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи.

Можно сказать, что между всѣми явленіями природы и жизни народной проведена самая строгая параллель, и камни, растенія, звѣри существуетъ только для того, чтобы повторять собою жизнь человѣка: природа является даже на первомъ планѣ, какъ владычица судьбы человѣка. Но по привычкѣ самаго этого сближенія, народъ не привыкъ представлять природу, какъ что-то отдѣльное, независимое отъ нашей свободной воли, не привыкъ повѣрять психологически ея дѣйствія надъ собою. У Кольцова же въ сближеніи съ природою мы замѣчаемъ это раздвоеніе. Не даромъ онъ былъ въ одно время поэтъ и философъ. Его философскія пьесы, которыя Бѣлинскій помѣстилъ отдѣльно подъ именемъ «Думъ», заключаютъ всегда одинъ вопросъ: какая цѣль бытія? зачѣмъ созданы міры? какое мѣсто посреди ихъ человѣку? Этихъ пьесъ нельзя однако при объясненіи творчества Кольцова разсматривать отдѣльно: въ нихъ есть торжественная связь съ другими его стихотвореніями. Религіозная мысль въ нихъ разлитая нерѣдко отзывается чѣмъ-то принужденнымъ, искусственнымъ; главный же мотивъ—сомнѣніе. Сомнѣніе, разрѣшающееся чисто религіознымъ успокоеніемъ, есть первая степень того развитія, на которую становится человѣкъ, высвобождаясь изъ своего природнаго патріархальнаго состоянія. Кольцовъ не видитъ смысла въ исторіи; онъ самъ говорить:

Въ моемъ толкѣ
Смыслу нѣту,

Чтобъ провидѣть
Дѣла Божьи...

Вполнѣ сближаясь своей религіозной вѣрою съ природою, онъ однако отдѣляется отъ ней тѣмъ, что смотритъ на природу и жизнь съ новой идеальной точки зрѣнія. Сомнѣніе возбуждаетъ въ немъ такіе вопросы, которые не могли приходить въ голову народу при его патріархальной вѣрѣ во все чудесное. Оттого и природа съ ея

Свойственный народной поэзии символизмъ не чуждъ и Кольцову; напримѣръ, въ «Пѣснѣ» о перстенечкѣ говорится:

Если грустно будетъ ей — Если радость — измѣнись
Ты потускни, почернѣй; Весь алмазомъ разгорись. (80, 5—8).

Часто употребляетъ поэтъ вопросительную форму, что опять сближаетъ его пѣсни съ народною поэзіею; напримѣръ:

Ахъ, зачѣмъ меня На что ты, сердце нѣжное,
Силой выдали? (98, 1—2) Любовію горюшь? (44, 1—2)

См. также стихотворенія: «Молитва», «Могила», «На отъѣздъ Кашкина», «Къ подругѣ моей юности», «Путь», «Ровеснику» и другія.

Не рѣдки у Кольцова повторенія словъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ:

Любовь, любовь чистѣйшая (44, 13) Увижу ль я дѣвушку,
Сердца, сердца холодныя (45, 17) Увижу ль я красную (23, 1—2)
Очи, очи голубыя (9, 1) Полюбишь ли, дѣвушка,
Дѣвы, дѣвы молодыя (9, 3) Полюбишь ли, красная (24, 6—7).
Люди добрые, скажите, Ваша радость, глаза,
Люди добрые, не скройте (25, 1—2) Не моя, не моя. (65, 6—7).

Къ такимъ повтореніямъ близки тавтологическія выраженія: напр.: помчусь, полечу (47, 3—4), догоню, ворочу (47,—8), загорись, разгорись (45, 5), распаяй, раствори (45, 7), побывали, унеслися (9, 5).

Повтореніе употребляется для перехода мысли; напримѣръ:

Нагустиль ее Что задумалась (62, 9—14)
Въ тучу черную; Ополчается
Туча черная Громомъ, бурею...
Понахмурилась, Ополчилась
Понахмурилась — И расширилась (62, 21 слл.).

Иногда повтореніе превращается въ фигуру единоначатія; см. стихотворенія: «Я былъ у ней» (11), «Приди ко мнѣ» (14), «Путь» (112, 15—17) и др.

Встрѣчаются у Кольцова тавтологическія выраженія, близкія къ народнымъ; таковы, напримѣръ: «горить-горма все (67, 11), мучить душу мука смертная (97, 7—8), полнымъ полна (81, 4).

Взамѣнъ риемы встрѣчается иногда аллитерація: чрезъ поля, за моря, приберусь и явлюсь (47, 5, 8), что взгляну, то вздохну» (45, 13).

Приведемъ, наконецъ, нѣсколько картинныхъ выраженій Кольцова:

Горитъ огнемъ и вѣчной мыслью Нахмурилъ брови бѣлой день
[солнце (96, 1). [(10, 10).
И зальются глаза Стоитъ она, задумавшись,
Горькимъ горемъ слезъ (45; 15—16). Дыханьемъ чаръ овѣяна (81, 21—22).
Зима лицо знобитъ, На зарѣ туманной юности (130, 1).
Солнце сожигаетъ (90, 15—16). Счастливое забвеніе пилъ (11, 10).

Уснуль очарованный, Дерзкому сомнѣнью (73, 29—30)
 Упившись любовью (23, 54—55)¹⁾. Соловьемъ залетнымъ
 Пьеть радость, радостью дыша (13, 17) Юность пролетѣла (89, 1—2).
 Подѣвку я крылья

Особенно богаты образными выраженіями такія стихотворенія, какъ «Урожай», «Лѣсъ».

Необходимо отмѣтить и нѣкоторыя ударенія въ словахъ, которыя приближаютъ языкъ Кольцова къ народному: вѣшунъ-сердце (25, 31), за добычью (105, 11), налѣжилъ печать (77, 18), придетъ, сядетъ рядомъ (88, 26), подсобить (57, 46), работаютъ (119, 4), рѣд-ный братъ (26, 14), село рѣдное (70, 59), ты не сѣрдись (110, 25), сердечко удалое (24, 4), непогодъ (85, 62).

Изъ «Академической библиотеки русскихъ писателей», в. 1-го.

• Особенности языка пѣсень Кольцова.

Стихъ Кольцова способенъ стать пѣвучимъ, когда нужно, напр., изобразить нѣжное глубокое элегическое чувство. Такимъ стихомъ написана, напр., пѣсня, въ которой изображенъ молодець, страдающій отъ чувства любви вдали отъ милой души-дѣвицы:

Ты не пой, соловей.	Прощебечь нѣжно ей
Подъ моимъ окномъ;	Про мою тоску...
Улети въ лѣса	Ты скажи, какъ безъ ней
Моей родины!	Сохну-вяну я,
Полюби ты окно	Что трава на степи
Души-дѣвицы,	Передъ осенью.
Безъ нея ночью мнѣ	Безъ нея на чью рѣчь
Мѣсяць сумраченъ;	Улыбнуся я?
Среди дня безъ огня	Чья мнѣ пѣснь, чей привѣтъ
Ходитъ солнышко...	Будетъ по сердцу?
Безъ нея кто меня	Что жъ поешь, соловей,
Приметь ласково?	Подъ моимъ окномъ?
На чью грудь отдохнуть	Улетай, улетай
Склоню голову?	Къ душѣ-дѣвицѣ!

Такою же пѣвучестью отличается стихъ въ пѣсняхъ: «Не шуми ты, рожь», — «Горькая доля»; «Ахъ, зачѣмъ меня силой выдали» — и др.

Есть пѣсни, которыхъ стихомъ своимъ Кольцовъ изображаетъ драматическое положеніе. Таково, напр., тяжелое духовное состояніе молодца, женившася неудачно, частію по своей доброй волѣ, частію подъ вліяніемъ своей родни и товарищей. Къ числу сильныхъ,

¹⁾ Ср. у Пушкина: «упьюсь отрадой юныхъ дней» (Изд. Суворина, т. I, стран. 114); «Я пью любовь въ твоемъ дыханьи» («Соч.» Жуковского. 1878 г., т. I, стран. 105).

по нашему мнѣнію, принадлежать стихи, въ которыхъ Кольцовъ употребляетъ народное реченіе «аль-ни»:

...какъ гляну противъ зорюшки
На ея глаза, бровь черную...
Аль-ни потъ съ лица посыпится,
Аль-ни въ грудь душа застукаетъ...

(«Дерев. бѣда».)

Или:

Въ эту пору для пріятеля
Заварилъ я брагу хмельную,
Заигралъ я свадьбу новую,
Что бесѣду небывалую:
Аль-ни дымъ пошелъ подь облаки,
Аль-ни пламя закутилося... и др.

Красоту внѣшней формы народныхъ пѣсенъ и литературныхъ памятниковъ составляетъ чисто народный оборотъ рѣчи — отрицательное сравненіе. Вотъ нѣсколько примѣровъ этого оборота рѣчи: а) изъ народной пѣсни:

Подь тобою ли, рябинушкой,
Что не макъ цвѣтеть, не трава растеть,
Не трава растеть, не огонь горить,
Не огонь горить — ретиво сердце,
Ретиво сердце молодецкое.

(«Ты, рябинушка, ты, кудрявая»...)

б) изъ былины:

Не сырой дубъ къ землѣ клонится,
Не бумажные листочки разстилаются:
Разстилается сынъ передъ батюшкой,
Онъ и просить себѣ благословеньица...

в) изъ «Слова о полку Игоревѣ»:

«Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, — галицы стады бѣжать къ Дону великому».

Этимъ оборотомъ рѣчи исполнѣ владѣль и Кольцовъ. Примѣры:

Не весна тогда	Вьюги зимнія,
Жизню вѣяла,	Вьюги шумныя,
Не трава въ поляхъ	Нагѣвали намъ
Зеленѣлася;	Пѣсни чудныя!
Не заря съ небесъ	Наводили сны,
Красовалася,	Сны волшебныя,
Не луна на насъ	Уносили въ край
Любовалася!	Заколдованный!

(«Пѣсня», стран. 120.)

Ахъ, не птица тамъ

Летить по небу:

То печальный слухъ

Объ немъ носится. («Грусть дѣвушки».)

См. еще пѣсню: «Не булатный ножъ»... и другія.

Къ изяществу языка пѣсенъ нашего поэта нужно отнести тѣ поэтическіе обороты рѣчи, которыми онъ изображаетъ глубину и

силу чувства человѣческаго, употребляя метафоры, олицетворенія, контрасты и т. д., при чемъ иногда допускаетъ реализмъ въ изображеніи этого чувства, свойственный поэзии народной.

Проявленіе сильнаго, глубокаго чувства любви поэтъ уподобляетъ огню:

а) Былъ у ней (милой) въ глазахъ небесный свѣтъ,
На лицѣ горѣлъ любви огонь... (Разлука.)

б) Одному жить — Огнь - душу —
Сердцу холодно... Красну дѣвицу.
Ему надобно (Пѣсня.)

в) Милый другъ, погаси Жжетъ румянецъ лицо,
Пощелуй твои! И волнуется грудь,
И безъ нихъ при тебѣ И блистаютъ глаза.
Огнь пылаетъ въ крови; Словно въ небѣ звѣзда!
И безъ нихъ при тебѣ (Пѣсня.)

г) Любовь — огонь; съ огня пожаръ ..
Запала въ грудь любовь-тоска...
Грудь бѣлая волнуется,
Что рѣченька глубокая,
Песку со дна не выкинетъ;
Въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ... (Пора любви.)

Проявленіе глубокаго чувства, напр.:

Свѣтитъ солнышко,	Тучки плавали
Да осенью;	Безъ дождика...
Цвѣтутъ цвѣтики,	Такъ прошла моя
Да не въ пору.	Вся молодость —
А весной была	Безъ любви души,
Степь желтая:	Безъ радости...

(Пѣсня.)

Яркость образа достигается иногда у Кольцова употребленіемъ словъ въ одной и той же формѣ, отъ одного корня, — словъ, начинающихся съ одной и той же приставки, — употребленіемъ тавтологій и т. д.

Я стояль-глядѣль, задумался,
Снявши шапку, хватилъ о землю... (Дерев. бѣда.)

Или:

И сила есть, да воли нѣтъ;
Наружѣ кладъ, да взять нельзя;
Заклялъ его обычай нашъ;
Ходи, гляди да мучайся,
Толкуй съ башкою порожнею... (Пора любви.)

А такіе поэтическіе обороты рѣчи, какъ эпитеты, олицетворенія явленій и силъ природы, тропы и фигуры встрѣчаются чуть не въ каждомъ стихѣ и выписывать ихъ — почти равно тому, что снова приводитъ пѣсни.

Прядкинъ.

Пѣсни Кольцова въ стилистическомъ отношеніи.

Принадлежа къ художественной искусственной лирикѣ, т.-е. выражая чувства отдѣльнаго лица, извѣстнаго поэта, пѣсни Кольцова имѣютъ много общаго съ народными пѣснями по содержанію и по формѣ. Кольцова прежде всего интересуютъ случаи изъ просто-народной жизни: онъ или представляетъ въ художественно наглядномъ образѣ зависимость крестьянскаго труда отъ дѣйствія природы («Урожай»), или съ любовью воспѣваетъ самый трудъ, тяжелый крестьянскій трудъ («Пѣсня пахаря»), или дѣлится своими чувствами, возбуждаемыми видомъ крестьянина лѣниваго и заботливаго («Что ты спишь, мужичокъ»), или изображаетъ безпощадное дѣйствіе горя и бѣды на человѣка, представляя художественный образъ горемыки-крестьянина («Пѣсни Лихача Кудрявича») и т. п.

Что касается формы, то внѣшняя отдѣлка, различные размѣры стиховъ, различныя ихъ комбинаціи, разнообразное сочетаніе риемъ, наконецъ, самая передача чувства поэта болѣе тонкими выраженіями — все это возвышаетъ пѣсни Кольцова надъ народной лирикой. Близость поэта къ народу видна въ самомъ слогѣ его пѣсень.

1) Прежде всего характеромъ народности запечатлѣны многіе эпитеты Кольцова: «мать-земля сырая, красавица зорька, вода ключева» («Пѣсня пахаря»); «поле чистое, темный лѣсъ, русые кудри, сердце ретивое, удалъ молодецкая» («Пѣсни Лихача Кудрявича»); «краснымъ полынемъ, туча черная, вѣтры буйные, думы завѣтныя, бѣлый свѣтъ» («Урожай»); «дремучій лѣсъ, буйный вихрь, осень черная, безмолвная ночь, заливная соловьиная пѣснь, густолиственный зеленый шлемъ, мочь зеленая» («Лѣсъ»); «кочевой таборъ, ночная тишина, Украина привольная» («Ночь чумаковъ»); «ясныя очи, полночь мертвая» («Тоска по волѣ»); «ярый воскъ» («Кольцо»); «алмазная звѣзда» («Звѣзда») и мн. др.

2) Сравненія, какъ и въ народномъ языкѣ, довольно разнообразны, — кратки, но характерны и мѣтки: «хмелемъ кудри вьются, кручина, что туча» («Пѣсни Лихача Кудрявича»); «изба, какъ старушка, сиротой хлѣбъ некошенъ стоитъ» («Что ты спишь, мужичокъ»); «краснымъ полынемъ заря вспыхнула, разгорѣлся день огнемъ солнечнымъ, словно Божій гость улыбается, какъ князья, скирды сидятъ» («Урожай»); «темный лѣсъ — богатырь-Бова, буря всплачется лѣшимъ-вѣдьмою» («Лѣсъ»); «лицо какъ мраморъ, очи какъ звѣзды, думы какъ тучи» («Поминки»); «заря алая — щеки полныя» («Косарь») и мн. др.

3) Какъ и въ народной поэзіи, въ пѣсняхъ Кольцова довольно оригинально употребляются синонимическія выраженія (слова, по значенію сходныя, но указывающія особый оттѣнокъ извѣстнаго предмета или дѣйствія), и тавтологическія (слова одного корня): «съ горести — съ печали, съ радости-веселья, и щемить и ноеть, болитъ ретивое, во время да въ пору, не родись въ сорочкѣ, не родись талантливъ» («Пѣсни Лихача Кудрявича»); «задумали думушку — Богу-

Господу помолилися, дугой-радугой, плыветь-лосниться» («Урожай»); «тучей-бурею, вѣтромъ-холодомъ, лѣшимъ-вѣдьмою, дни-роскошества» («Лѣсъ»); «безъ ума, безъ разума, горевала-плакала, сокрушалась-мучилась» («Безъ ума, безъ разума»); «загрустилась-запечалилась» («Хуторокъ»); «житье-бытье, ворожить-гадать зиму-зимскую» («Удалецъ»); «съ ума-разума, прости-прощай, не возьму я въ толкъ — не придумаю» («Косарь»); «не грусти — не плачь, не печаль лица, не гаси румянца алова» («Говорилъ мой другъ») и мн. др.

Изобразительность слога достигается здѣсь еще тропами и фигурами. Встрѣчаются въ пѣсняхъ Кольцова главные виды троповъ: метафора, олицетвореніе, метонимія, синекдоха и гипербола.

1) Назовемъ слѣдующія метафоры-олицетворенія: «зорька загорѣлась, травка выйдетъ, земля вспойтъ, вскормитъ, колось станеть рядиться въ золотыя ткани, борозда называется колыбелью» («Пѣсня пахаря»); «золотое время, прибыль ползеть, бѣда ходитъ невидимкой, придетъ, сядетъ рядомъ, пойдетъ и поѣдетъ» («Пѣсни Лихача Кудрявича»); «Хлѣбъ стоитъ сиротой, осень глядитъ, зима идетъ, сундукъ лежить, вѣтеръ точитъ, время катилось золотой рѣкой... и ему растворяли двери (трудъ доставлялъ ему и матеріальное обезпеченіе и уваженіе), изъ клѣтѣй домовой соръ метлою посмелъ (быстро лишился своего имущества)» («Что ты спишь, мужичокъ»); «солнышко глядитъ, рожь дремлетъ, улыбается, туча нахмурилась, задумалась, ударила, вспомнила, ополчается, съ горы небесъ, скирды сидятъ» («Урожай»). Стихотвореніе «Лѣсъ» полно олицетвореній: лѣсъ художественно представленъ въ образѣ сказочнаго богатыря-Бовы: онъ затуманился темной грустью, онъ стоитъ съ непокрытой головой, онъ лишень густолиственнаго зеленого шлема, плащъ упалъ и разсыпался; буря въ видѣ одушевленнаго существа: съ бурею разговоръ пойдетъ, буря обойметъ, всплachtetъ, разыграется и т. п.

2) Метонимія переноситъ понятіе отъ одного предмета на другой, сближая ихъ по какимъ-либо отношеніямъ: «выбѣлимъ желѣзо, заблеститъ серпъ, зазвенятъ косы» (признакъ вм. дѣйствія или предмета) («Пѣсня пахаря»); «зима хруститъ» («Что ты спишь, мужичокъ») «вѣтерокъ плыветь», вм. рожь колышется отъ дуновенія вѣтра, «золотой волной разбѣгается» («Урожай»); «силы вражія», вм. враги («Лѣсъ») и др.

3) Синекдоха переноситъ понятіе съ одного предмета на другой, собирая ихъ по количеству: «хлѣбъ — мое богатство» («Пѣсня пахаря»); «птица клѣветъ зерно, вѣтеръ точитъ его» — ед. вм. множ. («Что ты спишь, мужичокъ»); «другъ и недругъ твой прохладжуются» — ед. вм. мн., «сняли голову — часть вм. цѣлаго («Лѣсъ») и др.

4) Гипербола Кольцова указываетъ на чрезвычайную быстроту дѣйствія: «какъ глазомъ моргнуть — растворилась изба» («Хуторокъ»).

Для болѣе живого выраженія своихъ мыслей и чувствъ Кольцовъ прибѣгаетъ къ такъ называемымъ фигурамъ обращенія, восклицанія, вопрошенія, повторенія, противоположенія и умолчанія.

Къ пѣснѣ «Пахаря» поэтъ отъ лица пахаря обращается къ сивкѣ, какъ будто она можетъ понимать хозяина и сочувствовать ему. Стихотв. «Что ты спишь, мужичокъ» представляетъ обращеніе поэта съ рѣчью къ мужику, въ стихотвор. «Лѣсъ» поэтъ обращается къ лѣсу, въ стихотв. «Косарь» — къ степи и т. п.

Поэтъ часто отъ избытка чувствъ выражаетъ ихъ или въ видѣ восклицаній или вопросовъ.

Фигуры восклицанія и вопрошенія встрѣчаются въ стихотв. «Лѣсъ», «Что ты спишь, мужичокъ», «Пѣсня пахаря», «Косарь», «Тоска по волѣ» и мн. др.

Ахъ, ты, степь моя,	Размахнись, рука!
Степь привольная!...	Ты пахни въ лицо
Раззудись, плечо!	Вѣтеръ съ полудня!
Отчего же такъ, не возьму я въ толкъ?	Куда дѣлись, разлетѣлися?
(«Косарь».)	Иль не хочуть дать мнѣ помощи?
Гдѣ жь друзья мои — товарищи?	Или голосъ мой разноситъ вѣтръ.
	(«Тоска по волѣ».)

Фигура повторенія — когда поэтъ, желая усилить впечатлѣніе, повторяетъ какое-нибудь слово или цѣлое выраженіе въ рѣчи (фигура особенно употребительна въ народной поэзіи¹⁾:

Порой онъ приводитъ въ умиленье,	Небось весело теперь матушкѣ...
Порой въ восторгъ и иступленье,	Небось весело глядѣтъ батюшкѣ...
Порою въ горькую печаль («Звѣзда»).	Небось сердце въ нихъ разрывается...

Фигура антитезы или противоположенія имѣетъ мѣсто тогда, когда составляются противоположные предметы для болѣе сильнаго выраженія мысли и чувства: «въ лицѣ огонь, въ глазахъ — туманъ, смеркаетъ степь, горитъ заря» («Пора любви»).

Фигура эллипсиса употребляется тогда, когда авторъ не договариваетъ мысли подъ наплывомъ какого-нибудь чувства:

Не возьму я въ толкъ,
 Не придумаю...
Крыловъ.

Языкъ пѣсень Кольцова въ грамматическомъ отношеніи.

Языкъ и слогъ пѣсень Кольцова могутъ быть названы вполне народными и въ полномъ значеніи этого слова. Главнѣйшими особенностями языка и слога пѣсень Кольцова должно считать слѣдующія:

1. По отношенію къ грамматическимъ формамъ:

1) Постоянное употребленіе ласкательныхъ и уменьшительныхъ формъ, подобно тому какъ это вполне обычно и въ языкѣ народ-

¹⁾ Бѣдетъ нашъ батюшка раздольцемъ-чистымъ полемъ,
 И сидитъ онъ на добромъ конѣ богатырскомъ,
 И везетъ онъ мужичица-деревенщину,
 Ко стремени булатному прикована.

ныхъ пѣсень: и горюшко, сердечко, сироточка, дѣтинка, зорька, солнышко, зернышко, травка, домикъ, дѣтки, горенка, думушка, малинушка, перстенечекъ, птички, кручинушка, бережокъ, купчикъ, хуторочекъ, старушка, дорожка, снѣжокъ, бражка, волюшка, сердечушко, дружокъ, вѣтерокъ» и др., при чемъ уменьшительныя, утрачивая свое грамматическое значеніе, очень часто не указываютъ на малость предмета, какъ это замѣчается въ произведеніяхъ народной словесности.

2) Употребленіе краткой формы именъ прилагательныхъ на мѣстѣ опредѣлительныхъ словъ, согласно языку народныхъ:

а) Вспало горюшко
Въ молодую грудь
Добра молодца	Только нѣтъ его
Ясна сокола
(«Грусть дѣвушки»);
б) Въ широкихъ степяхъ
Дона тихаго
Зелена трава
Давно скошена;
На селѣ косцы
Давно женятся,	в) Не шуми ты, рожь,
Спѣлымъ колосомъ!
Ты не пой, косарь,
Про <i>широкую</i> степь
(«Не шуми ты, рожь»);
г) Ворота <i>тесовы</i>
Растворилися.
(«Крестьянская пирушка»).

3) Обычное, какъ и въ языкѣ народныхъ пѣсень, употребленіе дѣепричастія на *чи* (вм. дѣепричастія на *я*):

а) Говорилъ мнѣ другъ <i>прощаючись</i>
(Пѣсня);	в) И сидишь, глядишь
<i>Улыбаючись</i>
б) Такъ, за полночь съ нею <i>сидючи</i> ,
По душѣ мы рѣчь затѣяли
(«Деревенская бѣда»);	(«Доля бѣдняка»).

4) Усиленіе качества и количества прибавкою творительнаго падежа:

а) Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачехой
Самъ-собою быть
(«Дума сокола»); | б) Весной степь зеленая
Цвѣтами вся разубрана,
Вся птичками летучими
Пѣвучими <i>полнымъ-полна</i>
(«Пора любви»). |
|--|--|

5) Употребленіе формъ глаголовъ и именъ существительныхъ, образованныхъ примѣнительно къ говору извѣстной мѣстности:

а) Иль не <i>хочутъ</i> дать мнѣ помочи
(«Тоска по волѣ»);	в) И они, мои товарищи,
<i>Соколья</i> , орлы могучіе
(«Тоска по волѣ»);
б) Въ полѣ вѣтеръ вѣетъ,
Травку <i>колышаетъ</i> («Пѣсня»);	

II. Въ лексическомъ отношеніи въ пѣсняхъ Кольцова замѣчается значительный подборъ словъ и оборотовъ чисто народныхъ. Таковы, на примѣръ:

1) Имена существительныя: *вѣщунъ, непогодъ, безвремяе, чело-вѣчины, присуха, соня, полымя, мурава, прасло* и др.

а) Вѣщунъ-сердце говоритъ
(«Теремъ»); | б) Одичалъ, замолкъ...
Только въ <i>непогодъ</i> |
|--|---|

- Воетъ жалобу
На *безвременье* («Лѣсъ»);
- в) Наѣдимся тамъ до-сыта
Человѣчины сырой
(«Старая пѣсня»);
- г) У васъ весной *присуха* есть
Сильнѣй присухъ напоитанныхъ...
(«Пора любви»);
- д) Враги царскіе не дремлютъ,
Я жъ, какъ *соня*, здѣсь живу
(«Пора любви»);
- е) Краснымъ *полымемъ*
Заря вспыхнула («Урожай»);
- ж) Много ль разъ роскошная
Въ годъ весна является?
Много ль разъ долинушку
Убираетъ зеленью,
Муравою бархатной,
Парчой раззолоченной
(«Совѣтъ старика»);
- з) Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ *прясло* глядитъ
(«Что ты ешишь, мужичокъ»).

2) Имена прилагательныя: *пододанный, зимскій, подошонный, набранный, разымчивый, заливной* и др.

- а) Гой ты, сила *пододонная!*
Отъ тебя я службу требую!
(«Тоска по волѣ»);
- б) Зиму-зимскую
Жить за печкою
(«Удалецъ»);
- в) Зашуми, трава,
Подкошоная
(«Косарь»);
- г) За дубовые столы,
За *набранные*,
На сосновыхъ скамьяхъ сѣли званые
(«Крестьянская пирушка»);
- д) Брага хмельная
Не *разымчива*
(«Доля бѣдняка»);
- е) *Заливная* пѣснь
Соловьиная («Лѣсъ»).

3) Глаголы: маятъ, коротать, озваться, домыкать, взгадывать, пилятить, записать, гуторить, разсориться, раззудиться, стухнуть, нагустить, спориться, завихриться и др.

- а) Ты всю жизнь свою
Маялъ битвами («Лѣсъ»);
- б) Поѣхалъ въ путь
Въ чужихъ краяхъ
Коротать вѣкъ
(«Два прощанія»);
- в) До чего ты, моя молодость,
Довела меня, *домыкала*
(«Перепутье»).
- г) Глубоко въ душѣ
Красной дѣвицѣ
Озвалась она
И *запала* въ ней
(«Молодая жница»);
- д) Грустно среди пиршества
О могилѣ *взгадывать*
(«Совѣтъ старика»);
- е) Гости пьютъ и ѣдятъ,
Рѣчи *гуторятъ*.
(«Крестьянская пирушка»);
- ж) Москву-матушку *пилятить* —
Кушать мясо и пить кровь!
(«Старая пѣсня»);
- з) И *разгорившись* казной,
Къ веснѣ ѣдетъ онъ домой:
Въ гости родныхъ созываетъ,
Свахой тегку наряжаетъ
(«Женитьба Павла»);
- и) Раззудись, плечо,
Размахнись, рука! («Косарь»);
- к) И тѣ ясны
Очи стухнули.
Спитъ могильнымъ сномъ
Красна дѣвица!
- л) Разгорѣлся день,
Подобралъ туманъ
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную
(«Урожай»);
- м) Что работаю —
Все мнѣ *спорится*
(«Косарь»);
- н) Бросить домъ свой, отца старого
Да, Богъ вѣсть куда, *завихриться*
(«Пѣсня»).

4) Нарѣчія на народной формѣ и сложныя нарѣчія: *горма, знать, наотрѣзъ, малъ-мала-меньше, не съ проста-ума, наружъ, безъ-просыну, сиднемъ* и др.

<p>а) Всю сожгло ее
Поле жаркое;
Горитъ <i>горма</i> все
Лицо бѣлое
(«Молодая жница»);</p> <p>б) Захотѣлось, <i>знать</i>, полетать, погулять
(«Пламенѣя, горя»);</p> <p>в) <i>Наотрѣзъ</i> старикъ
Отказаль вчера («Косарь»);</p> <p>г) У нихъ дѣтей куча
Все <i>малъ-мала-меньше</i>
(«Размышленіе поселянина»)</p> | <p>д) <i>Не съ проста ума</i>
Женщина жнетъ-не-жнетъ,
Глядитъ въ сторону,
Забывается («Молодая жница»);</p> <p>е) <i>Наружъ</i> кладъ — да взять нельзя
(«Пора любви»);</p> <p>ж) И весь день на печи
<i>Безъ-просыну</i> лежить
(«Что ты спишь, мужичокъ»);</p> <p>з) Долго ль буду я
<i>Сиднемъ</i> дома жить,
Мою молодость
Ни за что губить?
(«Дума сокола»).</p> |
|---|---|

5) Народные обороты, выраженія, а также провинціализмы: *душой кланяюсь, держи около, поступи павлиная, рѣчь соловьиная, по щучью вельню, монисты, чекмень, черевики, жузомъ пхать, ладить соху, выблить желъзо, пѣсни шрать* и др.

<p>а) Дай мнѣ волю, волю прежнюю,
А <i>душой</i> тебѣ я кланяюсь
(«Тоска по волѣ»);</p> <p>в) Полюбиль я эту дѣвушку,
Что душою — больше разумомъ:
Больше <i>поступью павлиною</i>
Да что <i>рѣчью соловьиною</i>
(«Деревенская бѣда»);</p> <p>г) Не родись богатымъ,
А родись кудрявымъ:
<i>По щучью вельню</i>
Все тебѣ готово
(«1-я пѣсня Кудрявича»);</p> <p>д) Всю <i>монистами</i> покрытую
(«Деревенская бѣда»);</p> <p>е) Снаряжу коня,
Наточу булатъ,
Затяну <i>чекмень</i>,
Полечу въ лѣса («Удалецъ»);</p> <p>ж) Да платокъ, да <i>черевики</i>
(«Женитьба Павла»);</p> | <p>б) Воротись назадъ,
<i>Держи около</i>
(«Лѣсъ»);</p> <p>з) Въ день воскресный, съ утра до
ночи,
Въ хороводѣ <i>пѣсни</i> игрываль
(«Деревенская бѣда»);</p> <p>и) А вторая ихъ
Была думушка:
Изъ села <i>жузомъ</i>
Въ пору <i>выпхать</i>
(«Урожай»);</p> <p>к) Весело я <i>лажу</i>
<i>Борону и соху</i>
(«Пѣсня пахаря»);</p> <p>л) Ну, тащися, сивка,
Пашней десятиной,
<i>Выблить желъзо</i>
О сырую землю
(«Пѣсня пахаря»).</p> |
|--|--|

III. Въ синтаксическомъ отношеніи:

1) Употребленіе разговорной формы при изложеніи мыслей, выражаемыхъ при этомъ главными совершенно краткими и отрывочными («Хуторокъ», «Говориль мнѣ другъ прощаючись», «Какъ женился я, раскаялся», «Ночь» и др. пѣсни Кольцова).

2) Хотя бессоюзное соединеніе предложеній является вообще преобладающимъ въ пѣсняхъ Кольцова, какъ въ произведеніяхъ народной лирики, однако встрѣчается и сочетаніе предложеній и при

помощи союзовъ, какъ это весьма часто встрѣчается и въ народныхъ пѣсняхъ:

И нужды поправить
И лишней копейкой

Божій праздникъ встрѣтить
(«Размышление поселянина»);

при чемъ допускается и вполне обычное повторение одного и того же союза:

а) А лобзаньямъ твоимъ,
А восторгамъ твоимъ
На землѣ у людей
Выраженья имъ нѣтъ
(«Если встрѣчусь съ тобой»);

б) Если бъ молодцу
Ночь да добрый конь,
Да булатный ножъ,
Да темны лѣса.
(«Удалецъ»);

Такое повторение одного и того же союза, напимѣръ, въ пѣснѣ «Дума сокола» встрѣчается четыре раза, что, впрочемъ, отнюдь не нарушаетъ гармоніи стиха.

3) Выраженіе предлоговъ, весьма вообще обычное и въ народномъ языкѣ:

Лучше жъ воиномъ,
За царевъ законъ

За крещенный мѣръ
Сложить голову! («Удалецъ»)

и совершенно свободное присоединение къ тому или другому слову предлоговъ въ чисто народномъ духѣ:

а) Сладко было мнѣ
Глядѣть въ очи ей,
Въ очи полныя
Полубовныхъ думъ
(«Не шуми ты, рожь»);

г) Да кривой сохой
Перепазивать,
Бороны зубьемъ
Порасчесывать
(«Урожай»);

б) Бахромой-кисеей
Принаряжена
Молодая жена
Чернобровая,
Обходила вокругъ
Съ поцѣлуйми
(«Крестьянская пирушка»);

д) Туча черная
Поназмурилась
(«Урожай»);

в) Призатижъ говоръ, шумъ
Въ темной горенкѣ
(«Крестьянская пирушка»);

е) Широко ты, степь,
Пораскинулась,
Къ морю Черному
Понадвинулась
(«Косарь»);

4) Согласованіе сказуемаго съ подлежащимъ въ народномъ духѣ:

а) Проходи попь, баринъ —
Волоска не тронемъ.

б) И прости — прощай
Село родное!

(«Пѣсня»); («Косарь») и вообще.

5) Разнообразіе въ употребленіи глагольнаго сказуемаго, напимѣръ

а) Если мастеръ — плясать
Плѣть мы пѣсни давай
(«Хуторокъ»);

б) Мѣсяцъ будь или не будь
Конь дорогу найдетъ
(«Пѣсня»).

Истоминъ.

Педагогическое значеніе пѣсенъ Кольцова.

Кольцовъ развѣртываетъ яркую, живую и свѣтлую картину русской природы и русской народной жизни, съ ея трудомъ и ея весельемъ. Но эта картина не грубый дагерротипъ, бездушно и бессмысленно отражающій цѣликомъ внѣшнюю сторону природы и жизни. Художникъ смотритъ на окружающія его явленія дѣтски-зоркими и любящими глазами народа, воспроизводитъ въ своей картинѣ идеальную сторону природы и жизни, именно ту сторону, которою плѣняется русскій человѣкъ безсознательно, не умѣя указать и выдѣлить ее, понимая ея прелесть больше сердцемъ, нежели умомъ, и непритворно восклицая вмѣстѣ съ поетомъ:

Родина мать!...
Дай мнѣ отраду объятій твоихъ!

Кольцовъ одинъ изъ всѣхъ русскихъ поэтовъ былъ настолько богатъ народною художественною силой, чтобы въ живой картинѣ воспроизвести то, чѣмъ плѣняется всякій русскій человѣкъ, не ясно сознавая, чѣмъ именно онъ плѣняется, что каждому изъ насъ дорого и священно, но все-таки неуловимо, чего не въ силахъ были воспроизвести ни Лермонтовъ ни Некрасовъ, хотя оба они выразили эту понятную и намъ, непреодолимую, таинственную власть родной природы и жизни надъ русской душой.

Лермонтовъ говорить:

Но я люблю — за что, не знаю самъ
Ея (родины) степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ и т. д.

Здѣсь очень характерны слова — «за что, не знаю самъ»: видно сознание непобѣдимой власти, которая принадлежитъ родинѣ, но тайна этой власти не понятна поэту: онъ видитъ молчаливыя степи, безбрежные лѣса, огромные разливы, крытая соломой избы и пляску мужичковъ съ топаньемъ и свистомъ, но понять, выдѣлить и воспроизвести идеальную сторону народной жизни и русской природы онъ не могъ, потому что у него не хватало для этого народной силы.

То же замѣчаемъ у Некрасова, когда, называя себя «блуднымъ сыномъ», прислушиваясь къ сладкому шуму знакомаго лѣса и съ любовью озирая знакомую ниву, онъ восклицаетъ:

Родина мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.
Передъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно,
Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвеніе страданій моихъ!

Одинъ только Кольцовъ былъ настолько богатъ народной силой, что, ни слова не говоря о своей сыновней любви къ матери-родинѣ, выразилъ эту органическую любовь прямо, наивно и вѣрно воспроизводя идеальную сторону ея природы и жизни.

Съ точки зрѣнія общечеловѣческой нравственности, нарисованная имъ картина представляетъ намъ идеализацію труда; это придаетъ ей, уже помимо народно-художественныхъ достоинствъ, высокое нравственное значеніе: онъ не выставляетъ отвлеченной, сухой морали «о пользѣ труда въ юности», онъ прямо даетъ почувствовать сладость, высокое наслажденіе труда, и стихи:

Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ

у него являются не отвлеченной тенденціей, не сочиненнымъ ради поученія, а вполне прочувствованнымъ, почти невольнымъ восклицаніемъ. Не слышно сухой морали и въ этомъ грустномъ, задумчивомъ обращеніи:

Что ты спишь, мужичекъ?
Вѣдь, весна на дворѣ...

напротивъ оно является такимъ естественнымъ, простымъ, не допускающимъ возраженія, — въ немъ слышится не менторскій упрекъ за лѣность, а удивленіе передъ неестественнымъ явленіемъ и грусть о неизбежныхъ послѣдствіяхъ такого явленія: развѣ можно спать весной? Это обращеніе такъ и подмываетъ къ работѣ, къ труду.

Отношеніе Кольцова къ природѣ, къ явленіямъ жизни въ быту русскаго земледѣльца и къ самому земледѣльческому труду, какъ нельзя болѣе гармонируетъ съ ясностью любящей дѣтской души; настроеніе его поэзіи такъ тепло безъ приторности, такъ ясно безъ поддѣлки, что должно вносить въ молодую душу гармонію, теплоту и ясное чувство спокойствія.

Предпославъ этотъ общій взглядъ нашъ на поэзію Кольцова — съ общечеловѣческой народной и педагогической точки зрѣнія, сгруппируемъ нѣкоторыя частности ея, представляющія одну картину, изученіе которой, по нашему мнѣнію, должно благотѣльно дѣйствовать на русскихъ дѣтей.

Весеннимъ утромъ выводитъ онъ васъ на пашню, объ руку съ пахаремъ, который «весело ладитъ борону и соху», весело выходитъ въ поле, идетъ за сохой и дружески разговариваетъ со своей сивкой, своимъ товарищемъ въ работѣ. Вы словно видите, «какъ загорѣлась въ небѣ красавица-зорька и выходитъ солнышко изъ большого лѣса»; словно слышите дружескія рѣчи пахаря, обращенныя къ сивкѣ; его мысли и чувства становятся вашими. Понятнымъ становится вамъ, какъ весело на пашнѣ, какъ хорошъ этотъ честный земледѣльческій трудъ, ставшій лицомъ къ лицу съ природой, который награждаетъ свою производительностью «мать земля сырая». Нельзя не принимать близко къ сердцу честныя и простыя мечты

пахаря о томъ, какъ земля вспоить-вскормить зернышко, выйдетъ травка, вырастетъ колосья, станетъ «спѣть-рядиться въ золотыя ткани», заблестятъ въ полѣ серпы, зазвенятъ косы — и «сладокъ будетъ одыхъ на снопахъ тяжелыхъ». Нельзя безъ особеннаго чувства повторять и «тихую молитву», съ которою пахарь приступаетъ къ своему труду: «Уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ мое богатство!»

Въ лѣтній жаркій день, послѣ грозы, пролившейся «слезой крупною — проливнымъ дождемъ на земную грудь, на широкую, поэтъ ведетъ насъ на ниву — посмотрѣть полюбоваться, «что послалъ Господь за труды людямъ, — онъ показываетъ вамъ рожь зернистую, которая «поднялась выше пояса и дремлетъ колосомъ почти до земли, вѣтерокъ по ней плыветъ — лоснится, золотой волной разбѣгается». Послѣ такой прогулки за любящимъ руководителемъ поэтомъ много смысла получить и выразительно будетъ звучать для русскаго мальчика слово «урожай», поставленное въ заглавіи пьесы, и теплое, благоговѣнное чувство будетъ возбуждать въ немъ «свѣча поселенина предъ иконою Божьей Матери».

Въ семьѣ земледѣльца поэтъ ведетъ васъ «косить подъ корень рожь высокую», заставляетъ прислушаться, какъ «отъ возовъ всю ночь скрипитъ музыка», показываетъ и результатъ напольнаго труда: «на гумнахъ, какъ князья, скирды широко сидятъ, поднявъ головы»..

Поэтъ ведетъ васъ и въ широкую степь, на Донъ: «по набережью, хороши тамъ стоятъ слободушки», «степь раздольная далеко вокругъ, широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается». Разбираетъ и васъ эта русская удаль, что бьетъ ключемъ и ярко слышится въ словахъ молодого косаря, у котораго «плечо шире дѣдова, грудь высокая матушки, а на лицѣ кровь отцовская зажгла зорю красную», и «скобкою» лежатъ кудри черныя, которому спорится все, что бы онъ ни работалъ, «раззудись, плечо! размахнись, рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! Зашуми, трава подкошенная, поклонись, цвѣты, головой землѣ!»

Поэтъ рисуетъ вамъ и картину нищеты, какъ послѣдствія бездѣятельности, въ крестьянскомъ быту, — печальная картина запустѣнія и разрушенія: пусто и на гумнѣ и въ закромахъ, въ клѣткахъ и на дворѣ — чисто, хоть «шаромъ покатись», и подъ «лавкой сундукъ» опрокинутъ лежитъ, и погнувшись изба, какъ старушка стоитъ».

Онъ показываетъ вамъ и того выносливаго русака Кузьму, котораго гнететъ мачеха-судьба, а онъ «тянетъ да тянетъ лямку безъ подмоги», одинъ-одинехонекъ «батракъ и хозяинъ», обстоятельства гнетутъ, «то скосило градомъ, то сняло пожаромъ», — а ему и горя мало: «лиха бѣда, говорить, въ землю кормилицу ржицу мужичку закинуть; а тамъ Богъ уродитъ, Микола подообитъ собрать хлѣбецъ съ поля»; — одинъ нравственный принципъ его поддерживаетъ, но онъ не сумѣлъ бы вамъ и высказать этого принципа, живущаго въ глубинѣ его души; этотъ великій принципъ его выдаетъ намъ

поэтъ-выразитель всѣхъ народныхъ думъ и чувствъ: «вѣруй силамъ души, да могучимъ плечамъ!» «не родись въ сорочкѣ, не родись талантливъ, родись терпѣливымъ и на все готовымъ!»

Ведетъ насъ поэтъ и слѣдомъ за зажиточнымъ крестьяниномъ «со двора и гумна, по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ»; показываетъ, какъ «зима въ теплой шубѣ идетъ», и земледѣльцы, окончивъ свой годовой трудъ, «хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, бражку ковшичкомъ пьютъ»: это уже полное торжество труда, соединеннаго съ удачей. Для лучшаго знакомства съ нимъ поэтъ вводитъ васъ, наконецъ, на крестьянскую пирушку, рисуя народное довольство, хлѣбосолецтво и веселье, какъ результатъ труда и удачи, или говоря словами Кольцова, помощи Бога и Миколы: тутъ «бахромой, кисеей принаряжена, молодая жена чернобровая» обходитъ подругъ съ поцѣлуями, разноситъ гостямъ «чашу горькаго», тамъ хозяинъ угощаетъ «брагой хмѣльной изъ ковшей вырѣзныхъ», а хозяйская дочь, «съ лаской дѣвичьей», обноситъ «медомъ сыченнымъ», тутъ «гости пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ — про хлѣба про покосъ, про старинушку, забавляются отъ вечерней зари до полуночи».

Вся эта картина, или, вѣрнѣе, этотъ рядъ картинъ представляетъ превосходную апологію земледѣльческаго труда, воспроизводя идеальную сторону жизни русскаго земледѣльца, симпатическія черты его характера и живую связь между народомъ и природой. Мы уже говорили, что это не рабскій дагерротипъ, теперь прибавимъ, что здѣсь нѣтъ и приторной, фальшивой идеализаціи. Это — поэтическое воспроизведеніе идеальной стороны въ природѣ и жизни, выраженіе народныхъ идеаловъ, которые массою сознаются только смутно, а Кольцовымъ совершенно выяснены и воплощены въ яркихъ и живыхъ образахъ; это высокое творчество поэта-художника, живо чувствующаго свою связь съ родиной, ея природой и жизнью, органически любящаго свою родину-мать, не по принципу, не для показа, а потому, что онъ не можетъ не любить ея, какъ не можетъ не любить самого себя; который совершенно ясно понимаетъ и видитъ ея лучшія стороны, умѣетъ выслѣдить въ жизни родины и творчески воспроизвести то, что составляетъ ея сущность, душу и красоту. Эта картина, изображая отечество въ его идеальной красотѣ, которую понимать можетъ только русскій человѣкъ, а выразить со всею полнотою и прелестью только сильный народный поэтъ: безъ напускнаго пафоса, безъ тщеславнаго хвастовства и неумѣреннаго преувеличенія, рисуетъ Кольцовъ, но русская земля у него дѣйствительно является прекрасною, и мы узнаемъ въ его поэтической картинѣ все, что намъ мило въ своемъ отечествѣ. Въ этой картинѣ то дорого, что вся она правдиво идеальна, облита теплымъ и свѣтлымъ колоритомъ и вызываетъ въ русскомъ человѣкѣ то невыразимо сладостное чувство, которое вызывается воспоминаніемъ о родинѣ въ каждомъ человѣкѣ, къ какой бы націи онъ ни при-

надлежалъ, если только не порвана нравственная связь его съ родиной. Дорого это свѣтлое чувство неподогрѣтой любви, которая придаетъ картинѣ особенную, чисто народную прелесть и красоту, дрожить и бьется въ каждомъ стихѣ и легко, незамѣтно переходитъ въ душу читателя, заражая его собой и подчиняя себѣ. Изученіе этой свѣтлой картины должно производить самое благоприятное вліяніе на молодую русскую натуру, какъ вообще на ея нравственное развитіе, такъ въ особенности на укрѣпленіе въ ней народныхъ началъ.

Выборъ пьесъ не великъ: всего десять-двѣнадцать стихотвореній, но всѣ онѣ вмѣстѣ составляютъ лирическую поэмю — высоко-нравственную съ общечеловѣческой точки зрѣнія, совершенно понятную, по своей простотѣ, для русскихъ людей всѣхъ состояній и возрастовъ, сближающую русскаго человѣка съ его отечествомъ и художественно-народную, не только рисующую природу и жизнь, но объясняющую ея смыслъ и сущность. Поэтому-то для педагогическихъ цѣлей, составляющихъ предметъ нашей статьи, съ этой небольшой, но богатой содержаніемъ, поэмой не можетъ сравниться ни объективное художество Пушкина ни тенденціозная поэзія Некрасова: ни то ни другое не можетъ въ такой сильной степени питать и развивать народнаго чувства, какъ задѣвающий за живое, хватающій прямо за сердце, лиризмъ Кольцова, столь близкій къ лиризму русской пѣсни.

Съ другой стороны, кто изъ нашихъ поэтовъ, кромѣ Кольцова, обладаетъ такимъ огромнымъ сокровищемъ народнаго русскаго языка, своеобразнаго, мѣткаго, рисующаго, въ высшей степени свободнаго? Нѣтъ надобности и доказывать, что по народности и безыскусственной выразительности языка Кольцовъ оставилъ позади себя всѣхъ, даже первоклассныхъ, нашихъ писателей: какъ въ содержаніи его поэзіи отразилась идеальная сторона народной жизни, такъ въ ея формѣ собрано все богатство народнаго языка, очищеннаго чутьемъ художника и явившагося въ его произведеніяхъ въ своей идеальной красотѣ. «Даже русскія пѣсни», — говоритъ Бѣлинскій, — «созданныя народомъ, не могутъ равняться съ пѣснями Кольцова въ богатствѣ языка и образовъ, чисто русскихъ». «Языкъ его, — продолжаетъ тотъ же критикъ, — столько же удивителенъ, сколько и неподражаемъ. Гдѣ, у кого, кромѣ Кольцова, найдете вы такіе обороты, выраженія и образы, какими, напримѣръ, усыпаны, такъ сказать, двѣ пѣсни Лихача-Кудрявича?»

Понимать этотъ удивительный языкъ, усвоить его красоты, сознательно относиться къ нему, овладѣть имъ — дѣло чрезвычайно важное. Изученіе этого языка даетъ столько же педагогическаго матеріала, какъ и изученіе содержанія поэзіи Кольцова. Впрочемъ, то и другое не раздѣлено, одно другимъ обусловливается, одно требуетъ другого. У Кольцова языкъ, внѣшняя форма, играетъ болѣе важную роль, нежели у любого изъ нашихъ поэтовъ, потому что

это естественный языкъ, такъ сказать, органически связанный съ со-держаніемъ его поэзіи и съ тѣмъ міросозерцаніемъ, которое въ ней выражается; въ немъ нѣтъ ничего искусственнаго, условнаго, онъ основанъ не на правилахъ схематической грамматики, а на зако-нахъ, опредѣляющихъ дѣятельность русскаго духа, и вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняющихъ себѣ и развитіе языка, какъ выраженія духовной дѣятельности: правила — дѣло условное, мертвятъ, а законы вѣчны и составляютъ причину вѣчнаго движенія всякой жизни.

На этомъ мы и остановимся, предполагая, что достаточно уяснили общій взглядъ нашъ на поэзію Кольцова съ педагогической точки зрѣнія, доказали присутствіе въ ней педагогическаго элемента, при-дающаго ей особенную цѣну, а также объяснили и значеніе этого элемента въ системѣ воспитанія. Едва ли есть надобность оговари-ваться, что мы указываемъ, конечно, не на всѣ стихотворенія Коль-цова, а преимущественно на пѣсни, которыми мы пользовались выше, представляя картину народнаго быта, въ которыхъ Кольцовъ является пѣвцомъ земледѣльческаго труда. По нашему мнѣнію, можно огра-ничиться изученіемъ слѣдующихъ пѣсень: «Пѣсня пахаря», «Урожай», «Крестьянская пирушка», «Косарь», «Раздумье селянина», «Лѣсъ» (памяти Пушкина), двѣ пѣсни «Лихача Кудрявича», «Что ты спишь, мужичекъ?», «Передъ образомъ Спасителя», «Размышленіе поселя-нина», «Товарищу».

Этихъ пѣсень слишкомъ достаточно, чтобы выяснитъ лучшія стороны содержанія Кольцовской поэзіи, которыя важны для ука-занныхъ нами педагогическихъ цѣлей, а вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы понять красоту и силу живого народнаго языка.

Тутъ много матеріаловъ, чтобы составить полную характеристику русской природы, насколько соприкасается съ ней земледѣлецъ, въ са-мыхъ разнообразныхъ ея явленіяхъ, и характеристику народной жизни, какою она является въ поэзіи Кольцова: земледѣльческаго труда, типическихъ свойствъ русскаго земледѣльца, главныхъ мо-ментовъ изъ его жизни, нищеты и довольства въ земледѣльческомъ быту, наконецъ народнаго хлѣбосольства, гостепрѣимства и веселья въ связи съ трудомъ.

Съ другой стороны, тутъ достаточно матеріаловъ и для уразумѣ-нія внутренняго міра нашего народнаго поэта, его идеала; въ Коль-цовѣ же это особенно важно, потому что какъ лирикъ, онъ всегда субъективенъ, и, рисуя внѣшнюю жизнь, не прячется за своими картинами и образами, а высказываетъ всю свою душу; да притомъ — самъ поэтъ представляетъ типъ русскаго человѣка, достойный изу-ченія, идеаль его не личный, а народный идеаль, собравшійся въ его поэзіи, какъ фокусъ. Вотъ главные элементы этого идеала. Прежде всего «честный трудъ», который находитъ опору не внѣ чело-вѣка, а въ немъ самомъ, въ его внутреннихъ силахъ: «вѣруй си-ламъ души, да могучимъ плечамъ!» говоритъ онъ: «на заботы свои чуть заря подымись, и одинъ во весь день, что есть мочи трудись!»

Богатырь Бова не боялся никаких враговъ, дремучій лѣсъ побѣждалъ все бури, но изсякли ихъ внутреннія, органическія силы — и оба они побѣждены самымъ слабымъ врагомъ: «съ богатырскихъ плечъ сняли голову — не большой горой, а соломенкой»; трудъ бодрый, веселый: «весело на пашнѣ» говоритъ онъ про земледѣльца; трудъ, какъ единственный источникъ матеріальнаго благосостоянія и нравственнаго совершенствованія, который начинается «тихой молитвой», оканчивается «сладкимъ отдыхомъ» и «жаркой свѣчей». Какъ результатъ труда является другой элементъ Кольцовскаго идеала — свобода, — но не буйная и грубая, а та нравственная свобода, которая довольно ярко выражается въ этомъ обращеніи къ товарищу: «спокойно въ тиши» (наработавшись), жизнь горою пируй, «по желаньямъ души». Рядомъ съ трудомъ въ Кольцовскомъ идеалѣ стоитъ любовь, которая на каждомъ шагу проявляется въ его поэзіи, о чемъ бы онъ ни говорилъ, къ чему бы онъ ни обращался, къ природѣ ли, къ бѣдняку ли товарищу, къ полевымъ ли работамъ; даже, пробуждая лежебока-крестьянина, онъ обращается къ нему и съ грустью и съ любовью; не даромъ передъ образомъ Спасителя у поэта вырвались эти удивительныя строки: «на крестѣ подъ вѣнцомъ, и спокоенъ и тихъ, до конца Ты молилъ за злодѣевъ своихъ!» Ясно, что для такой любящей души идеалъ не мыслимъ внѣ семейной жизни; дѣйствительно, представленіе о ней играетъ важную роль въ Кольцовскомъ идеалѣ: его косарь уходитъ на Донъ, чтобы заработать денегъ пригоршни, разжалобить деньгами отца Грунюшки и сдѣлаться семьяниномъ; одиночество онъ рисуетъ унылыми красками, постоянно выражая симпатію къ семейной жизни: «Сяду я за столъ, да подумаю, какъ на свѣтѣ жить одинокому?»

Итакъ, честный трудъ, нравственная свобода, любовь ко всему окружающему и семья, — вотъ представленія, которыя можно назвать основными элементами Кольцовскаго идеала. Только неудовлетворенностью этого идеала, неудачно сложившеюся жизнью въ разрѣзъ этому идеалу, объясняются въ его поэзіи иногда прорывающіяся проявленія того удалства, которое хочетъ «погулять по свѣту, пожить нараспашку, свою удать-силку попытать на людяхъ («Какъ здоровъ, да молодъ», «Бѣгство», «Пѣсня разбойника): это выраженіе тоски по идеалу, выраженіе безнадежности достигнуть его, отчаяніе, которое въ слѣдующихъ строкахъ, наконецъ, переходитъ въ полную апатію къ жизни: «Жизнь! зачѣмъ ты собой обольщаешь меня? Если бъ силу Богъ далъ, я разбилъ бы тебя!»

Подведемъ итоги, выведемъ основные мотивы нашего разсужденія:

1) Современный взглядъ на воспитаніе требуетъ, чтобы оно было народно и приготовляло не узкихъ специалистовъ и космополитовъ, а всесторонне развитыхъ гражданъ.

2) Поэзія одинъ изъ сильныхъ воспитательныхъ двигателей, и значеніе ея въ системѣ воспитанія, по преимуществу, развитіе чувства народности, на которое у насъ слѣдуетъ обратить особенное вниманіе.

3) Для этой цѣли могутъ служить только такія поэтическія произведенія, которыя, кромѣ общихъ нравственныхъ и художественныхъ достоинствъ, отличаются совершенной народностью содержанія и формы.

4) Въ русской поэзіи самый богатый матеріалъ для этого даетъ поэзія Кольцова, именно тѣ его пьесы, въ которыхъ онъ является пѣвцомъ народной жизни и земледѣльческаго труда.

Бунаковъ.

Каждому, конечно, приходилось наблюдать, что дѣти охотнѣе выбираютъ и заучиваютъ тѣ, преимущественно, стихотворенія, которыя для нихъ наиболѣе понятны, и наоборотъ, избѣгаютъ и неохотно заучиваютъ все для нихъ непонятное, недоступное. Вотъ эта-то понятность, простота, которую со стороны содержанія слѣдуетъ назвать реальностью изображаемыхъ предметовъ, а со стороны изложенія ихъ образностію, и которая прежде всего свойственна дѣтскому мышленію, и составляетъ отличительную черту поэта Кольцова. Она привлекаетъ юную мысль и нѣжное прекрывающееся чувство. Поэтъ заключилъ въ свои пѣсни видимый конкретный міръ, со всей его неизбѣжной правдой и обворожительной красотой, Здѣсь все знакомые, понятные предметы: «красавица зорька», «вода ключевая», «сыръ-дремучій боръ», «соловей залетный», «конь быстрый», «рожь зернистая», «пѣснь грустная» и т. д. Это не отвлеченный сухой міръ человѣческой мысли, не созданіе человѣческаго генія, это самая живая мать-природа, сама, доступная всѣмъ и вѣчно занимательная, вѣчно новая и знакомая дѣйствительность. Она вторгается въ душу человѣка, поднимаетъ дремлющія въ ней силы, настраиваетъ ихъ высоко. Во внутреннемъ мірѣ его, въ движеніяхъ то трепетно-радостныхъ, то задумчиво грустныхъ она, мать-природа, находитъ восхитительный отзвукъ для вдохновляющей своей гармоніи. Дѣвочка понимаетъ «соловья залетнаго», котораго посылаетъ поэтъ къ окну «души дѣвушки», потому что она слышитъ, какъ соловей дѣйствительно поетъ подъ ея окномъ, когда мѣсяцъ ясный смотритъ съ неба въ ея кроватку. Мальчикъ понимаетъ, какъ это «тучи черныя понахмурились и задумались», такъ какъ онъ самъ видѣлъ эту страшную тучу, которая хмурилась, какъ старая бабушка, разсердившаяся за проказы на внука; онъ видѣлъ ее и притихъ отъ страха.

Мы знаемъ, какое сильное впечатлѣніе производила природа на самого Кольцова, среди которой онъ выросъ: ясное небо, лѣса, степь, цвѣты, степной огонекъ вечерній, на которомъ варилась каша чумаковъ, конь, съ котораго онъ не слѣзалъ по цѣлымъ днямъ, перегоняя стада съ одного мѣста на другое. Все это производило на него сильное впечатлѣніе и вызывало различныя, но прекрасныя чувства. Они вылились въ чудные звуки его задушевныхъ пѣсней.

Пусть дѣти читають и поють эти пѣсни: онѣ возвышаютъ и облагораживаютъ душу. Потому-то, какъ замѣчали мыслители и поэты отъ Аристотеля до Бэкона и Гёте, ничто такъ не облагораживаетъ человѣка, какъ созерцаніе природы, посредственное ли то, или въ поэтическихъ образахъ.

Съ простотою сюжетовъ пѣсни Кольцова заключаютъ замѣчательную образность языка, которую мы назвали простотою изложенія. Эта образность даетъ предметамъ наглядность, картинность и живость впечатлѣнія, что въ высшей степени важно для развивающагося дѣтскаго воображенія. Рѣдко, въ самомъ дѣлѣ, встрѣтишь гдѣ-либо такое богатство эпитетовъ, красивыхъ и сильныхъ, какъ здѣсь. Тутъ и земля, пьющая воду, и солнышко, глядящее съ горы небесъ, и рожь зернистая, какъ Божій гость, улыбающійся во всѣ стороны дню веселому... Все одушевлено чувствомъ, все движется и живетъ, какъ будто жизнь человѣческая передалась предметамъ, и они ожили и одухотворились и заблестали какой-то необыкновенной для нихъ человѣческой красотой. Миръ, самъ по себѣ прекрасный, сдѣлается еще лучше. Его дѣйствіе не ослабло, не поблѣднѣло, напротивъ, одухотворенный, онъ сталъ болѣе способнымъ передать привлекательныя качества человѣка и глубокой смыслъ моментовъ человѣческаго существованія: «ясный соколъ» напомнилъ «добраго молодца», «небесный свѣтъ засвѣтился въ глазахъ» «души-дѣвицы», а «старый хрѣнъ» указалъ на старосту. Или какой художественный символъ могъ бы лучше, нагляднѣе и вѣрнѣе представить молву, «растущую до неба и шагающую до моря», по словамъ Virgilія, какъ не художественный образъ птицы, имѣющей «вѣщее» значеніе въ вѣрованіяхъ всѣхъ народовъ:

Ахъ не птица тамъ

То печальный слухъ

Летитъ по небу,

О немъ носится.

Или эти, напимѣрь, простыя, сердечныя, трогательныя обращенія къ неодушевленнымъ предметамъ, которые какъ бы сочувствуютъ человѣческому горю и принимаютъ участіе въ его дѣлахъ и желаютъ ему добра.

Отчего, скажи, мой любезный серпъ,
Почернѣлъ ты весь, что коса моя?..

Видитъ солнышко, жатва кончена,
Холоднѣй оно пошло къ осени...

Въ критическіе моменты жизни, когда приходится бороться за жизнь и счастье, кто лучше помогаетъ ему, какъ не та же одушевленная природа, которую онъ считалъ страшной и могущественной. Стоитъ, поэтому обратиться къ ней съ мольбой, и она засвищетъ пронзительнѣе Соловья-разбойника, расхочется ужаснѣе Бовы-силача.

Подымайся, туча-буря,
Съ полуночной грозой,
Запатайся лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой —

Чтобъ погони злой бояринъ
Велѣдъ за нами не послалъ:
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украину прискакалъ

Такимъ отношеніемъ человѣка къ природѣ, мысли къ слову, идеальнаго къ реальному, поэзія Кольцова напоминаетъ эпическую старину. На зарѣ духовной жизни народы мыслятъ также конкретно и образно, и потому языкъ народнаго поэтическаго міросозерцанія символиченъ. Явленія природы некультурный человѣкъ объясняетъ по аналогіи съ явленіями собственной жизни и свою индивидуальную жизнь переводитъ на языкъ вещественнаго міра. Весь міръ населяетъ живыми существами, видитъ ихъ за каждымъ кустикомъ, овражкомъ и горою, и думаетъ, что каждое изъ этихъ существъ можетъ быть въ извѣстное время или добрымъ, или злымъ, какъ онъ. Вѣра въ чудесное составляетъ поэтому существенный элементъ въ народной эпической поэзіи. Здѣсь обычны и разнаго рода обращенія, олицетворенія, метафоры и превращенія: Тмутаранскій князь, напримѣръ, перерыскиваетъ въ Кіевъ сѣрымъ волкомъ. Ярославна летитъ зегзицею (кукушкой) по Дунаю и проситъ вѣтры, стрибожихъ внуковъ, не вѣять стрѣлы на полки Игоревы и т. п. Все это мы находимъ въ поэзіи Кольцова. Его слѣдующія, напримѣръ, строки:

Лѣшій по лѣсу шумитъ,
 Про свою любовь къ русалкѣ
 Съ быстрой рѣчкой говорить...

Или:

Изъ клѣтей домовою
 Соръ метлою посмелъ...

вполнѣ согласны съ народной вѣрой въ фантастическія существа. Этого мало. Въ стихотвореніи «Лѣсъ» («Что дремучій лѣсъ призадумался?») онъ относитъ нашу мысль къ тому времени, когда европейскіе народы въ своемъ духовномъ развитіи отъ миѣческаго періода переходили въ героическій, и когда на мѣсто стихій природы въ образѣ боговъ являлись герои и полубоги, надѣленные человѣческими атрибутами: Бовы-королевичи, Соловьи-разбойники, Ильи-Муромцы, Микулы-Селяниновичи. Словомъ, его поэзія напоминаетъ поэзію миѣческаго и героическаго эпоса: въ ней, какъ тамъ, та же безыскусственная простота, тотъ же художественный символизмъ, тѣ же приемы обращенія, сравненій и та же вѣра въ сверхъестественное, тотъ же народный идеализмъ. Вотъ почему его поэзію и называютъ народной, а его самого народнымъ поэтомъ.

Съ младенческимъ состояніемъ народовъ сравниваютъ дѣтскій возрастъ. И это вполнѣ справедливо, потому что у дѣтей, какъ и у народа, мышленіе такъ же просто и богато воображеніемъ, рѣчь такъ же жива, кратка и наглядна и сопровождается жестами и тѣлодвиженіями. И не работаетъ, кажется, въ иномъ возрастѣ такъ сильно способность сравненія, характеристики по названіямъ, какъ въ дѣтствѣ, когда воображеніе быстро находитъ средство между различными, иногда отдаленными предметами, которое взрослымъ людямъ не такъ замѣтно. Это хорошо видно изъ тѣхъ прозвищъ,

кличекъ, названій, какія дѣти часто даютъ другъ другу, подобно низшимъ народамъ. Какъ у послѣднихъ, такъ и у нихъ развита, далѣе, потребность къ воодушевленію матеріи, въ чемъ помогаетъ имъ воображеніе и отсутствіе критики и анализа. Ребенокъ считаетъ живымъ существомъ своего картиннаго паяца, и горько, искренно заплачетъ, говоря: «да, чай, ему больно!», если вы дернете небрежно за ногу паяца, подобно тому, какъ плакали нѣкогда какіе-нибудь поляне, о низвергнутомъ и побитомъ Перунѣ. вмѣстѣ съ этимъ въ немъ такъ сильна потребность къ наглядности, къ живому воспроизведенію дѣйствительности. Если мальчику приходится изображать изъ себя сѣраго волка, то, посмотрите, онъ перерыскиваетъ дорожку сада не хуже Тмутараканскаго князя. И дѣвочка, представляющая лебедя, машетъ крыльми, не уступая кукушкѣ — Ярославнѣ.

Если таковы свойства и особенности дѣтскаго мышленія, что онѣ вполне сходны съ качествомъ и особенностями народнаго ума, то народныя пѣсни Кольцова отвѣчаютъ, слѣдовательно, вполне этимъ особенностямъ и потребностямъ. Какъ народъ въ началѣ пробужденія умственной жизни находитъ пищу для своего духовнаго роста въ поэтическихъ созданіяхъ своего творческаго воображенія, такъ и дѣти въ поэзіи Кольцова находятъ себѣ богатый матеріалъ для умственнаго развитія. Всѣ особенности и условія дѣтскаго міросозерцанія заключены въ этой поэзіи. Намъ не могутъ возразить на это, что присущій ей элементъ чудесный служитъ плохимъ матеріаломъ для развитія, потому что этотъ элементъ не есть нѣчто искусственно созданное и навязываемое дѣтскому воображенію; нѣтъ, онъ реаленъ, онъ лежитъ въ самой его природѣ, это его потребность, какъ онъ былъ въ исторіи народа, какъ неизбѣжный результатъ его духовнаго развитія. Это одинъ опредѣленный фазисъ, который потомъ смѣняется другимъ, по законамъ духовнаго развитія (эволюціи), въ общей и единичной жизни.

Поэзія нашихъ предковъ интересна потому, что въ ней отразилась живая дѣйствительность. Самыя заблужденія, какія находимъ въ ней, интересны потому, что нѣкогда они не были заблужденіями: цѣлыя народы вѣрили имъ и по нимъ располагали свою жизнь. «Тамъ видна жизнь своего времени, рисуется міръ души человѣческой, съ тѣми особенностями, какія производитъ въ немъ жизнь народа или одного человѣка въ извѣстную эпоху или періодъ возраста».

Дѣтямъ нравятся произведенія народнаго эпоса. Зачѣмъ же навязывать имъ разные неестественные ходульные рассказы, повѣсти, нарочно сочиняемые разными досужими мастерами? Всякой нравственной сухой сентенціи ребенокъ скорѣе предпочтетъ занимательную сказку старой няни. Пушкинъ, какъ народный поэтъ, болѣе всего былъ обязанъ сказкамъ своей няни Родіоновны, сумѣвшей заронить въ немъ любовь къ родной поэзіи. И не одинъ Пушкинъ обязанъ многимъ народной поэзіи. Многіе замѣчательные ученые, знатоки народной жизни, поэты, композиторы еще въ дѣтствѣ знакомились

съ народной жизнью, съ народнымъ міровоззрѣніемъ, съ народными мотивами по пѣснямъ, какія слышали отъ взрослыхъ, подобно финскому пѣвцу «Калевалы». «Хочется мнѣ пѣть, повѣдать родную старину» такъ начинается финскій поэтъ свою «Калевалу». «Этимъ пѣснямъ учила меня мать моя, вертя свое веретено, когда малымъ ребенкомъ прыгаль я около колѣнъ ея»...

Въ пѣсняхъ Кольцова заключается не только природа, съ ея явлениями и предметами, и элементы эпического народнаго міросозерцанія, но и сама жизнь народа, какъ открывается она въ дѣйствительности, съ ея радостями и горемъ. Это цѣнный полезный матеріаль собственно для развивающагося дѣтскаго разсудка. Не одна природа, одухотворенная силою поэтическаго генія, возвышаетъ душу до міра идеальнаго, но и созерцаніе реальной жизни человѣка и великаго труда его, облагораживаетъ сердце, воспитываетъ чувства для симпатіи къ человѣчеству и для уваженія его. Сложность жизни, разнообразіе человѣческихъ интересовъ, борьба за жизнь и счастье — все это даетъ гораздо большій урокъ сознанію и больше и сильнѣе дѣйствуетъ на нравственную сторону человѣка, чѣмъ даже идеализованный взглядъ на дѣйствіе однообразныхъ и необходимыхъ законовъ природы. Если въ природѣ онъ чувствуетъ себя подавленнымъ ею, теряетъ энергію, чтобы бороться съ тѣмъ, что мѣшаетъ его благополучію, то уже здѣсь, при взглядѣ на жизнь, имъ овладѣваетъ другое чувство, увлекающее его въ сторону лучшихъ дѣйствій, въ направленіе борьбы за счастье свое и своихъ ближнихъ. Гдѣ, въ самомъ дѣлѣ, можно лучше научиться уважать трудъ человѣка, цѣнить его великое назначеніе, какъ не у Кольцова, изображающаго трудъ поселянина, его тяжесть, святость, полезность и пріятность? Или гдѣ, лучше научиться цѣнить то, что имѣешь, свое благополучіе, какъ не при мысли о той бѣдной горемычной долѣ бѣдняка и сироты, которая такъ трогательно представлена у того же Кольцова? А любовь къ народу, сочувствіе къ его простой и мирной жизни? Кто можетъ живѣе пробудить ихъ въ молодомъ сердцѣ, воспитать на нихъ для дѣятельной полезной жизни, какъ не онъ же, любимый народный поэтъ?

Васильковъ.

Кольцовъ, какъ человѣкъ.

Я зналъ Кольцова близко, еще будучи студентомъ; онъ былъ откровененъ со мною; я присутствовалъ при рожденіи многихъ его стихотвореній. Сколько разъ, бывало, заходилъ онъ ко мнѣ озабоченный, пасмурный, въ своемъ длинномъ синемъ сюртукѣ и, вынимая изъ кармана лоскутокъ, исписанный каракульками, просилъ прочесть и сказать ему мнѣніе. Самъ онъ никогда не читалъ своихъ стиховъ. «Ну что скажете? Вѣдь не выходитъ, не вытанцовывается? Видно ужъ бросить!» Иногда, дѣйствительно, вещь оказыва-

лаея слабою, растянутою, пустословною. Онъ прежде всѣхъ и сильнѣе всѣхъ самъ это чувствовалъ. Но мотивъ продолжалъ звучать въ его душѣ, возникшій образъ не отставалъ отъ него. Мало-по-малу мысль становилась яснѣе, слово выразительнѣе; въ потокѣ словъ вдругъ что-то проглянетъ, то тамъ, то тутъ проблеснутъ стихи, въ которыхъ уже затеплилось чувство, загорѣлась жизнь; послѣ многихъ такихъ опытовъ, наконецъ, онъ добирался до своего.

Особенно памятно мнѣ въ этомъ отношеніи одно прекрасное стихотвореніе Кольцова, которое перешло многія пробы, прежде чѣмъ достигло своего настоящаго вида. У меня долго хранились черновые опыты Кольцова, изъ которыхъ постепенно выработалась эта пьеска; къ сожалѣнію, они случайно утратились. Это пора любви (стран. 111, изд. Солд. и Щепк.). Помню, какое электрическое дѣйствіе произвела на друзей Кольцова эта пьеска, когда въ ней вдругъ оказались слѣдующіе стихи:

Стоитъ она, задумалась	Что рѣченка глубокая —
Дыханьемъ горь овѣяна;	Песку со дна не выкинетъ;
Запала въ грудь любовь-тоска,	Въ лицѣ огонь, въ глазахъ туманъ...
Нейдетъ съ души тяжелый вздохъ;	Смеркаетъ степь, горитъ заря...
Грудь бѣлая волнуется,	

Душа его отличалась удивительною чуткостью. При всей скудости своего образованія, какъ многое понималъ онъ. Самыя утонченныя чувствованія, самыя сложныя сочетанія душевныхъ движеній были доступны ему. Чувствомъ души своей онъ постигалъ многое, чего не успѣлъ и не могъ выразить. Біографъ Кольцова имѣлъ полное право назвать его натуру гениальною. Жажда знанія и мысли сильно томила его. Никогда не забуду я нашихъ бесѣдъ съ нимъ. Часы бывало летѣли, какъ минуты. Помню я ночь, которую я провелъ у него. Онъ остановился гдѣ-то въ Зарядьѣ, въ какомъ-то мрачномъ и грязномъ подворьѣ, гдѣ я лишь съ большимъ трудомъ могъ отыскать его. Зашелъ я къ нему на минуту, вечеромъ. Онъ не хотѣлъ отпустить меня безъ чаю. Слово за словомъ, и ночи какъ не бывало. Часто захаживалъ онъ ко мнѣ и, засидѣвшись, оставался ночевать. Живо еще я помню нашу прогулку въ окрестностяхъ Москвы. Мы ходили съ нимъ въ Останкино. День былъ прекрасный. Души наши были настроены такъ живо, такъ радостно; сколько поэзіи, сколько звуковъ было въ этомъ кремнѣ, въ этомъ длиннополомъ, приземистомъ, сутуловатомъ прасолѣ!

Но онъ былъ точно кремень. Не позволялъ онъ себѣ нѣжничать и сентиментальничать. Только иногда, въ завѣтныя минуты распахивалась его душа. А то онъ даже любилъ пощеголять своею практичностью, и, можетъ-быть даже не безъ маленькой аффектаціи, разсказывалъ, бывало, о разныхъ прасольскихъ своихъ продѣлкахъ о своемъ искусствѣ надуть неопытнаго покупателя, продать дороже, купить дешевле.

— Скажите, Алексѣй Васильевичъ, — прервалъ его однажды кто-то посреди такихъ разсказовъ: — неужели вы бы и насъ надули?

— И васъ бы надулъ. Ей, Богу, надулъ бы. Послѣднимъ готовъ подѣлиться съ вами, а на торгу не далъ бы спуска, не удержался бы. Лучше послѣ отдалъ бы вамъ вдвое, а тутъ надулъ бы.

Кольцовъ дѣйствительно сохранялъ догробаглубокую привязанность къ Серебрянскому и всегда говорилъ о немъ съ сердечною симпатіей. Только отъ самаго Кольцова я и слышалъ объ этомъ человѣкѣ, лично же не знавалъ его. Болѣзненный, чахоточный, Серебрянскій былъ человѣкъ съ музыкальною душою, и дѣйствительно первый возбудилъ въ своемъ другѣ поэтическіе звуки. Николай Владимировичъ Станкевичъ узналъ Кольцова на его родинѣ, въ Воронежской губерніи, которая была вмѣстѣ и родиною Станкевича. Сближеніе съ этимъ необыкновеннымъ человѣкомъ не могло не быть плодотворно для Кольцова, да и для кого не было бы оно плодотворно? Къ Станкевичу какъ нельзя болѣе идетъ слова поэта: *Gemeine Naturen zahlen mit dem was sie haben, schöne — mit dem was sie sind.* Въ этомъ человѣкѣ заключалось что-то необыкновенное, обаятельное, живо говорившее и тогда, когда онъ молчалъ. Въ немъ была сила, приводившая въ связь и согласіе самые разнородные элементы. Мы надѣемся со временемъ познакомить ближе нашихъ читателей съ Станкевичемъ, который хотя и не оставилъ по себѣ замѣтнаго слѣда въ литературѣ, но прекрасный образъ котораго тѣмъ не менѣе принадлежитъ исторіи нашего образованія. Станкевичъ издалъ первыя стихотворенія Кольцова: маленькая книжка, въ которой уже такъ много заключалось истинныхъ перловъ поэзіи.

Въ послѣдній разъ видѣлся я съ Кольцовымъ, года за полтора до его смерти, онъ провожалъ меня съ нѣкоторыми друзьями за границу. Лицо его крѣпко запечатлѣлось въ моей памяти. Борьба съ одолѣвавшими обстоятельствами уже изобразила на немъ безвыходное уныніе. Но я былъ далекъ отъ мысли, что такъ скоро, на чужой сторонѣ, дойдетъ до меня вѣсть объ его смерти.

Міръ поэтической мысли Кольцова былъ, дѣйствительно, не обширенъ, и главная заслуга его, конечно, состоитъ въ воспроизведеніи этого міра, главная и достойнѣйшая часть его поэзіи посвящена жизни простого народа. Но духъ Кольцова не былъ крѣпко-на-крѣпко прикованъ къ той сферѣ, въ которой онъ родился: напротивъ, благородствомъ своей натуры и немолчною работою мысли, онъ былъ поставленъ въ независимое отношеніе къ ней, и только благодаря этой независимости, онъ и былъ такъ способенъ постигать и воспроизводить въ живомъ словѣ мотивы своего быта. Несмотря на скудость своего образованія, онъ достигъ однако той нравственной и умственной самостоятельности, по мѣрѣ которой только и возможна живая и плодотворная дѣятельность мысли. То общечеловѣческое, что такъ сильно боролось и работало въ немъ, было виною той чудной власти, которую онъ имѣлъ надъ впечатлѣніями

своей жизни, оно-то было виною истинной народности его поэзи. Въ его пѣсняхъ истинное искусство встрѣтилось впервые съ просто-народною русскою жизнію, и такъ сильно, такъ творчески, такъ обаятельно дало почувствовать ее мыслящему человѣку. Многія изъ думъ Кольцова, въ которыхъ съ такимъ напряженіемъ борется его мысль, конечно, не имѣютъ значительной внутренней цѣнности, но если сами по себѣ онѣ не очень важны, то это еще не значитъ, чтобы онѣ не были важны по отношенію къ личному развитію поэта. Онѣ слабѣ въ нѣкоторыхъ изъ этихъ думъ именно потому, что поэтическая мысль его не приобрѣла еще значительной свободы относительно вопросовъ, которые въ нихъ высказывались. Но за то, съ другой стороны, онѣ служатъ выраженіемъ весьма важнаго факта въ жизни Кольцова: онѣ свидѣтельствуютъ о томъ развитіи его мысли, которое ставило его въ независимое отношеніе къ жизни, въ то отдаленіе, которое необходимо для поэтического постиженія сущности ея явленій; потому что въ мірѣ нравственномъ, такъ же какъ и въ физическомъ, требуется извѣстная степень близости и извѣстная степень отдаленія для того, чтобы нашъ взоръ имѣлъ власть надъ предметомъ.

Катковъ.

Владимиръ Ивановичъ Катковъ, родился 2-го января 1832 года въ селѣ Катковѣ, близъ Тарасова, въ Тамбовской губерніи. Учился въ Тамбовскомъ училищѣ, а затѣмъ въ Московскомъ университетѣ. Служилъ въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія. Сочинилъ нѣсколько книгъ, въ томъ числѣ: «Исторія Тамбовской губерніи», «Исторія Тамбовскаго уѣзда» и др.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,
составленныя В. И. Покровскимъ:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Ц. 50 к. Ч. II. Ц. 1 р.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Никитинъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Плещеевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Тургеневъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

- VI вып. Обь европейскомъ просвѣщеніи XVII—XVIII вв. и о
вліяніи его на русскую литературу и общество. Ц. 2 р.
- VII „ О литературной дѣятельности Екатерины II. Ц. 1 р. 50 к.
- VIII „ О Фонвизинѣ и значеніи его литературной дѣятель-
ности. Ц. 1 р.
- IX „ О Державинѣ и значеніи его литературной дѣятель-
ности. Ц. 1 р. 50 к.
- X „ О просвѣщеніи въ древней Руси. Ц. 3 р.
- XI „ О просвѣщеніи въ XVIII в. Ц. 3 р. 50 к.
- XII „ О положеніи и состояніи русскаго общества въ XVIII в.
Ц. 1 р. 50 к.
- XIII „ О русскихъ сатирическихъ журналахъ. Ц. 3 р.
- XIV „ О Новиковѣ. Ц. 3 р. 50 к.
- XV „ О Радищевѣ. Ц. 2 р. 50 к.

Сокращенная историческая хрестоматія. Ч. I. (Сборникъ историко-литературныхъ изслѣдованій о народной и книжной сло-
весности до эпохи Петра.) Пособіе при изученіи русской словесности
для учениковъ среднихъ учебныхъ заведеній (8^о, 516 стр.). Изд. 4-е.
Ц. 1 р. 25 к. *Рекоменд. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. II. (Сборникъ историко-литературныхъ статей о Канте-
мирѣ, Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Екаторинѣ II, Фонвизинѣ и Державинѣ.)
Пособіе при изуч. литер. для учен. среднеучебн. зав. (8^о, 1175 стр.).
Изд. 3-е. Ц. 2 р. 50 к. *Одобрена Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. III. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Нарам-
зинѣ, Крыловѣ, Жуковскомъ и Грибоѣдовѣ.) Пособіе при изученіи
русск. словесн. для учен. старш. классовъ средн. учебн. завед. Изд.
3-е. Ц. 1 р. 75 к. (8^о, 825 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. IV. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Пушкинѣ.)
Пособіе при изученіи русской словесности для учениковъ старшихъ
классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Изд. 4-е. Цѣна 1 р. 50 к.
(8^о, 791 стр.). *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. V. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гоголѣ,
Лермонтовѣ и Кольцовѣ.) Изд. 3-е. Цѣна 1 р. 50 к. (8^о, 648 стр.).
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Тоже. Ч. VI. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Гончаровѣ,
Островскомъ, Тургеневѣ и Л. Толстомъ.) (8^о, 1045 стр.). Изд. 3-е.
Ц. 2 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Тоже. Ч. VII. (Сборникъ историко-критическихъ статей о Май-
новѣ, Фетѣ, А. Толстомъ и Тютчевѣ) (8^о, 702 стр.). Изд. 2-е.
Ц. 1 р. 50 к. *Допущ. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.*

Сборники русскихъ диктантовъ со стороны ихъ содержанія.
Изд. 2-е. Ц. 20 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв. для фунда-
ментальныхъ библиотекъ.*

**Систематическій диктантъ для среднеучебныхъ заведеній,
городскихъ и начальныхъ училищъ.** Ч. I. Этимологія. Изд. 18-е.
Ц. 50 к. *Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв., Уч. Ком. при Св. Си-
нодѣ для духовныхъ училищъ и Учил. Сов. при Св. Синодѣ для цер-
ковно-приходскихъ школъ.*

Тоже. Ч. II. Синтаксисъ. Изд. 16-е. Ц. 60 к. *Одобр. Уч. Ком.
Мин. Нар. Просв. и Учебн. Ком. при Св. Синодѣ.*

**Имена существительныя, употребляющіяся только во мно-
жественномъ числѣ. Ихъ родъ и окончанія.** Ц. 20 к.

Справочный географическій словарь. Изд. 12-е. Ц. 25 к.
Одобр. Уч. Ком. Мин. Нар. Просв.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются книги,

составленныя **В. И. ПОКРОВСКИМЪ**:

Аксаковъ, С. Т. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Гоголь, Н. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб.

Гончаровъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Грибоѣдовъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Григоровичъ, Д. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Державинъ, Г. Р. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Достоевскій, Ф. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Часть I. Ц. 50 к. Ч. II. Ц. 1 р.

Екатерина II. Ея жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Жуковскій, В. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Кантемиръ, А. Д. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Карамзинъ, Н. М. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 40 коп.

Кольцовъ, А. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 40 коп.

Крыловъ, И. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Ломоносовъ, М. В. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Майковъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 50 коп.

Некрасовъ, Н. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Никитинъ, И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 50 коп.

Новиковъ, Н. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Островскій, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Плещеевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 40 коп.

Полонскій, Я. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 1 руб.

Пушкинъ, А. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Радищевъ, А. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 75 коп.

Сумароковъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 40 коп.

Толстой, А. К. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 60 коп.

Толстой, Л. Н. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 60 коп.

Тургеневъ И. С. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 75 коп.

Тютчевъ, Ф. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 2-е. Цѣна 30 коп.

Фетъ, А. А. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 20 коп.

Фонвизинъ, Д. И. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Изд. 3-е. Цѣна 50 коп.

Чеховъ, А. П. Его жизнь и сочиненія. Сборникъ историко-литературныхъ статей. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Складъ въ книжномъ магазинѣ **В. Спиридонова и А. Михайлова.**

Москва, Моховая, уг. Тверской, д. Варварин. Акц. О-ва. Тел. 1-20-95.